

²²³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.18 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.16; [Смирнов Ф.А.]. Рец. на: Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. Ч.1. Биография Михаила Пселла // РМ. 1890. № 5. С.202-207 отд. паг.

²²⁴ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.4-4 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4858. Л.8 об.-9; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.35; Д. 3547. Л. 10-10 об.; Д.4296. Л.2; [Милюков П.Н.]. Рец. на: Иловайский Д.И. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М., 1886 // РМ. 1886. № 4. С.254-256 отд. паг.

Глава II. МЕЖДУ НАУКОЙ И ПОЛИТИКОЙ

а) Общественно-политическая деятельность до увольнения из университета

Еще в студенческие годы П.Н.Милюков продемонстрировал, что у него темперамент политического бойца, а не кабинетного ученого. Позднее он откровенно писал: «Общественный интерес — это было то, что одушевляло и оживляло наш интерес к самой науке, которую мы никогда не отделяли от жизни. ... Интерес этого рода не сужал и не искажал наших научных устремлений и научного понимания, а, напротив, сообщал им больше широты и жизненности». В связи с этим, занимаясь научной работой, Милюков не забывал следить за внутренней жизнью страны. Большое значение для него имели обзоры в «Вестнике Европы», которые вел К.К.Арсеньев. Милюков читал их с воодушевлением, надеясь увидеть в них конструктивные задачи государственного строительства.

Политическое «затишье», однако же, было недолгим. «Вторая половина восьмидесятых годов уже была переходом от застоя к новому движению, и в этом переходе московская либеральная профессура, сплотившаяся в тесную семью, несмотря на устав 1884 г., ... сыграла видную роль».¹ В московском либеральном профессорском кругу Милюкова «приняли, как желательного союзника и быстро выдвинули вперед». Постепенно Милюков становится завсегдаем многочисленных журфиксов у Н.В.Бугаева, Н.И.Стороженко, Ф.Ф.Фортунова, И.И.Янжула и др. На этих встречах возникали дружеские связи и устанавливались контакты. Благодаря знакомствам Милюков принял участие в работах над «Настольным энциклопедическим словарем» товарищества А.Гранат и К°.

Со временем и у самого Милюкова начались журфиксы. Проходили они по вторникам. Первые достоверные сведения о них относятся к январю 1892 г.²

Кроме университета, центром общественной жизни, с которым был связан Милюков, являлась редакция «Русской мысли». После передачи ей в 1884 г. большей части подписчиков закрытых «Отечественных записок» «Русская мысль» сделалась самым тиражным и одним из самых вли-

ательных в России «толстых журналов». Скорее всего, журфиксам Милуков был обязан знакомством с редактором «Русской мысли» В.А.Гольцевым и последовавшим предложением сотрудничать в журнале. Начав с отдельных рецензий на исторические книги, Милуков вскоре стал писать рецензии и на историческую периодику. Видимо, он стал ответственным за раздел по истории России в библиографическом отделе «Русской мысли».

У В.А.Гольцева дважды в месяц проходили многолюдные журфиксы, на которые собирались литераторы, общественные деятели, ученые. Здесь бывали В.И. и Н.Е.Вернадские, М.Я.Герценштейн, В.Э.Грбарь, С.А.Дриль, Н.А.Каблуков, А.А.Корнилов, С.А.Муромцев, П.И.Новгородцев, С.Ф. и Ф.Ф.Ольденбурги, И.И.Петрункевич, Ф.И.Родичев, В.М.Хвостов, А.И.Чупров, Д.И.Шаховской, И.И.Янжул и др. Завсегдатаем здесь был и Милуков, подружившийся с Гольцевым. Видимо, благодаря журфиксам Гольцева Милуков в начале 1890-х гг. познакомился с переехавшим из Твери в Москву И.И.Петрункевичем. Супруги Петрункевичи спорили с Милуковым по вопросам мировоззрения, придерживаясь идеалистических взглядов. На журфиксах Милуков познакомился с Л.Н.Толстым. Их первая встреча произошла, видимо, в начале 1890-х гг.³

Вхождение в круг либеральной московской профессуры сопровождалось участием в различных акциях. Одной из первых стало подписание «Протеста против антисемитского движения в печати», составленного в мае 1890 г. В.С.Соловьевым.

Составив петицию, Соловьев начал кампанию по сбору подписей. Уже скоро под петицией подписались многие известные деятели науки и культуры: П.В.Безобразов, А.Н.Веселовский, П.Г.Виноградов, Ю.С.Гамбаров, В.И.Герье, Ф.Б.Гец, В.А.Гольцев, Н.Я.Грот, Г.А.Джаншиев, Л.А.Камаровский, В.Г.Короленко, В.Ф.Миллер, С.А.Муромцев, А.Г.Столетов, Л.Н.Толстой, С.Ф. и Ф.Ф.Фортунаковы, А.И.Чупров, И.И.Янжул и др. Среди подписавших был и Милуков. Но опубликовать петицию в России не удалось. Ее текст попал за рубеж и, по свидетельству Соловьева, был издан в Вене и Париже одновременно. Помимо этого, петиция без подписей была напечатана в лондонской «Times».⁴

Пробуждение русского общества началось с голодного 1891 года. Известный провинциальный деятель А.В.Селиванов предложил провести в Рязани публичные чтения в пользу голодающих. Один из друзей Селиванова взялся обговорить этот вопрос с некоторыми приват-доцентами Московского университета. В числе первых принять участие в чтениях было предложено Милукову, который без колебания согласился прочесть ряд лекций.⁵ Но по неизвестной причине лекции не состоялись.

В январе 1892 г. московская университетская интеллигенция решила помочь голодающим. Было решено составить библиографический указатель по всем важнейшим отраслям знаний и выручку от издания передать в пользу последних. На призыв откликнулось 130 человек, которые представили в течение 3 недель материалы по 112 научным дисциплинам. Главным редактором указателя был выбран И.И.Янжул. В перечне

его соредакторов Милуков, активно участвовавший в составлении указателя и приглашении авторов, стоит на первом месте. По свидетельству Е.Ф.Шмуло, Янжул и Милуков в процессе работы над указателем сильно повздорили. Последний упрекал главного редактора в диктаторстве: Янжул в ультимативной форме потребовал включить в указатель не более 100 книг по русской истории. Милуков, отвечавший за этот отдел, все же смог несколько увеличить количество книг в указателе, дав некоторые «в виде добавлений к другим». «Книга о книгах» вышла в свет в начале мая 1892 г. Она подверглась сильной критике в таких правых изданиях как «Московские ведомости» и «Новое время», тогда как либеральные издания, фактически, проигнорировали появление указателя. Рецензенты критиковали наспех составленную, тенденциозную книгу. Особенно сильной критике подверглись отделы по русской истории и истории русской литературы.⁶

6 января 1893 г. Милуков принял участие в собрании видных московских и приезжих общественных деятелей в доме И.И.Петрункевича. Собрание было созвано для заслушивания впечатлений К.К.Арсеньева, возвращавшегося из Воронежской губернии в Петербург, о голоде. На совещании присутствовали около 35 человек (по другим данным — более 50): В.И. и Н.Е.Вернадские, В.А.Гольцев, В.Э.Грбарь, Н.Я.Грот, Г.А.Джаншиев, И.И.Иванюков, А.А.Корнилов, П.И.Новгородцев, А.С.Посников, В.С.Соловьев, Д.С.Старынкевич, И.А.Стебут (председатель), Л.Н.Толстой, один из братьев Фортунаковых, А.И.Чупров, А.Н. и Д.И.Шаховские, В.Е.Якушкин, И.И. и Е.Н.Янжулы и др. По воспоминаниям Шаховского, Арсенев нарисовал удручающую картину: администрация скрывала факты голода, а общество было не готово бороться с ним. Как отметил Арсенев, средств воздействия на равнодушное общество мало: власти запретили обращаться с воззваниями и призывами о помощи, а иносказания не способны вызвать общественный отклик. После сообщения Арсеньева выступали Гольцев, Грот, Стебут, Толстой, Чупров, Шаховской, Якушкин. В частности, Толстой предложил издать сборник в пользу голодающих. Но сборник не состоялся. Как отметил Шаховской, среди собравшихся преобладало чувство бессилия.⁷

Общественно-политические проблемы ставились для обсуждения и в более узком кругу профессиональных историков. Так, на состоявшейся после магистерского диспута Милукова вечеринке С.Ф.Платонов назвал попытки славянофилов и западников объяснить ход русской истории с помощью германской философии «метафизическими бреднями». В.А.Гольцев в ответ заметил, что именами В.Г.Белинского, А.И.Герцена и Т.Н.Грановского в Москве гордятся. Против высказываний Платонова выступил и В.И.Герье. Платонова взволновала эта пикировка, и в письме М.А.Дьяконову он осторожно поинтересовался, «не отлучен я от общины впредь с “правоверными”?»

На вечеринке не обошлось и без обсуждения современного политического положения. В.А.Мякотин заявил: хотя «восьмидесятники» и позорная кличка, но, тем не менее, мы «восьмидесятники», и у нас есть свои

идеалы, есть свои вожди, и Милоков один из них. Милоков возразил, что быть признанным вождем лестно, но он против произвольного употребления термина «восьмидесятники», тем более что это действительно позорная кличка. Как видим, сам Милоков протестовал против причисления его к «восьмидесятникам», чем иногда грешат современные историки.

В другой раз Милоков, по свидетельству А.А.Кизеветтера, откровенно высказал свои взгляды на праздновании Татьянина дня. Он сказал, что скоро будет крутой перелом в политической жизни, и «нам придется выйти на политическую сцену». Судя по всему, Милоков произнес этот прогноз до смерти Александра III.⁸

Представляется справедливой оценка, данная Милокову его позднейшим соратником по политической борьбе В.А.Оболенским, считавшим, что Милоков, как и большинство российской либеральной интеллигенции конца XIX — начала XX вв., переоценивал значение политического момента в жизни общества.⁹ Введение вождя «конституции» рассматривалось этой интеллигенцией, и Милоковым как одним из главных ее вождей, в качестве могущественного средства от всех недугов, поразивших Россию. Вопросы социального и в особенности экономического развития страны отодвигались в сознании левых либералов на второй план — отсюда непримиримая позиция, занятая ими впоследствии в отношении таких видных представителей либеральной бюрократии, как С.Ю.Витте и П.А.Столыпин, для которых вопрос о немедленной коренной политической реформе не был столь насущным. Конституционное нетерпение либеральной интеллигенции, оказывавшей значительное влияние на формирование общественного мнения, представляло в сочетании с бессилием и непоследовательностью верховной власти взрывоопасную смесь.

Сам Милоков резко не противопоставлял политические вопросы социальным и экономическим. Он, как «новый» либерал, был не чужд интереса к социальным проблемам; экономические же проблемы в условиях бурного промышленного роста 1890-х гг. и нового подъема 1910-х гг. не считались в далекой от «меркантильности» интеллигентской среде первоочередными. Главных своих оппонентов в собственном интеллигентском лагере Милоков видел в «дезертирах политики, укрывшихся под знаменем аполитизма, вернувшихся к проповеди религии и личной морали».¹⁰ С ними он вел борьбу как в конце 1880-х гг., «возвращаясь нарочито под знамя “семидесятничества”», так и позднее, когда указанные настроения трансформировались в новые, декадентские течения в литературе и искусстве, и в манифест «Вех».

По утвердившемуся мнению, Милоков состоял в партии «Народное право», организованной бывшими народолюбцами и существовавшей в первой половине 1890-х гг. Исследователь деятельности этой партии В.В.Широкова, зачисляя Милокова в члены «Народного права», ссылается на два свидетельства. Первое — протокол «Кружкового союза», нелегальной студенческой организации, за 1893 год. В изложении Ши-

роковой, собрание постановило пригласить на студенческую вечеринку П.Н.Милокова и П.Ф.Николаева, народоуправцев. Второе — упоминание о Милокове как члене партии в мемуарах марксиста С.И.Мицкевича.¹¹

Причисление Милокова к членам партии «Народное право» представляется нам неверным. Сам Милоков нигде не упоминает о своей принадлежности к партии. В протоколах «Кружкового союза» ни у одной из фамилий приглашенных лиц не названа их партийная принадлежность, т.е. В.В.Широкова добавила ее сама. Свидетельство Мицкевича относится к разряду недостоверных. Участие его в тех же дискуссиях с народниками, что и Милоков, не показатель того, что Мицкевич хорошо знал партийную принадлежность ученого. Более того, мемуары Мицкевича не подтверждаются воспоминаниям такого активного члена партии «Народное право», как В.М.Чернов. Последний, подробно рассказывая о политической жизни Москвы первой половины 1890-х гг. и несколько страниц уделяя Милокову, ни разу не упоминает его как члена партии «Народное право». Партия была ликвидирована в апреле 1894 г., в это же время был арестован Чернов. Марксист Н.А.Семашко, непосредственно общавшийся со многими оппозиционными деятелями 1890-х гг., четко называет Милокова радикалом, а Чернова — народоуправцем. И, наконец, в следственном деле «Народного права» фамилия Милокова отсутствует. Если бы Милоков был членом партии или был близок к ней, это бы обязательно вменили ему в вину в ходе многочисленных разбирательств его оппозиционной деятельности. Но этого не произошло.¹²

Благоприятной средой, в которой Милоков мог пропагандировать свою политическую программу, было студенчество. Кроме преподавания, существовало еще несколько легальных форм его связи со студентами. Видимо, в конце 1880-х гг. Милоков стал действительным членом Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета. В 1892 — 1895 гг. он работал в комитете Общества. В 1898 г. Милоков был выбран постоянным действительным членом Общества.¹³

Другой легальной формой общения были официально разрешенные студенческие вечеринки, на которые «для сближения» приглашались преподаватели. По сведениям московского обер-полицмейстера А.А.Власовского, за 1893-1894 гг. прошло три подобных вечеринки. На одном из собраний «Кружкового союза», подразделения Союзного совета объединенных землячеств, в ноябре 1893 г., было решено устроить в ближайшее время вечеринку студентов и преподавателей. Среди приглашенных значатся писатели Н.Н.Златовратский и П.Ф.Николаев, профессор Петровской сельскохозяйственной академии И.И.Иванюков и Милоков. Согласно данным дневника М.С.Корелина, на вечеринку 4 декабря 1893 г. в кухмистерской Ивановой пришли преподаватели Московского университета П.Г.Виноградов, Н.Д.Зелинский, М.С.Корелин, Л.М.Лопатин, П.Н.Милоков.

В «Воспоминаниях» Милокова есть намек на его участие в студенческой вечеринке осенью 1894 г., после смерти Александра III. Там Милоков сказал студентам, что начинается новая волна общественного движения.

Во время октябрьского допроса 1895 г. Милуков показал, что в 1894–1895 гг. он никаких вечеринок не посещал. В прежние же годы он был на двух-трех. Как видим, Милуков не откровенничал с представителями властей.

По мнению Власовского, изложенному в записке от 11 декабря 1894 г., из участников подобных вечеринок особо вредное влияние на студентов оказывали Милуков и Вернадский, которые пропагандировали «настоятельную необходимость политического воспитания студентов», выступали за более тесные контакты студентов и профессоров. По сведениям Власовского, они собирались составить каталог книг, чтение которых даст необходимый результат.¹⁴

Кроме легальных встреч Милукова со студентами, были и нелегальные. Ценное свидетельство о них принадлежит В.М.Чернову, учившемуся с 1892 г. на юридическом факультете. Чернов был активным участником ряда нелегальных студенческих диспутов между марксистами и народниками. На эти вечера приглашался и Милуков. По словам Чернова, марксисты, усмотревшие в литографированном курсе Милукова сходство с собственными взглядами, апеллировали к нему как к «своему возможному союзнику». В особенности их привлекало мнение о позднем бюрократическом происхождении русской поземельной общины, они противопоставляли его народническому пиетету перед общиной. Однако Милуков заявил, что его взгляд на прошлое общины не мешает ему в настоящем быть противником ее форсированного разрушения. «Что будет с ней, — говорил Милуков, — насколько она способна к перерождению и к развитию в высшие формы — должно считаться вопросом открытым. Но дать ей полную возможность развиваться свободно и беспрепятственно, обезопасить ее от всяких бюрократических экспериментов, от всякого административного опекуинства, обеспечить общинное имущество от растаскивания по рукам единоличных держателей земли — это, по моему мнению, элементарная обязанность всякого искреннего демократа, как бы сам он лично ни относился к общине и как бы ни расценивал ее роль в будущем».¹⁵

Милуков осторожно обходил вопрос о будущем общины, поклонником которой он вовсе не был, чтобы не отпугнуть народников. Но, с другой стороны, уже здесь он высказал решимость при определенных условиях выступить в защиту общины. Позднее он подтвердил эту решимость на деле, в борьбе против аграрной политики П.А.Столыпина. Как видно из приведенной цитаты, позиция Милукова по отношению к столыпинской реформе объяснялась не только тактическими, но и принципиальными соображениями. Более того, много лет спустя после полемики со Столыпиным, в эмиграции, Милуков высказывал почти немислимое для эмигранта мнение о жизнеспособности советских колхозов — из-за укорененности традиций коллективного землепользования в русской деревне.¹⁶

Другое ценное свидетельство об участии Милукова в дискуссиях с марксистами приводит в своих воспоминаниях С.И.Мицкевич. Милуков отстаивал те взгляды, что позже изложил в «Очерках по истории рус-

ской культуры». Согласно Милукову, Россия шла другим путем, чем Европа. В России не было феодализма, государство складывалось иначе, чем на Западе, отсутствовала классовая борьба, роль правительства была определяющей и созидательной.

Одним из марксистских оппонентов Милукова был Д.П.Калафати (1871-?), студент Московского университета, участник революционного движения. Калафати раскритиковал Милукова, указав, что феодализм в России был, но в несколько иных формах.¹⁷

В воспоминаниях Чернова примечателен еще один момент — отношение Милукова к революционному террору. Выше упоминалось, что студентом Милуков одобрял народовольческий террор как метод политической борьбы. С годами это отношение не изменилось. По словам Чернова, в кругу учащейся молодежи Милуков, «прямо не высказываясь относительно отдельных методов борьбы, ... дал понять, что нанесение ударов, расшатывающих правительство, старыми, испытанными народовольческими способами встретило бы с его стороны самое сочувственное отношение». Подобные же, по существу провокационные, заявления перед сходной по составу аудиторией Милукову довелось сделать и позднее, в 1900 и 1902 гг. Летом 1905 г. он заявлял, что казненный за убийство великого князя Сергея Александровича И.П.Каляев «был жертвой, принесенной на благо народа». А в 1907 г. он упорно отказывался пойти на соглашение со П.А.Столыпиным и осудить в «Речи» террор даже в обмен на легализацию кадетской партии.¹⁸

В ходе нелегальных студенческих диспутов Милуков играл заметную роль. На одном из них он согласился председательствовать и вести прения. Подводя итог дискуссии, Милуков отметил как отрядный факт интерес молодых людей к современным политическим вопросам. Чернов упоминает, что студенты-народники предложили Милукову переработать для распространения в студенческой среде нелегальную народовольческую брошюру В.Г.(Н.М.) Богораза «Борьба общественных сил в России». Милуков поначалу согласился и даже взял брошюру, но позже отказался, мотивируя это иным видением путей борьбы с самодержавием. Возникшие разногласия между Милуковым и народниками воспринимались тогда последними как «чисто тактические».¹⁹

Вообще, сотрудничество с более радикальными политическими течениями было весьма характерно для левого крыла русского либерализма в конце XIX — начале XX века. Один из вождей этого крыла, И.И.Петрункевич, еще в конце 1870-х гг. выступал с идеей «объединения всех оппозиционных сил в стране». В конце 1880-х гг. широкое распространение в оппозиционных кругах получила рукописная статья В.А.Гольцева «Земский собор», где «выдвигалась программа ориентации на союз революционеров и либералов». Милуков, которому в начале XX в. предстояло стать преемником этих лидеров, вполне разделял данную программу, рассчитывая использовать революционеров как ударную силу в борьбе за «конституцию», за политическую реформу, а выполнение их широких социальных требований отложить на потом. Он брал на себя роль примиряющего посредни-

ка между народниками и марксистами. Эта роль была ему к лицу, т.к. не только последние, но и первые считали его «своим».

С другой стороны, идея объединения с левыми либералами не была чужда народникам и марксистам, враждовавшим между собой.

Г.В.Плеханов и П.Б.Аксельрод проявляли непосредственный интерес к П.Н.Милукову. В письме П.Б.Аксельроду от 2 марта 1894 г. Плеханов писал: «Кланяюсь всем твоим, а также Милукову, Лаппо-Данилевскому и прочим нашим. Как они? Умные ребята?» Знакомство Аксельрода с Милуковым и Лаппо-Данилевским исключается. Как справедливо заметили издатели письма, причиной интереса Аксельрода к Милукову была то, что первый с 1893 года развивал мысль о необходимости взаимной поддержки либералов и социал-демократов. В это время ему за границу попадает первый выпуск литографированных лекций Милукова, где Аксельрод находит подтверждение своим взглядам на взаимоотношения общества и государства в русской истории. О взглядах Милукова знали и эмигранты-народники. Так, Н.В.Чайковский в письме к Милукову от 15 июля 1897 г. писал: «Ваши основные воззрения нам давно хорошо известны».

Полиция характеризовала тогдашние убеждения Милукова как народофильские; Н.А.Семашко считал Милукова радикалом, как говорилось выше, в противовес либералу В.А.Гольцеву; но, видимо, ближе к истине был В.М.Чернов, писавший: «Мне кажется, впрочем, что и сам П.Н.Милуков в те времена еще не успел окончательно “познать самого себя”. Он, вероятно, сам был во власти иллюзии, сближавшей его с нами»²⁰ (т.е. народниками).

Оказавшись в 1893 году за границей, Милуков встречался с революционными эмигрантами. В начале июня на деньги, полученные в виде премии имени Соловьева, супруги Милуковы отправились через Австрию во Францию. В Вене они немного задержались: Павел Николаевич посвятил два дня изучению коллекций музея естественной истории. В середине июня супруги прибыли в Париж. Вначале они поселились в гостинице, а потом переехали на квартиру знакомого француза Ж.Легра. После месячного пребывания в Париже Милуков отправил семью на морское побережье, в Бретань, а сам отправился в Лондон, где провел вместе с И.И.Янжулом около двух недель. Как писал Милуков в одном из писем, в Лондоне он видел легенду английских либералов У.Ю.Гладстона. После Лондона Милуков посетил съезд University Extension в Кембридже, откуда отправился в Бретань. Там Милуковы провели остаток лета вместе с семьей другого своего знакомого — П.Буайе.

Во время пребывания в Париже Милуков посетил П.Л.Лаврова. Разговор у них шел о науке, а не о политике. В Париже Милуков познакомился и с И.М.Гревсом, другом В.И.Вернадского. Через Гревса устроилась встреча Милукова с известным деятелем украинского движения М.П.Драгомановым. Последний одобрил выступление Милукова против эпигонов славянофильства, рассказал о своей деятельности в Высшем училище в Софии, куда, по иронии судьбы, Милуков будет приглашен после его смерти.²¹

Смерть Александра III, последовавшая 20 октября 1894 года, вызвала в русском обществе ожидания перемен. В развернувшихся после кончины императора событиях в Московском университете Милукову предстояло сыграть определенную роль. Несколько профессоров Московского университета (в т.ч. В.О.Ключевский) сказали короткие речи в память императора. Студенты приняли их спокойно. Но события приняли серьезный оборот после того, как в середине ноября в печатном виде появилась хвалебная поминальная речь В.О.Ключевского, произнесенная 28 октября в Обществе истории и древностей российских, в которой ученый высоко оценил покровительственное отношение покойного императора к русской исторической науке и его миролюбивую внешнюю политику. После этого участники студенческого кружка И.И.Скворцова (Степанова) скупили несколько сот экземпляров отдельных оттисков речи Ключевского, от руки на обложке написали «2-ое издание исправленное и дополненное», а перед третьей страницей вклеили листок с гектографированным вступлением и басней Д.И.Фонвизина «Лисица-казнодей» (о льстивой лисице, хвалящей умершего льва-деспота). В таком виде брошюра начала распространяться среди публики. Один экземпляр был отправлен с депутацией на дом Ключевскому. На лекции 30 ноября эту брошюру ему положили на кафедру. Несколькими радикальными студентами профессор был освистан. По Москве сразу же поползли слухи, что этот инцидент был инспирирован Милуковым (сам Милуков отвергал это). Поговаривали, что Ключевский поверил слухам. Когда же вскоре Милуков был уволен из университета, то, в свою очередь, студенты заподозрили Ключевского в причастности к этой расправе.²²

За происшедшее на лекции В.О.Ключевского университетский суд 1 декабря исключил трех студентов без права поступления в Московский университет. В ответ на приговор суда начались волнения — студенты требовали отменить постановление. По просьбе попечителя полиция приняла меры, и студентов разогнали. Дабы не дать собраться новой сходке, в ночь на 3 декабря 1894 г. полиция начала высылку из Москвы нескольких десятков студентов, причем не обошлось без ошибок.

За высланных решила вступить либеральная профессура. 4 декабря В.И.Герье был на заседании Союзного совета объединенных землячеств, где попытался успокоить студентов. После этого Герье и Милуков составили проект петиции на имя московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. По сведениям М.С.Корелина, в ходе составления проекта петиции Герье отстранил Милукова от этого дела. (Стоит сказать, что в воспоминаниях В.И.Герье утверждал, что Милуков не принимал никакого участия в составлении петиции).

10 декабря 1894 г. на квартире А.А.Остроумова собралось около 30 профессоров для обсуждения петиции по поводу студенческой истории. 13 декабря состоялось второе собрание, где был одобрен текст петиции. 15 декабря она была подписана 42 профессорами.

Участвовал ли Милуков в заседаниях на квартире Остроумова — сказать сложно. В некоторых источниках он назван среди собравшихся, в

других — его имя не упоминается. Скорее всего, он все-таки присутствовал там. По не вполне надежным слухам, передаваемым Н.П.Боголеповым, Милюков служил посредником между профессорами и Союзным советом.

16 декабря 1894 г. депутация профессоров подала петицию Сергею Александровичу, но тот не дал хода делу. Инициаторы петиции (В.И.Герье, А.А.Остроумов, А.И.Чупров, Ф.Ф.Эрисман) получили выговор от властей.²³

Отдельной страницей общественно-политической деятельности П.Н.Милюкова стало его участие в английском журнале «The Athenaeum» в качестве обозревателя русской художественной и научной литературы. В «Воспоминаниях» Милюков пишет, что Н.И.Стороженко передал ему свое сотрудничество в журнале. Но в действительности дело было не совсем так. Стороженко был как-то связан с журналом, но обзоров для него никогда не писал. Обзоры европейской литературы впервые появились в «The Athenaeum» в 1887 г. В этом году по России его написал С.Варшер, в 1888 г. — П.А.Кропоткин. Потом на 8 лет они перешли к Милюкову. Сотрудничество Милюкова по неизвестным причинам прервалось в 1896 г. Обзор литературы за 1896/97 г. был написан Л.А. де Богдановичем, следующий — К.Д.Бальмонтом.

Согласно установленным правилам Милюков к концу мая должен был посылать в редакцию обзор литературы за прошедший год на русском языке. Естественно, статьи Милюкова не проходили русскую цензуру, тем не менее он был очень осторожен в подаче материала при описании общественного движения. Достоверно известен лишь один переводчик Милюкова в журнале — некто Гернике, тогда как историк в «Воспоминаниях» называет другого — Э.А.Б.Ходжеттса.²⁴

Оставляя в стороне обозрение русской художественной и научной литературы, обратимся к политическому развитию русского общества в том виде, как его преподносил английским читателям Милюков. В своем первом обзоре за 1888/89 г. Милюков практически ничего не говорит о политическом состоянии русского общества.

Следующий свой обзор он начал с утверждения, что давать общее описание состояния литературы становится все труднее. Причина тому — исчезновение в общественной жизни четко определенных и активных течений и партий предшествующего времени, борьба которых была настолько бескомпромиссна, что оставаться вне ее было невозможно.

В третьем обзоре Милюков подробнее обрисовал состояние общества. Оно, по Милюкову, продолжало оставаться неизменным. Соответственно скудость литературы есть всего лишь отражение «пустоты нашей повседневной жизни». «История современной русской литературы» А.М.Скабичевского, дала Милюкову повод оценить политическое развитие России в 1860-1880-е гг. Появление «прославленного» поколения «шестидесятников» Милюков ставил в прямую зависимость от реформ Александра II. Почти все поколение «семидесятников» оказалось вовлеченным в политическую борьбу, многие его представители стали ее жерт-

вами. В сравнении с этими двумя поколениями «восьмидесятники» предстают разочарованными и безразличными к общественным нуждам. Развитие страны в это десятилетие не было благоприятным для формирования социально активного поколения. Милюков неодобрительно относился к попытке придать мироощущению «восьмидесятников» вид позитивной политической программы.

Оценивая современное развитие политических течений, Милюков выделял спор либералов и народников о будущем развитии России. Этот спор, по его мнению, частично был следствием взаимного непонимания двух групп и в некоторой степени обусловлен односторонностью взглядов народников.²⁵

В обзоре за 1891/92 г. Милюков отметил изменение тона общественной жизни. Можно было говорить о начале переходного периода, несмотря на то, что никаких крупных событий не произошло. Два обстоятельства, по мнению Милюкова, обозначили новый отсчет времени — неспособность «восьмидесятников» создать позитивную программу на ближайшее будущее и голод в России. Борьба с голодом стала ясной целью даже для тех, кто раньше был безразличен к социальным вопросам. Естественно, что «подъем социальной температуры» повлиял на всю русскую литературу. Стоит сказать, что в данном обзоре Милюков впервые начал с описания общей атмосферы общества и лишь потом перешел к анализу художественной и научной литературы. Впоследствии такой порядок подачи материала он не менял.

В следующем обзоре Милюков прямо сказал, что признаков конца застоя в обществе становится все больше, а «социальная температура» растет вне всякого сомнения. Поколение «восьмидесятников» уходит в прошлое, на новый уровень перешло даже движение толстовцев. Милюков считал необходимым дать изложение социальных программ движений предшествующего периода, т.к. новая расстановка сил была ни чем иным, как возрождением спора радикалов, к которым автор обзора относил все революционные движения, и либералов. Дав достаточно подробный очерк развития народнической теории и взглядов либералов, Милюков отметил и разницу в подходах двух течений к первоочередности задач: народники выступали за социальные реформы, либералы настаивали на политических. Отделившиеся в 1870-х гг. от народников сторонники идей К.Маркса признали первоочередными политические реформы, что дало возможность либералам сделать ряд уступок радикалам и предпринять некоторые шаги для сближения. Но желаемого объединения не получилось вследствие застоя 1880-х гг., который мало что дал для развития всех политических течений. Начинаясь переходный период потребовал проверки и пересмотра основных теоретических взглядов всех групп. Поэтому Милюков изложил содержание современной дискуссии между либералами и радикалами, в которой приняли участие В.П.Воронцов, Н.К.Михайловский, А.Н.Пыпин и В.С.Соловьев.

Обзор за 1893/94 г. Милюков начал опять с указания на возрождение активности русского общества. Он дал сравнительную характеристику

взглядов народников и марксистов, остановившись, прежде всего, на работах народников В.П.Воронцова, И.И.Каблица, С.Н.Кривенко, Н.К.Михайловского. Судя по всему, взгляды марксистов казались Миллюкову более приемлемыми для сближения с либералами, чем народническая теория.²⁶

Восшествие на престол Николая II породило в либеральных кругах русского общества надежды на некоторые перемены, надежды, которые разделял и Миллюков. Ко времени написания очередного обзора для журнала уже прозвучали слова нового императора о «бессмысленных мечтаниях», а сам автор уже несколько месяцев находился в Рязани, куда был выслан. Но даже в таких условиях Миллюков надеялся, как и многие русские либералы, на недолговечность «нового курса» Николая II. Правительственная политика в 1895-1896 гг. и отсутствие в момент коронации в устах монарха малейшего намека на дарование «конституции» поставили крест на либеральных ожиданиях. Эти обстоятельства необходимо иметь в виду при рассмотрении двух последних обзоров Миллюкова в «The Athenaeum».

Обзор 1894/95 г. Миллюков начал с признания важности начала нового царствования. Смена царя, констатировал он, застала общество в возбужденном состоянии, что было результатом ограниченных требований либералов, отвергнутых верховной властью. К чему приведет «новый курс» - к реформам, к реакции или к беспринципному правлению, — никто точно ответить не может. Плохое управление (misrule) и невежество — вот главные беды России, поэтому главенство законности во всех сферах жизни и широкое распространение народного образования сделались целями, ради которых люди различных взглядов стали объединяться. Серьезные разногласия возникают там, где экономический аспект социальной программы находится в центре дискуссии. Эта дискуссия была, возможно, главной темой русской публицистики. Далее Миллюков знакомил английского читателя с новым этапом и действующими лицами полемики народников и марксистов. К уже известным именам добавились Н.Бельгов (Г.В.Плеханов), Н.А.Карышев, П.Б.Струве и др. Миллюков считал, что дискуссия показала необходимость дальнейшего изучения современной экономики, свободного от игнорирования особенностей развития России марксистами и их преувеличения народниками. Практическим результатом дискуссии, по мнению Миллюкова, стал увеличивающийся раскол в рядах народников.

Последняя статья Миллюкова в журнале «The Athenaeum» охватывала период с середины 1895 по середину 1896 г. Миллюков начал обзор жизни русского общества со сравнения ее с рекой, чье быстрое течение было резко остановлено непреодолимым препятствием. Поток был не настолько сильным, чтобы прорвать препятствие, но и не настолько слабым, чтобы полностью остановиться, в результате чего вода стала заливать близлежащую местность, превращая ее в болото. Минимальные требования общества — законность и народное образование — остались прежними, но даже они не учитываются правительством. Продолжаются ожесточен-

ные споры народников и марксистов об экономическом будущем России, которые все больше смещаются в сторону политики. Отметим Миллюков и интерес либеральных и консервативных авторов к вопросу о сельской общине.²⁷

Обзоры Миллюкова в английском журнале не оставались неизвестными для русского читателя. Правда, знакомство с ними происходило в основном через посредничество рецензентов. С рецензентами Миллюкову не повезло. Первый обзор Миллюкова стал объектом резкой критики со стороны В.Р.Зотова (1821-1896). В журнале «Исторический вестник» он анонимно дал анализ обзора Миллюкова, указав на якобы имеющиеся серьезные недостатки в освещении произведений художественной и научной литературы. Зотов считал, что Миллюков «только по фамилии принадлежит к историкам литературы». (Намек на писателя А.П.Миллюкова). Возмущенный тоном рецензента и искажениями своих мыслей, Миллюков обратился к редактору «Исторического вестника» С.Н.Шубинскому с просьбой поместить опровержение. Редактор отказался. Тогда Миллюков опубликовал ответ неизвестному рецензенту в «Русской мысли», в котором показал неточную интерпретацию своих мыслей и плохое знание рецензентом английского языка. Кстати, после публикации ответа Миллюков от Платонова узнал фамилию рецензента.

Следующий обзор Миллюкова Зотов уже не критиковал столь ожесточенно. Тем не менее Миллюков посчитал необходимым ответить и на него. На этот раз Шубинский согласился напечатать письмо Миллюкова на страницах «Исторического вестника». Но даже после этого рецензирование обзоров Миллюкова не прекратилось. В течение еще четырех лет Зотов сообщал их краткое содержание и свои оценки в разделе «Заграничные исторические новости». Несмотря на ответную критику Миллюкова, рецензент по-прежнему оставался невысокого мнения об обзорах. Он считал миллюковские оценки внутреннего положения России неверными, а изображение общественных движений — тенденциозным и путанным. В 1895 г. рецензия на миллюковский обзор не вышла, а 6 февраля 1896 г. Зотов скончался.²⁸

Наряду с занятиями чистой политикой общественная деятельность Миллюкова в первой половине 1890-х гг. проходила и в более мирной форме — просветительской. Впрочем, просветительство тоже имело политический подтекст — ожидалось, что просвещение масс приблизит момент торжества конституции. Такое мнение активно разделял и Миллюков, прямо указывавший на распространение научных сведений в массах как на один из главных инструментов борьбы против реакции.²⁹ Это можно расценить как частный случай общего утилитарного подхода к культуре, характерного для русского освободительного движения. Консервативные оппоненты либералов точно так же полагали, что просвещение непременно развратит народ и приведет к потрясению основ. Следствием взаимной убежденности обеих противоборствующих сторон в том, что через просвещение лежит прямой путь к свободе (благодетельной или губительной) было, во-первых, то, что либеральная интеллигенция рас-

сма тривала свои просветительские акции не только как дань служения народу, но и как важный инструмент политической борьбы; во-вторых, то, что за эти акции порой приходилось жестоко расплачиваться.

22 января 1893 г. в Историческом музее в цикле публичных чтений в пользу библиотечного фонда Московского комитета грамотности Милюков прочел лекцию «Разложение славянофильства». (Первоначально лекция планировалась на 16 января). Кроме Милюкова, в чтениях принимали участие профессор П.Г.Виноградов, Л.А.Камаровский, В.О.Ключевский, Н.И.Стороженко, А.И.Чупров, приват-доцент И.И.Иванов, а также писатель П.Д.Боборыкин. Большая часть вырученных за лекции денег была предназначена, «по желанию лекторов, на устройство сельских библиотек и пособия школам, остальные — в пользу пострадавших от неурожая». Лично для Милюкова прочитанная лекция представляла нечто большее, чем посильное участие в благотворительной акции, — в ней он «открыл свое идейное знамя». В лекции Милюков рассмотрел, как в трудах трех эпигонов славянофильства (Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева и В.С.Соловьева) трансформировались первоначальные идеи «национальности» и «всемирно-исторического предназначения» русского народа. (Надо сказать, что Милюков назвал В.С.Соловьева представителем одной из фракций постславянофильства еще в 1889 г. в обзоре для «The Athenaeum»). Лекция была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» и вышла отдельным оттиском.³⁰

Выступление Милюкова вызвало много откликов. В.С.Соловьев, просмотревший статью Милюкова прежде печатания в журнале и согласившийся с фактическим изложением своего учения, тем не менее посчитал причисление себя к левой фракции постславянофильства неправильным. Против мнения Милюкова, что славянофильство «умерло и не воскреснет», выступили многие правые публицисты. При этом они указывали на неправомочность причисления Леонтьева и Соловьева к славянофилам. Либеральная общественность отнеслась к лекции Милюкова сочувственно, признав объективный характер его оценок.

Милюков печатно ответил лишь Соловьеву. Несмотря на критику, Милюков остался верен своим взглядам, которые в 1900 г. изложил в статье «Славянофильство» в «Энциклопедическом словаре» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, а в 1903 г. — перед американскими слушателями.³¹

28 января 1893 г. Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства избрал Милюкова действительным членом. Причиной тому было пожертвование части дохода от прочтенной лекции «Разложение славянофильства» в пользу комитета, который очень рассчитывал на Милюкова и в деле проведения зимой 1894 г. подобных лекций. Но, судя по всему, Милюков не согласился, т.к. его фамилии нет в числе лекторов в списке общества, поданном 14 октября 1894 г. на утверждение московскому генерал-губернатору.

Решением комитета от 22 декабря 1893 г. Милюков был избран членом секции по народному обучению всероссийского съезда сельских хозяев и всероссийской сельскохозяйственной выставки по случаю празд-

нования 75-летия общества, назначенных на 20 декабря 1895 г. Милюков был приглашен и, видимо, пришел на организационное заседание секции 3 января 1894 г. Из-за высылки в Рязань он не принял участия в самом съезде. Помимо приглашения на съезд, Милюков 26 января 1894 г. был избран одним из членов ревизионной комиссии комитета.³²

Другой просветительской акцией стало участие в сборнике «В пользу воскресных школ», затеянном редакцией журнала «Русская мысль». Выбранная Милюковым тема — попытка ограничения власти императрицы Анны Иоанновны — была достаточно смелой, и автор даже опасался, что цензура ее не пропустит. Но статья вышла из цензуры невредимой, правда, пролежав там 2 месяца. Это сильно задержало печатание самого сборника, который вместо предполагавшегося конца 1893 года вышел в феврале 1894 г.³³

Самой известной страницей просветительской деятельности Милюкова стало участие в работах Комиссии по организации домашнего чтения (КПОДЧ), возникшей в 1893 г. при Учебном отделе Общества распространения технических знаний (УО ОРТЗ). Само Общество существовало с 1869 г., пользовалось официальным покровительством великого князя Александра Михайловича и ничем особенным внимания к своей деятельности не привлекало. Именно вполне солидный в глазах властей статус Общества и привлек московскую университетскую интеллигенцию, решившую использовать его в качестве прикрытия для своих начинаний. Общественное оживление начала 1890-х гг. повлекло за собой рост инициативы в интеллигентских кругах, одним из результатов которого и стала КПОДЧ, созданная в подражание англо-американским образцам University Extension (движения по распространению университетского образования). Автором идеи ее создания была московская общественная деятельница Е.Н.Орлова.³⁴ Она увлекла этой мыслью Милюкова, который перевел дело в практическую плоскость.

Председателю УО ОРТЗ Ф.И.Егорову было подано заявление, подписанное десятью членами отдела, о создании Комиссии по организации домашнего чтения. 8 апреля 1893 г. Егоров открыл первое заседание комиссии. Должностными лицами КПОДЧ были выбраны: председателем П.Н.Милюков, вице-председателем Е.Н.Орлова, секретарями А.Е.Грузинский и А.С.Милюкова. На следующем заседании 16 апреля комиссия приступила к выработке программы своей деятельности. А.А.Кизеветтер отметил в своем дневнике, что председательствующий на заседании Милюков «сильно конфузится». Впечатление Кизеветтера от милюковского проекта деятельности КПОДЧ было следующим: «не потащут ли нас за все это в участок?» На первом собрании окончательный вариант программы деятельности комиссии принят не был, и дискуссия о принципах деятельности продолжилась на следующих заседаниях.³⁵

Деятельность комиссии, в соответствии с западными образцами, предполагалось осуществлять в нескольких формах: составление программ заочного обучения, руководство (по переписке) занятиями тех, кто изъявил желание работать по этим программам, организация поездок универси-

тетских преподавателей в провинцию с курсами лекций. Высшая форма University Extension — летние «сессии» — в русских условиях была неосуществимой прежде всего из-за недостатка средств у потенциальных «заочников». Как видно из перечня форм, движение по распространению университетского образования было рассчитано не на широкие слои необразованных масс, а на провинциальную интеллигенцию. Милуков, излагая в мемуарах схему просветительского движения конца прошлого века, подтверждает это обстоятельство и указывает, что базовым слоем его были «лица, более близкие к народной массе»,³⁶ а университетская интеллигенция занималась, в свою очередь, «просвещением просветителей».

Председателем КПОДЧ, Милукову, удалось лично ознакомиться с зарубежным опытом организации University Extension летом 1893 г. в Англии, где он присутствовал на летнем съезде университетских профессоров и их слушателей-«заочников» в Кембридже. По возвращении домой Милуков поделился своими впечатлениями с русской публикой,³⁷ выступив 12 марта 1894 г. на годичном заседании УО ОРТЗ.

В составлении программ и руководстве обучающимися принял участие целый ряд университетских преподавателей. Не обошлось и без конфликтов. Так, П.Г.Виноградов первоначально отказался войти в состав подкомиссии при КПОДЧ, аргументируя это тем, что «я буду оставаться в меньшинстве, а это — не в моем характере». Несмотря на возникшие трения с Милуковым, Виноградов чуть позже согласился принять участие в составлении программ, и ему перешел в заведование весь исторический отдел.³⁸ Сборник программ домашнего чтения на первый год обучения вышел как приложение к журналу «Книговедение» (1894. № 9-10), а в начале декабря — отдельным изданием. В помощь желающим заниматься по программам КПОДЧ вместе с издателем И.Д.Сытиным начала публикация серии книг «Библиотека для самообразования». Корректуру новую правку нескольких книг осуществил Милуков. В «Воспоминаниях» он упоминает о своем переводе для этой серии книги В.Минто «Дедуктивная и индуктивная логика». На самом деле перевод этой работы был выполнен С.А.Котляревским.³⁹

Для того чтобы наладить взаимодействие двух отрядов просветителей, требовалась не только готовность интеллигентских «верхов» бескорыстно поделиться знаниями, но и заинтересованный отклик интеллигентских «низов». Такой отклик на инициативу московской комиссии последовал довольно быстро из Нижнего Новгорода.^{39a} Уже в то время, как Милуков в вышеупомянутой речи 12 марта обратился к провинциальной интеллигенции с призывом поддержать работу возникающей комиссии, в Нижнем существовало Общество взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии, руководимое присяжным поверенным С.С.Баршевым. Среди прочего это Общество ставило своей задачей организацию общеобразовательных лекций для учителей, и перспектива заполучить столичных лекторов была для него очень заманчива. Решение о проведении лекций на зимних каникулах было принято Обществом в октябре 1894 г., на что выделили 150 рублей. Всем

учителям губернии обществом были разосланы вопросы о том, какие лекции они хотели бы прослушать. Большинство высказалось за общеобразовательный курс.

В ноябре 1894 г. Баршев побывал в Москве и провел переговоры с Милуковым. Милуков сообщил Баршеву, что несколько молодых московских ученых решили во время зимних и летних каникул съездить в провинцию и прочитать там общедоступные лекции. Милуков отнесся сочувственно к идее устроить лекции в Нижнем Новгороде, выставив условием оплату лекторам проезда и проживания. На заседании Общества 3 декабря 1894 г. Баршев доложил о результатах переговоров. Общество согласилось с условиями, выдвинутыми Милуковым, гарантировав, помимо этого, лекторам до 20 рублей за каждую лекцию. Общество попросило Милукова пригласить других лекторов.⁴⁰

Несмотря на подобные гарантии, Милуков, очевидно, решил предварительно выяснить отношение нижегородской публики к планируемому мероприятию и использовал для этой цели яркого оратора В.А.Гольцева. Последний 8 декабря 1894 г. прочел в Москве публичную лекцию о литературном творчестве В.Г.Короленко. По оценке самого Короленко, лекция была компилятивной, как всегда у Гольцева. С другой стороны, это была одна из его лучших лекций. А поскольку в тот момент Короленко проживал в Нижнем Новгороде, вполне естественно было повторить эту лекцию там и по ее успеху судить о перспективах турне Милукова.

Как записал Короленко в своем дневнике, афиши сильно запоздали из-за мелочей, довольно бесцеремонных, направленных к тому, чтобы затормозить чтение лекций. В газетах объявления о лекции появились буквально накануне — 20 декабря. Тем не менее лекция Гольцева в коммерческом клубе состоялась 21 декабря и прошла с большим успехом. Сбор составил 239 р. 95 к. Гольцев закончил чтение стихотворением Я.П.Полонского «В альбом К.Ш...», в котором звучали следующие строки: «Писатель, если только он / Волна, а океан — Россия, / Не может быть не возмущен, / Когда возмущена стихия. / Писатель, если только он / Есть нерв великого народа, / Не может быть не поражен, / Когда поражена свобода». Это вызвало многочисленные пересуды. В Москве Гольцев закончил лекцию тем же стихотворением, и там цензура посмотрела на это сквозь пальцы. Нижегородский же цензор не пропустил в печать краткого изложения, предназначенного для «Нижегородского листка». Зато небольшой отчет о лекции Гольцева был напечатан в «Волгаре».⁴¹

Уже на следующий день после лекции Гольцева на заседании правления Общества вспомоществования было рассмотрено конкретное предложение Милукова о прочтении им и еще одним членом Комиссии по организации домашнего чтения — московским приват-доцентом И.И.Ивановым — ряда лекций на рождественские праздники в Нижнем. Милуков избрал для своих лекций две темы: «Русские общественные течения XVIII и XIX вв.» и «Распространение университетского образования в Англии и Америке». Тема Иванова звучала как «Просветительское движение прошлого века». Лекторы предварительно заручились разре-

шением попечителя московского учебного округа П.А.Капниста на чтение лекций и намеревались передать доход от них (за вычетом оговоренных ранее расходов) в пользу Общества. Как можно предположить, данное предложение привез с собой в Нижний Голыцев, которого Милюков уполномочил обнародовать его в случае успеха лекции о Короленко.

Правление Общества приняло предложение и обратилось к местному губернатору Н.М.Баранову за разрешением на чтение лекций. Разрешение последовало, и Общество развернуло подготовительную работу.⁴²

Официальное сообщение о предполагаемых лекциях появилось в газете «Нижегородский листок» 27 декабря. В нем был указан план лекций, который еще ранее, 25 декабря, был опубликован в «Волгаре». 29 декабря появилось газетное объявление о лекциях И.И.Иванова, который должен был выступать первым. В этот день началась продажа абонементов на его лекции.

Шесть лекций Иванова прошли 30, 31 декабря и 2 января в зале всеобщего клуба. Выбор Милюковым И.И.Иванова (1862-1929) в качестве своего спутника для поездки в Нижний был не случаен. Ныне напроочь забытый, на рубеже XIX–XX вв. Иванов представлял собой достаточно заметную величину на российском общественном и культурном небосклоне. В 1890-е гг. Иванов имел большой успех на поприще театральной критики. С 1893 по 1905 год он был приват-доцентом в Московском университете, где защитил магистерскую (1895) и докторскую (1901) диссертации по всеобщей истории.⁴³

Иванов в своих лекциях набросал картину интеллектуальной жизни Франции XVIII в. Он охарактеризовал этот век как время великих увлечений и ошибок, которые необходимо знать как полезные уроки. Веяние ветра просвещения, говорил Иванов, чувствуется и сейчас, но ожидания большей частью смутны и печальны. Далее лектор дал очерк деятельности французских просветителей, идейно подготовившей революцию 1789 года. Источником истинных демократических идей Иванов провозглашал народ, к голосу которого необходимо прислушиваться и находить в нем инстинкт свободы. XVIII век оставил два урока: во-первых, самая отзывчивая среда на гуманные идеи — народ; во-вторых, идея, не имеющая корней в народе, превращается в утопию. Мыслители прошлого века не поняли того, что надо работать не только на народной почве, но и вместе с народом. В России И.С.Тургенев указал путь — надо учить народ. «Истинно полезен всякий, кто учит народ, кто несет в него тот свет, при котором единственно развивается гражданская свобода», — под аплодисменты закончил свою последнюю лекцию И.И.Иванов.⁴⁴

Из лекций Иванова следовал довольно прозрачный вывод: сами лекторы вносят своей просветительской деятельностью посильный вклад в подготовку ликвидации самодержавия в России. Однако, поскольку плоды французской революции конца XVIII в. оказались далеко не такими, какими их ожидали увидеть ее идейные вдохновители, постольку и русские «сеятели ветра» рисковали однажды очутиться в подобном же положении. Но Иванова такая перспектива ничуть не смущала. Он самонаде-

янно пророчил: «... Не взошло ли бы в действительности ... то яркое солнце, которое грезилось людям прошлого века, если бы они избежали тогдашних своих ошибок, и лучше направили свои добрые чувства, свою веру в светлое будущее».⁴⁵ Этот риторический вопрос, подразумевавший однозначный положительный ответ, относился, в первую очередь, к русским либералам конца XIX в. Именно им предстояло, по мысли лектора, исправить ошибки французских просветителей. Между тем явно напрашивался другой вопрос: не пострадают ли русские либералы еще больше, чем их французские предшественники в 1793 г., если их «добрые чувства» не найдут отклика в «самой отзывчивой на гуманные идеи среде»?

Пять лекций Милюкова о русском общественном движении XVIII–XIX вв. прошли 4-6 января 1895 г. в зале всеобщего клуба, а последняя, шестая лекция, посвященная University Extension, — 6 января в коммерческом клубе. Милюков начал с указания на важность момента, когда на рубеже царствований сводятся счеты с прошедшим и с полной надеждой встречается будущее. Но необходимо оглянуться на развитие русской общественной мысли XVIII и XIX вв., настаивал лектор. Начало общественного движения в России он датировал XVIII в., до этого не было сплоченных общественных групп или были лишь робкие попытки их создать. Движение XVIII века, сводившееся к истории печати и театра, Милюков разделил на четыре этапа. Последний этап датировался 1780-1790-ми гг., когда общественное мнение обнаружило свой истинный характер. После схода со сцены деятелей екатерининской эпохи движение на время приостановилось и пошло не вперед, а вширь. Александру I принадлежала честь пробуждения общества, которое было настроено сперва апатично и даже враждебно, зато после 1812 г. стало требовать уступок, и император дал некоторые либеральные обещания. Но после краха декабристских кружков наступает полное безмолвие общества. При кажущемся затишье все-таки шла упорная работа мысли, которая дала свои обильные всходы при Александре II. Развитие движений 1840-х гг. привело к появлению трех направлений: славянофилов, западников и герценовское. Все направления сплотились в правление Александра II вокруг идеи реформ. После реформ и славянофилы, и западники разделились на консервативные и прогрессивные фракции. «Русское умственное движение шло с перерывами, но после каждого перерыва не начиналось с начала, а с высшей своей точки», — подвел итог Милюков. Согласно позднейшим воспоминаниям Милюкова, в конце лекций он указал на «те провинциальные резервуары и оазисы, куда отливает культурная жизнь, когда понижается ее уровень в периоды политической реакции». Лектор предсказывал, что жизнь опять прильет в столицы из этих оазисов с началом политического оживления.

На последней лекции Милюков обратился к слушателям как представитель КПОДЧ. Отметив живой интерес публики и сочувствие начатому делу, Милюков сказал: «Мы унесем из Нижнего самые светлые воспоминания». Он рассказал о движении за распространение университетского образования в Англии и Америке. Комиссия по организации домашнего

чтения, по его словам, была лишь слабым подражанием западным образцам, т.к. там движение было делом государственным, а в России этим занимались лишь энтузиасты. Милуков кратко рассказал о достижениях КПОДЧ, призвав нижегородцев помочь ее начинаниям. Он высоко оценил значение нижегородских лекций: это такое «общественное событие, которое не забудется в летописях университетского движения». Правда, в письме В.А.Мякотину он с некоторым сожалением написал, что «в Нижнем мы имели, действительно, громкий успех — может быть, чересчур громкий для дальнейшего хода дела».⁴⁶

Сообщения о лекциях Милукова, напечатанные в «Волгаре» и «Нижегородском листке» и перепечатанные в отчете Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии, не содержали тех резких высказываний лектора, которые вызвали бурный восторг присутствующих. Впечатление от его лекций один из слушателей так характеризовал в частном письме в Цюрих: «Весь смысл лекций Милукова сводился к тому, что настоящие двигатели русской общественной жизни и мысли всегда были только те деятели, которые возбуждали народ против правительства, что наши истинно русские люди за свои благородные стремления и возвышенное участие удостоились со стороны правительства только тюрьмы, каторги и ссылки. При этом указал на наших деятелей страдальцев: Герцена, Огарева, Пестеля, Бакунина и многих других. Из этого собравшейся массе молодежи было ясно видно, что истинная наука заключается в распространении революционных идей, и что каждый из слушателей может легко обессмертить себя».⁴⁷ В данном контексте под «легким путем к бессмертию» можно понимать вообще вступление на стезю революционной борьбы. Но с учетом того, что далеко не каждый из рядовых революционеров достигает «бессмертия», а также с учетом предыдущих и последующих заявлений Милукова можно предположить, что он высказал в какой-либо форме перед нижегородской аудиторией одобрение терроризму. Многочисленные примеры подобных его заявлений приводились выше.

Не только лица, причастные к освободительному движению (к которым явно относился автор письма в Цюрих), но и рядовые обыватели были в восторге от лекций Милукова и Иванова. Их реакция была передана в другом письме, адресованном в Льеж: «...Иванов и Милуков говорили столько смелых и правдивых вещей, что многие выразились по этому поводу так: “все это мы много раз слышали и говорили, но говорили у себя дома, втихомолку, но чтобы московские профессора, с публичной кафедры, в провинции, в присутствии молодежи, учителей и учительниц, говорили такие речи, этого еще не бывало!”»

В целом, на некоторое время после лекций нижегородское общество погрузилось в либеральную эйфорию. При окончании чтений Милукову был вручен благодарственный адрес и книга французского историка Ж.Мишле (по другим данным — Ж.Сореля). Иванову также был поднесен адрес с надписью «Поборнику света и истины».

Впечатляли доходы от лекций московских ораторов, составившие 910 р. 4 к. Члены местного всесословного клуба подали в управление клубом

заявление о своем желании устроить подобные лекции в клубе во время Великого поста.

Одна из причин столь сильного эффекта от лекций заключалась, по видимому, в том, что по провинциальным меркам нижегородское общество было достаточно развитым и подготовленным к восприятию либеральных идей. Известный философ Ф.А.Степун, в начале XX в. много разъезжавший по российской провинции в качестве лектора-просветителя, отмечал, что чаще всего он бывал именно в Нижнем Новгороде и встречал там наиболее благодарную аудиторию.⁴⁸ Таким образом, первоначальный выбор пионеров просветительского дела — Милукова и Иванова — оказался на редкость удачным.

Частично заслуга «воспитания» нижегородского общества принадлежала упоминавшемуся выше В.Г.Короленко, а также другому крупному общественному деятелю — Н.Ф.Анненскому. Во время пребывания в Нижнем Милуков встречался с Короленко и Анненским. С последним Милуков был знаком еще ранее. Анненским был устроен обед в честь Иванова. Вполне возможно, что на нем присутствовал и Милуков.

Кроме двух указанных деятелей, в тот момент проживали в Нижнем А.И.Богданович и Е.Д.Кускова, с которыми Милукову приходилось позднее тесно взаимодействовать. Не исключено, что впервые он познакомился с ними именно во время нижегородской поездки. Наконец, жили там и другие поднадзорные, числом около 60 человек. Как признавался Милуков в одном из писем графине П.С.Уваровой, в частных беседах в Нижнем Новгороде он достаточно откровенно высказался о своих конституционных воззрениях.⁴⁹

Чрезвычайно смелый по тем временам характер лекций Милукова и Иванова можно объяснить лишь одним обстоятельством — «бессмысленными мечтаниями» либералов о смене курса верховной власти в период между смертью Александра III и печально известной программной речью Николая II 17 января 1895 г. Эти несколько месяцев фактически были «междущарствием», и либералы спешили высказать свои чаяния в надежде на их осуществление. Но когда истинные намерения нового царя выяснились, приверженцам «бессмысленных мечтаний», неосторожно высказавшим свой голос, пришлось немедленно расплачиваться. Одним из первых кара постигла Милукова.

По возвращении в Москву историк оказался в центре событий. Речь Николая II о «бессмысленных мечтаниях» взбудоражила общественность. Московские либералы хотели обсудить положение дел после речи императора. Милуков выступил одним из организаторов встречи, на которую было приглашено около 30 человек земцев, гласных городской думы, членов и сотрудников некоторых редакций, профессоров университета (П.Г.Виноградов, Ю.С.Гамбаров, Н.Я.Грот, А.И.Чупров). Собрание началось на 19 января в доме врача Н.Ф.Михайлова. Н.Я.Грот предложил Милукову позвать Л.Н.Толстого, что и было с восторгом принято. Князь Д.И.Шаховской пригласил писателя на собрание. Председательствовал Милуков. Он, по свидетельству присутствовавшего на совещании

Д.И.Шаховского, чувствовал, что никаких практических общих решений собравшиеся «вынести не смогут». Все участники совещания сошлись на том, что именно Толстой должен выступить с осуждением речи императора в иностранной печати. Толстой не стал отказываться, но выразил опасение, что его выступление не будет иметь желаемого эффекта. Протест с его стороны будет связан с той анархической позицией, которую ему приписывают, говорил писатель, поэтому его голос не может получить значения протеста широких общественных кругов. Когда же зашла речь о предстоящей организационной работе либералов, то Толстой высказался резко против, считая, что она ни к чему. Ведь мы и так составляем подобие мasonicкой ложи, утверждал писатель, когда достаточно двух слов, чтобы понять друг друга. В итоге совещание не приняло определенного решения.⁵⁰

Между тем, не успел еще Милюков закончить чтение лекций в Нижнем, а их краткое содержание уже было переслано в Департамент полиции в двух донесениях от 4 и 10 января 1895 г. Было также сообщено о контактах Милюкова в Нижнем Новгороде с политически неблагонадежными лицами. По сведениям В.Г.Короленко, произошло это следующим образом. На лекциях присутствовал сыщик, некий француз Пуаре, бывший камердинер Н.М.Баранова, который приходил вместе с дамой и на хорах записывал содержание лекций.

17 января московский обер-полицеймейстер А.А.Власовский сообщил в Департамент полиции МВД о состоявшихся в Нижнем лекциях, о том, что во время лекций Милюков обратился к слушателям с советом добиваться конституции, а Иванов, коснувшись того же предмета, делал смелые воззвания о свободе, громил самовластье, настаивал на том, что для успеха политической деятельности надо сойтись с народом. В донесении описывалась также бурная положительная реакция нижегородцев на заявления лекторов.⁵¹

Вскоре происшедшее стало известно министру внутренних дел И.Н.Дурново, который 25 января 1895 г. указал на него своему коллеге по ведомству народного просвещения И.Д.Делянову. Главное содержание официального письма Дурново сводилось к претензии, что подчиненный Делянова, московский попечитель П.А.Капнист, будто бы разрешил Иванову и Милюкову чтение лекций без согласования с нижегородским губернатором, т.е. в обход существовавшего законодательства. Дурново просил Делянова осведомить попечителей о необходимости подобного согласования впредь.⁵²

Таким образом, судьба Милюкова и Иванова оказалась в руках Делянова. По характеристике Н.И.Кареева, Делянов был человек «по природе не злой и по личному почину, пожалуй, не делавший пакостей, но угодливый по отношению к влиятельным лицам... Делянов вообще боялся, что «его спросят»... В сущности, Делянову одинаково было мало дела до всего: он только угождал». Пометка Делянова на письме Дурново гласит: «Спросить гр. Капниста, почему разрешено вопреки правилам. О П.Милюкове и Иванове речь впереди, что они люди с убеждениями про-

тивоправительственными». 31 января он направил срочный запрос Капнисту: почему лекции были разрешены без должного «сношения с нижегородским губернатором». В письме от 1 февраля Капнист сообщал, что сведения, поданные министру, неверны, ибо лекции были дозволены с условием, «если на то последует разрешение местного губернатора». Милюков и Иванов представили программы чтений, которые были припнурованы к свидетельству и «тоже имелись в виду у г. губернатора». В доказательство Капнист приложил к своему ответу копию со свидетельства, выданного им Милюкову и Иванову.⁵⁴

В то же время Делянов, видимо, наводил справки о Милюкове и Иванове. В итоге Иванов остался в университете и в марте 1895 г. беспрепятственно защитил магистерскую диссертацию. А с Милюковым обошлись весьма сурово. 6 февраля Делянов приказал Капнисту сделать немедленное распоряжение о прекращении чтения Милюковым лекций в Московском университете и об удалении его из числа приват-доцентов. Помимо этого, Делянов сделал циркулярное распоряжение о воспрещении Милюкову чтения лекций и любой преподавательской деятельности.

13 февраля Капнист поручил ректору Московского университета П.А.Некрасову сделать немедленное распоряжение о прекращении Милюковым лекций и об удалении его из числа приват-доцентов и сообщил о вышеупомянутом циркуляре Делянова.⁵⁵

Ректор объявил Милюкову о его увольнении 14 февраля. После этого Милюков лекций в университете не читал. Но, судя по всему, он узнал о постигшей его участи еще до официального уведомления. В записке московского обер-полицеймейстера от 18 февраля сообщалось, что Милюков на последних своих лекциях заявлял, что «ему на днях воспрещается всякая педагогическая деятельность», добавив, что «ввиду лишения его возможности добыть в России заработок по его специальности и по недостатку средств, он вынужден будет выехать в Англию». Подобное заявление вызвало сильное оживление среди учащейся молодежи. По сведениям Власовского, Милюкову готовились адреса и шумные овации. Дабы в университете не начались волнения, Власовский, не зная об уже состоявшемся приказе по министерству народного просвещения, предложил московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу запретить Милюкову чтение лекций в университете и на курсах. Власовский отправил аналогичную записку Капнисту, добавив, что генерал-губернатор согласился на прекращение любых лекций историка. В этот же день Капнист сообщил Власовскому о распоряжении Делянова.

19 февраля 1895 г. московская либеральная интеллигенция провела вечер, посвященный реформе 1861 г. На этом вечере присутствовал и Милюков. Бывший его слушатель А.А.Кизеветтер в импровизированной речи постарался увязать чествование юбилея реформы и выражение сочувствия П.Н., уволенному из университета. Милюков, по словам Кизеветтера, был украшением университета, и его увольнение было для последнего тяжелой утратой. Но на университете, по мнению Кизеветтера, свет клином не сошелся, и Милюков «найдет себе другие пути для обще-

ственного служения, ему предстоит светлая и прекрасная будущность». Кизеветтер назвал Милюкова носителем лучших традиций эпохи великих реформ. В Милюкове «слишком много сил, слишком много редких дарований, слишком много глубокого отношения к тому делу, за которое он берется, слишком много темперамента и воли, чтобы он живьем отдался в руки», патетически восклицал Кизеветтер. Призывом помочь Милюкову и «его делу» закончил свою речь оратор.

В сообщении 18 февраля Капнист упоминал также о том, что на 20 февраля он назначил встречу с заведующей курсами при обществе гувернанток для объявления ей о запрещении Милюкову читать лекции. Видимо, обществом гувернанток Капнист для краткости именовал Московское общество, состоящее под Августейшим государыни императрицы покровительством, воспитательниц и учительниц, на курсах которого преподавал Милюков.⁵⁶

Ситуация вокруг педагогических курсов складывалась следующая. Милюков из неофициальных источников узнал (до 14 февраля), что ему собираются воспретить чтение любых лекций. Он срочно обратился за советом к секретарю комитета общества Д.И.Тихомирову. Тот сообщил, что на следующий день поедет для выяснения положения к Капнисту. Попечитель уже знал, что Милюкову запрещена любая педагогическая деятельность. Но, дабы избежать волнения слушательниц резким окончанием курса лекций, Капнист принял соломоново решение: приказ о запрещении Милюкову чтения лекций исходил от министерства народного просвещения, а курсы находились в подчинении МВД, поэтому для успокоения курсисток Милюков может прочесть еще 2-3 лекции, после чего закончить курс. Тихомиров сообщил о решении Капниста Милюкову. Последний, по сведениям Тихомирова, прочел 1 или 2 лекции, после чего заявил о завершении курса. Сам Милюков говорил о прочтении всего лишь одной лекции, 21 февраля. Общество поблагодарило Милюкова за то, что он сохранил репутацию курсов и спокойствие слушательниц. Почти в то же время Капнист вызвал к себе Тихомирова и объявил ему о запрещении Милюкову читать любые лекции где бы то ни было. Тихомиров в ответ сообщил попечителю, что Милюков уже закончил курс.⁵⁷ Капнисту казалось, что своими действиями он не допустил выступления курсисток и не нарушил приказа министерства. Но в дело вмешался энергичный обер-полицмейстер А.А.Власовский.

21 февраля он послал в Департамент полиции записку, аналогичную той, что была отправлена генерал-губернатору и попечителю, и предложил воспретить Милюкову жительство в столицах. При этом Власовский ссылался на меры в отношении другого приват-доцента, П.В.Безобразова. Последний был выслан в Тулу за крамольные высказывания во время лекции 10 января 1895 г. «О женщинах в истории» в Историческом музее.

Тогда же, 21 февраля, произошло событие, заставившее Власовского настаивать на своей просьбе. В тот день, как уже сказано, Милюков прочел на педагогических курсах свою последнюю лекцию. Она, по сведениям Власовского, была посвящена кружку петрашевцев. После лекции Ми-

люков сказал небольшую прощальную речь. Она вызвала аплодисменты слушательниц, двадцать человек из которых вышли проводить Милюкова.

Как донесли Власовскому, Милюков заявил курсисткам, что он будет продолжать чтение лекций, пока его не вытасят из аудитории силой. На 24 февраля Милюков будто бы назначил лекцию об общественном движении при Александре I. Как видим, Власовский не знал о договоренности Капниста с Тихомировым. Более того, информация Власовского, на основании которой он стал предпринимать свои дальнейшие шаги, была неверна. 21 февраля состоялась действительно последняя лекция Милюкова на курсах, других не предвиделось. Соответственно, смелое заявление историка тоже относится к числу недостоверных.

Но Власовский в своих дальнейших действиях исходил именно из той неверной информации, что была у него. 22 февраля обер-полицмейстер срочно телеграфировал в Департамент полиции повторную просьбу о воспрещении жительства. Департамент, однако, замешкался. Директор его, генерал Н.И.Петров, в тот же день телеграфировал в ответ Власовскому, что воспрещение жительства в Москве зависит от генерал-губернатора. 23 февраля Власовский разъяснил смысл своей просьбы: он имел в виду не просто высылку из Москвы, а запрещение жительства во всех крупных городах империи. Наконец в этот же день Петров испросил у министра внутренних дел разрешения на предложенную меру и передал Власовскому по телеграфу распоряжение министра о воспрещении Милюкову жительства на два года в столичных губерниях, университетских городах, Твери, Саратове и Нижнем Новгороде. Одновременно за высланным учреждался негласный надзор полиции. Уже после решения участи Милюкова с заведующей педагогическими курсами О.А.Баршевой была взята подписка о том, что историк не будет там читать никаких лекций.⁵⁸

Возобновились разбирательства и в ведомстве Делянова. Хотя он еще 11 февраля уведомил Дурново о своих распоряжениях относительно Милюкова, 22 февраля Дурново вновь обратился к Делянову с сообщением, что до сих пор он получает «сведения, свидетельствующие о том, что впечатление, произведенное на нижегородскую публику смелыми воззваниями» Милюкова и Иванова, «до настоящего времени не улеглось». Между тем, писал Дурново, Комиссия по организации домашнего чтения намеревается отправить в Нижний Новгород нового лектора, А.А.Кизеветтера. Дурново просил Делянова обратить особое внимание Капниста на предполагаемые лекции, а также сообщить, какие меры предпринял Делянов по его письму от 25 января. Делянову пришлось на сей раз отвечать более подробно. В своем ответе от 3 марта он пересказал цитированные выше объяснения Капниста, из которых явствовало, что ответственность за произошедший в Нижнем инцидент ложится на тамошнего губернатора Баранова. Делянов, впрочем, извинял Баранова тем обстоятельством, что последнему, «конечно, было очень трудно и почти невозможно наблюдать, чтобы лекции не выходили из пределов разрешенной им программы». Делянов сообщал, что уже попросил Капниста быть более разборчивым и «лицам, подобным Милюкову, вовсе не разрешать чте-

ний. Такие люди даже в написанный ими печатный текст всегда сумеют включить зловредное слово». Впрочем, Кизеветтеру все-таки удалось прочесть курс лекций в Нижнем о состоянии русского общества в конце XVIII столетия, но произошло это лишь после долгих проволочек весной 1896 года, причем попечитель (в то время уже не Капнист) обязал лектора представить предварительно не программу, а целиком весь текст лекций.⁵⁹

Вместе с объяснениями по нижегородским лекциям Капнисту пришлось оправдывать свое решение разрешить Милукову чтение лекции на педагогических курсах. В связи с этим он получил упрек в попустительстве сначала со стороны Власовского, а затем объяснений потребовал Делянов. 28 февраля министр срочно запросил Капниста, «которого числа объявлено Милукову воспрещение, на каких курсах читал он 21 февраля». В этот же день Капнист сообщил о всех обстоятельствах разрешения лекций на курсах, добавив, что, по его сведениям, прочитанная лекция не была тенденциозной, по окончании чтения были лишь громкие прощальные аплодисменты. Капнист заключал, что «ничего не произошло, чему следует ужасаться. Думаю, что я поступил благоразумно и осторожно». В ответ Делянов телеграфировал: «Поступлено неосторожно, запрещение нарушено, лектор выслан». Не ограничившись телеграфным порицанием Капнисту, 3 марта министр добавил к нему письменное. Но Капнист продолжал настойчиво защищаться, отрицая «тенденциозность» лекции 21 февраля и объясняя аплодисменты тем, что Милуков заканчивал курс. В конце концов Делянов, видимо, признал, что дальнейшее разбирательство бесполезно, и просто передал содержание ответа Капниста в письме к Дурново от 19 марта.⁶⁰ Но констатировать «невиновность» Милукова было уже поздно.

Как видим, решение Капниста оказалось в известной мере провокационным. Хотя и до прочтения лекции 21 февраля Власовский требовал удаления Милукова из Москвы, лекция эта явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения властей. Впрочем, чаша эта переполнилась достаточно быстро. По всей вероятности, Милуков, ранее не предвидевший столь строгой кары за нижегородские лекции, был и на сей раз уверен, что даже в случае «удаления силой» его оставят жить в Москве. Реакция властей оказалась более внушительной. Возможно, роковую роль сыграл вышеупомянутый прецедент П.В.Безобразова, которому было запрещено жить в тех же местностях, что позднее и Милукову. Таким образом рассмотрение дела Милукова шло по накатанной колее с заранее определенным исходом. Представляется важным и то обстоятельство, что в момент увольнения Милукова В.О.Ключевский отсутствовал в Москве (он преподавал в то время всеобщую историю наследнику Георгию Александровичу в Абастумане). Возможно, влиятельный профессор вступился бы за своего, хотя и нелюбимого, ученика, как он сделал это впоследствии, в 1902 г., когда Милуков в очередной раз попал в тюрьму.

Милуков и Безобразов были в конце XIX в. не единственными среди преподавателей Московского университета жертвами административного произвола. В течение 80-90-х гг. увольнению подверглись по политическим мотивам В.А.Гольцев, М.М.Ковалевский, С.А.Муромцев

и др. Весьма характерно для бюрократических нравов было то, что злополучная лекция 21 февраля в конце концов, после высылки Милукова, была признана совершенно невинной (поскольку стоял вопрос об ответственности за нее Капниста и самого Делянова).

Милуков сложил с себя полномочия председателя КПОДЧ, видимо, 23 февраля, так как именно 23 февраля 1895 г. было датировано впоследствии начало нового отчетного года комиссии. А.С.Милукова отказалась от поста секретаря.

За время своего председательствования в КПОДЧ Милуков потратил много энергии и времени на должную постановку работы комиссии. Он жертвовал в пользу комиссии свои книги. На пополнение доходов КПОДЧ также пошли деньги, вырученные от продажи литографированных лекций Милукова близкой к комиссии А.М.Смирновой. После высылки Милукова из Москвы комиссия не прекратила существования. Председателем ее стал профессор химии В.Ф.Лугинин, а затем П.Г.Виноградов. П.Н. и А.С.Милуковы, уйдя с руководящих постов, сохранили членство в комиссии. После начала публикации «Очерков по истории русской культуры» они были признаны комиссией общим пособием по русской истории, на основе которого строилась вся программа чтения по данному отделу. Так же поступил и петербургский отдел для содействия самообразованию при педагогическом музее. Первоначально общим курсом служило «Введение в курс русской истории», замененное «Очерками» после их выхода в свет.⁶¹

Кроме злоключений Милукова его нижегородские лекции имели и другие последствия. Присутствовавший на них и одобрительно к ним относившийся нижегородский вице-губернатор, действительный статский советник А.И.Чайковский, родной брат композитора, вскоре был отправлен в отставку, одной из причин которой общество сочло факт посещения им лекций. Присутствие на лекциях отразилось и на карьере викарного епископа балахнинского Алексея, который долго потом не мог получить самостоятельной кафедры.⁶²

Таким образом, осуществление просветительской миссии русской интеллигенции было сопряжено в конце XIX в. со значительными издержками. Причиной этого было вполне объяснимое стремление смешивать просветительство с политикой, порождавшее стойкое недоверие властей. Однако при всех издержках усилия интеллигенции по просвещению народа не остались безрезультатными. И хотя отдельные представители русской культурной элиты, озабоченные в первую очередь не «количеством» массовой культуры, а качеством вершинных достижений выдающихся творцов, отзывались об указанных усилиях с иронией,⁶³ число благодарных отзывов о них значительно больше.

б) Рязань (1895-1897)

События, связанные с отъездом Милукова из Москвы, разворачивались следующим образом. Распоряжение министра о высылке было

объявлено ему 23 февраля. Милюкову предоставили право выбора места жительства. Сначала историк выбрал Воронеж и дал подписку о своем выезде туда 25 февраля. Но уже на следующий день Милюков высказал сомнение по поводу поездки в Воронеж. Утром 25 февраля Милюков устно заявил приставу 2-го участка Хамовнической части о своем желании выехать «в одну слободу близ Ярославля». Видимо, эта мысль была подсказана ему Д.И.Шаховским, имение которого находилось недалеко от Ярославля. Днем 25 февраля Милюков посетил П.С.Уварову, которая, видимо, тогда же познакомила его со своим планом помощи. План заключался в том, что Милюкова предполагалось командировать в Ригу для исследования местных архивов в рамках подготовки X археологического съезда. С этой просьбой графиня в марте обратилась к великому князю Сергею Александровичу, но получила отказ.

По возвращении от Уваровой П.Н.Милюкова опять навещил пристав, заявивший о невозможности выехать в Ярославль, т.к. это был университетский город. И Милюков избрал Рязань, обязавшись выехать туда 26 февраля в 12 часов дня.⁶⁴

В «Воспоминаниях» Милюкова утверждается, что ученого просили держать день отъезда в секрете, но все же на вокзале его провожала толпа восторженных поклонников и поклонниц. Архивные документы уточняют этот эпизод: пристав 2-го участка Хамовнической части 25 февраля стал свидетелем разговора Милюкова и жены, которая просила его ехать в Рязань 16-часовым поездом, на что Милюков ответил, что «в его интересах» покинуть Москву «без проводов молодежи», так как она точно будет ждать его на вокзале.

В воскресенье 26 февраля с 8 часов на вокзале Ярославской железной дороги собралось около 400 студентов университета, слушателей курсов, учащихся технического училища и земледельческой школы, чтобы проводить Милюкова, так как накануне от профессора А.И.Чупрова стало известно, что историка ссылают в Вологду. Не дождавшись Милюкова, толпа разошлась. В этот же день на Рязанском вокзале (около 11 часов) было лишь 20 человек, но к полудню собралась толпа, насчитывавшая, по разным оценкам, от 200 до 300 человек. За 6 минут до отхода поезда появился Милюков, которому был вручен адрес и какой-то футляр. Студенты, курсистки, учащиеся IV гимназии, где он преподавал историю, приветствовали Милюкова аплодисментами и по возгласу «шапки долой!» обнажили головы. Из друзей на вокзале были В.А.Гольцев, профессор Московского университета Н.А.Умов и врач М.И.Киселев. Милюков был растроган, поблагодарил за оказанные знаки внимания и попрощался. После отхода поезда толпа мирно разошлась.⁶⁵

Как видим, манифестация была не особенно бурной. Милюков приехал почти перед самым отправлением поезда, чтобы не затягивать «прощание» и не доводить дело до новых эксцессов. Однако впоследствии и эти «проводы» тоже были вменены ему в вину.

Решение правительства о высылке Милюкова стало неожиданностью для многих. «Думали сначала, что за нижегородскую лекцию... но оказы-

вается, что в лекции он ничего особенного не говорил», — сообщалось в письме одного из студентов, перлюстрированном полицией. Недоумевал и Боголепов, считая эту высылку опасной по своим последствиям, хотя Милюков и напрашивался на нее. По свидетельству студента Г.И.Горшечникова, Союзный совет объединенных землячеств уверял всех, что Милюков выслан просто за либеральный образ мыслей.

Это решение правительства осуждалось в частных письмах, многие из которых были перлюстрированы полицией. Позже появилось воззвание, датированное 1 января 1896 г. (автор — бывший административно ссыльный, сотрудник «Вятской газеты» и «Вятского края» В.С.Арефьев), где также осуждалась высылка Милюкова.⁶⁶

Милюков получил в эти дни поддержку от многих людей, и не только знакомых. Почти все время перед поездом с ним находились Д.И.Шаховской и И.И.Петрункевич. Из Петербурга к нему приезжал Н.К.Михайловский, а из Нижнего — Н.Ф.Анненский, который вместе с В.И.Вернадским имел ряд бесед с опальным историком. К Милюкову даже заходил В.И.Герье, относившийся, как мы помним, к нему не вполне доброжелательно. П.Г.Виноградов, заходивший к Милюкову, свидетельствует, что последний принял его довольно хладнокровно, но побледнел. М.С.Корелин упоминает о попытке Виноградова составить письмо Милюкову с подписями других преподавателей, но этот план провалился. (Уже в Рязани Милюков получил сочувственную поддержку от М.М.Ковалевского, находившегося за границей). Согласно данным Департамента полиции и «Воспоминаниям» Милюкова, состоялось два торжественных вечера в его честь, устроенных В.М.Черновым (председательствовал Шаховской) и издателем «Русской мысли» В.М.Лавровым и редактором журнала В.А.Гольцевым. На втором из них присутствовал сам «виновник торжества». На этом вечере Гольцев произнес смелую речь, которую закончил пожеланием, чтобы Милюков «сделался историком падения русской монархии». Сам Милюков образно писал А.А.Давыдовой, что «две недели ... точно присутствовал на собственных похоронах; ... хоронили торжественно и напутствовали самыми трогательными надгробными речами».

Даже консервативно настроенный профессор Н.П.Боголепов, неодобрительно относивший к посредничеству Милюкова между либеральной профессурой и студенческим движением, узнав о его увольнении, записал в своем дневнике: «Жаль человека! Он способный, и трудолюбивый. Но с другой стороны — как оставить человека учить юношей, когда он становится вдохновителем тайных студенческих обществ? Кажется, безмерное самолюбие потемнило мысль у Милюкова. Иначе, едва ли бы он решился идти на такие отчаянные дела». А вот во время проводов Милюков, по словам Боголепова, «был даже доволен своей высылкой».⁶⁷

Известие о высылке Милюкова быстро проникло за границу. В «Летучих листках» Фонда Вольной русской прессы (ФВРП) появилось сообщение об этом событии. Как подтверждение того факта, что Николай II продолжает политику покойного монарха, Н.С.Русанов включил сооб-

шение о высылке Милокова в брошюру «На рубеже двух царствований», изданную в Женеве в 1895 г. Позже факт высылки Милокова вошел в составленный В.Л.Бурцевым сборник материалов по истории политического и общественного движения в России «За сто лет». ⁶⁸

Получив два чувствительных удара подряд, Милоков, однако, не был сломлен. Кроме общественной поддержки, тут, по его словам, сыграл роль тот факт, что еще ранее, с момента магистерского диспута, он скептически оценивал перспективы своей университетской карьеры, — поэтому увольнение из университета было не столь ощутимой потерей. Таким образом, внутренняя тяга Милокова к политической деятельности, подкрепленная его служебными неурядицами, получила мощный импульс со стороны властей. Оторванный от архивов и крупных библиотек, лишенный возможности полноценной научной работы, возмущенный действиями администрации, — и в то же время находившийся неподалеку от Москвы, сохранивший большинство своих связей в оппозиционных кругах, приобретший репутацию «мученика», Милоков естественным образом подталкивался на путь непримиримой борьбы с властью. И ему предстояло в будущем оправдать пророчество М.Гольденвейзера (письмо от 21 февраля 1895 г.): «Я ни на минуту не сомневаюсь, что Вы устоите под тяжелым ударом, ибо такие удары, “дробя стекло куют булат”». ⁶⁹

Вечером 26 февраля Милоков прибыл в Рязань. В поезде его соседкой оказалась бывшая ученица В.А.Гольцева, Аникеева, которая рассказала историку о том, как со стороны выглядели его проводы. В незнакомом городе, как вспоминает Милоков, нашлись «идейные друзья», временно устроившие его в гостинице Н.Н.Ланина на Соборной улице. Кто были эти друзья, ответить сложно, но, судя по динамике дальнейших знакомств Милокова в Рязани, здесь не обошлось без присяжного поверенного Н.И.Родзевича. Местное губернское жандармское управление (ГЖУ) получило предписание МВД и Департамента полиции от 23 февраля № 1764 подвергнуть Милокова негласному надзору на 2 года, а чуть позже (4 марта) появилось предписание об учреждении за ним особого секретного наблюдения. 4 марта надзор был установлен, а 9 марта Милоков заполнил листок негласного надзора. ⁷⁰

Попав в Рязань, Милоков попытался сразу же как, и планировал еще в Москве, выяснить содержание выдвинутых против него обвинений. «Нельзя же молчать, когда бьют!» — писал он А.А.Давыдовой. Милоков стремился к восстановлению своего прежнего положения ученого и университетского преподавателя. 13 марта 1895 г. Милоков обратился к министру внутренних дел с письменным прошением, высказав недоумение по поводу причин, вызвавших репрессии против него, так как конкретных обвинений ему предъявлено не было, а действия властей мотивировались расплывчатой формулировкой о «крайней политической неблагонадежности». Посетовав на то, что из-за высылки он лишился положения, источника существования, возможности преподавать и работать в архивах и библиотеках, Милоков просил разрешить ему приехать в Петербург и дать личные объяснения.

20 марта И.Н.Дурново распорядился сообщить Милокову суть обвинений, что и было сделано в письме директора Департамента полиции Н.И.Петрова рязанскому губернатору Н.С.Брянчанинову от 2 апреля. Петров предлагал губернатору вызвать Милокова и, не давая ему читать лично и делать какие-либо выписки из письма, перечислить причины его высылки. Вызванному в канцелярию губернатора Милокову было зачитано письмо с изложением причин репрессий против него. Во-первых, Милоков читал в Нижнем Новгороде тенденциозные лекции при скоплении молодежи. Во-вторых, он не подчинился распоряжению Делянова о запрещении лекций, и прочел 21 февраля на педагогических курсах лекцию «неуместную по содержанию» и вызвал овадии. В-третьих, Милоков старался «вызвать сочувственное движение слушателей в свою пользу» в университете, что выразилось в поднесении адресов и торжественных проводах, устроенных при его выезде из Москвы. В-четвертых, по сведениям Департамента полиции, Милоков в конце 1894 г. посещал собрания студентов на частных квартирах, где обсуждался вопрос о подаче Николаю II петиции об отмене действующего университетского устава и предоставлении студенческим корпорациям широкой автономии. Наконец Милокову в вину ставилась деятельность на посту председателя Комиссии по организации домашнего чтения, создание которой противоречило уставу «Общества распространения технических знаний». Лекции в Нижнем Новгороде показали, что их характер не соответствует задачам общества, и давали основание видеть в них «признаки деятельности агитационной в духе противоправительственном». ⁷¹ Милокову не разрешили приехать в Петербург для дачи личных объяснений, но не ограничивали его работу в архивах и библиотеках городов, не указанных в предписании о высылке.

Аргументацию генерала Петрова следует признать весьма шаткой. Лекции в Нижнем Милоков читал с разрешения губернатора и попечителя. Чтение лекции 21 февраля тоже было санкционировано попечителем. Комиссия по организации домашнего чтения, созданная якобы вопреки уставу ОРТЗ, продолжала спокойно работать, не испытывая покушений на ее существование со стороны властей. Наконец выдвижение в качестве причины высылки Милокова факта манифестации при его отъезде было просто абсурдным.

Единственным прочным (но едва ли достаточным для высылки) основанием из перечисленных было участие Милокова в нелегальных студенческих «сборищах». Но по ходу дела оно не играло никакой роли, недаром Петров поместил его в своем перечне обособленно. Милоков счел неубедительными аргументы своих гонителей. В «Воспоминаниях» он указывает, как на истинную подоплеку событий, на царскую речь 17 января 1895 г., в которой четко определилось «направление» нового царствования и ревнители самодержавия с удвоенной силой принялись за охранение его устоев. Случайной жертвой этого ревнения и оказался Милоков.

Получив, казалось бы, исчерпывающую информацию относительно обвинений, выдвинутых Департаментом полиции, Милоков не думал,

что проведет в Рязани полный срок ссылки. Несмотря на казавшуюся беспросветность положения, он не терял оптимизма. Более того, в письме М.М.Ковалевскому от 4 мая 1895 г. он писал, что удалению из университета ему стоит скорее радоваться, чем огорчаться. Высылка дала ученому досуг и сделала в глазах русской прогрессивной общественности хорошую рекламу, которую он считал «незаслуженной». Потеряв маленькую аудиторию, Милюков получил возможность чаще выступать перед большой.

Пока Милюков выяснял, в чем его, собственно, обвиняют, его друзья – супруги Петрункевичи – через высокопоставленных знакомых пытались разузнать обстоятельства дела, а также устроить возвращение Милюкова в Москву. Петрункевичи считали, что Милюкову необходимо немного выждать, отказавшись от попытки перебраться в Ярославль, и все усилия направить на это возвращение.⁷²

Уже в донесении рязанского полицмейстера от 7 марта 1895 г. среди знакомых Милюкова был назван присяжный поверенный Н.И.Родзевич (1847-1921), гласный уездного и губернского земств, будущий рязанский городской голова (1906-1912), депутат Государственной думы IV созыва от Рязанской губернии. По слухам, передаваемым в донесении, Милюков собирался в ближайшем времени выехать в Зарайск для встречи с уже знакомым ему писателем-народником Г.А.Мачтетом, женатым на дочери Родзевича, Ольге, и жившим с семьей под негласным надзором в этом уездном городе. Но мартовская поездка в Зарайск не состоялась. В марте 1895 г. в Рязань приехал сам Мачтет. Помимо мартовской встречи Милюков виделся с Мачтетом в октябре (?) 1895 г. и в январе 1896 г. в Рязани, в июне 1896 г. в Зарайске. Во время одной из встреч Милюков пообещал подарить Мачкету литографированное издание «Введения в курс русской истории», что и сделал в феврале 1897 г., накануне отъезда в Софию. Данный экземпляр был ценен тем, что в нем имелись собственноручные пометки Милюкова и вклейка того, что вычеркнула цензура из текста, подготовленного для издания. Между Мачтетом и Милюковым завязалась переписка.⁷³

Еще до получения ответа из МВД Милюков начал обустроиваться в Рязани. Поиск квартиры он собирался начать на следующий день после приезда, но удача улыбнулась ему позднее. Лишь 22 марта 1895 г. он переехал из гостиницы в частный дом Е.Антоновой на Вознесенской улице. Там Милюков прожил до сентября 1895 г. После возвращения из поездки в Крым 28 сентября он снял по соседству другой дом – Чистовой (бывший М.А.Хрущовой) – на той же улице. В распоряжении четы Милюковых оказалось прекрасное просторное помещение с большим фруктовым садом. (Правда, Н.А.Рубакин, посещавший квартиру Милюковых летом 1896 г., вспоминает, что там было холодно, неудобно, бедно).

Милюков отправился в Рязань один, а семья осталась готовиться к поезду. Видимо, в начале марта того же года Анна Сергеевна с двумя маленькими детьми перебралась к мужу.

С марта 1895 г. Милюков начинает принимать у себя и встречаться с рязанцами. Круг его общения в первые месяцы ссылки в основном составляли юристы: присяжные поверенные Н.И.Родзевич, А.В.Лихарев, В.И.Шиловский, частный поверенный В.С.Праотцев, городской судья 1-го участка А.П.Никитин. (Кстати, многие из них состояли в родстве: Шиловский был женат на сестре Родзевича, Лихарев на дочери Родзевича, а Никитин – на дочери Шиловского). Затем Милюков познакомился с присяжными поверенными В.А.Шефферлингом, Г.В.Шульгиным, нотариусом В.Ф.Знаменским. Позже в круг его знакомых вошли земцы, будущие лидеры рязанских кадетов (А.К.Дворжак, А.В.Елагин, Н.В.Растов), врачи и акушерки (Д.П.Балашев, К.О.Гальперсон и др.), учителя (В.И.Вернер, Е.И.Воскресенский, А.А.Грунау). По свидетельству Грунау, вскоре вокруг Милюкова оформился кружок, который был «так быстро и хорошо» сплочен «незабвенным Павлом Николаевичем». Сам Милюков писал в одном из писем, что за первые полгода жизни в Рязани он мало узнал здешнее общество. По его словам, среди его знакомых преобладали музыканты, с которыми он иногда отводил душу в квартетах и квинтетах. А.С.Милюкова признавалась в письме к Н.Е.Вернадской, что в Рязани простые и милые люди, но совершенно неинтеллигентные. Поэтому она предпочитала сидеть дома и никуда не выходить. Ее энергичный муж, оказавшись в провинциальном городе, вначале просто не знал, куда девать время. Как Милюков указывал в одном из писем Гольцеву, «хорошо еще, что много срочных занятий привезено из Москвы, а то просто не знал бы, что с собой делать». При этом Милюков избегал многочисленных знакомств среди рязанцев, т.к. отдыхал после московской суеты и пытался «вдосталь насладиться уединением».

Милюков в одном из писем А.А.Давыдовой указывал, что «для историка не мешает проделать маленький опыт провинциальной жизни». При этом он был далек от идеализации провинции. Весной 1895 г. поздравляя редактора «Русской мысли» В.А.Гольцева с 15-летием журнала, Милюков в несколько утрированной форме высказался о культурной зависимости провинции от столицы, выбрав для примера Рязань: «бедная, беспомощная Рязань чувствует, что от степени вдохновенности журнала, от его душевной молодости – зависит и ее собственная молодость и вдохновенность. Подумайте, господа, о Рязани: представьте себе, как эта глупая баба с разинутым ртом и вытаращенными глазами ловит каждое слово нашей столичной премудрости».

Р.Г.Винавер, со слов жены Н.А.Рубакина, утверждала, что в рязанской ссылке Милюков был добр и отзывчив к нуждам других. Как только он получал деньги, тут же раздавал их друзьям, так что Анне Сергеевне иногда нечем было накормить детей. Как нам представляется, последнее свидетельство сильно преувеличено. Для лишнего работы Милюкова единственным источником существования были гонорары от литературной работы. Жена, ухаживавшая за детьми, работала немного. Платонов, услыхав о высылке Милюкова в Рязань, обеспокоился, чем будет жить Павел Николаевич с семьей, у которого «гроша за душой нет». Так что вряд

ли самопожертвование главы семейства простиралось настолько далеко, что его малолетние дети голодали.⁷⁴

В материалах жандармского управления зафиксированы контакты Милюкова с 28 «благонадежными» горожанами. Реально, конечно же, таких знакомых у четы Милюковых было больше. Кроме местных деятелей, были среди них и весьма примечательные личности всероссийского масштаба. Так, Милюков был знаком с П.Б.Ганнушкиным, известным в будущем психиатром, через которого обменивался письмами с находившимся тогда за границей М.М.Ковалевским. Среди знакомых Милюкова были участники революционного движения 1860-х гг. В.И.Перов, И.П.Шаров и В.С.Праотцев, к 1890-м годам остепенившиеся и занимавшиеся мирными занятиями. Шаров был нотариусом, а Праотцев — частным поверенным.

Помимо этого, Милюков встречался и с товарищами по несчастью. Ко времени приезда Милюкова в Рязань здесь сложился небольшой (около 10 человек) сплоченный кружок из «политически неблагонадежных лиц». Согласно материалам жандармского управления, за два года ссылки Милюков встречался с 26 мужчинами и женщинами, находившимися под наблюдением или надзором или высланными в Рязань. Среди поднадзорных наиболее интересными фигурами были народоволец В.А.Бодаев, социал-демократ И.А.Давыдов, народник Н.С.Корвин-Круковский, член Союзного совета А.Н.Покровский.

Корвин-Круковский позже отошел от революционной борьбы. В 1900 году он выслал рукопись книги «Очерки развития государственного и общественного строя Англии, Франции и Германии» Милюкову. Автор просил просмотреть работу и помочь с изданием или передать рукопись для напечатания М.Семенову. Рукопись была одобрена Милюковым, и, возможно, он порекомендовал Корвин-Круковскому дополнительно рассмотреть положение дел в США. Так или иначе, книга вышла под псевдонимом «Н.Северный» с измененным названием «Государственный и общественный строй в Англии, Франции, Германии и С.-А. Соединенных Штатах» (СПб., 1905).

Был среди поднадзорных, с которыми встречался Милюков, и человек, примечательный не только своей причастностью к революционному движению. Это кандидат физико-математических наук В.П.Ижевский, получивший позже известность благодаря работам по доменному производству, металлографии, электрометаллургии, термообработке, а также многочисленным изобретениям.⁷⁵

В Рязани Милюков близко сошелся с Н.А.Рубакиным, известным книговедом, библиографом, писателем. Они встречались раньше, в 1893 году, на московской квартире Милюкова. Тогда речь шла о программах для самообразования. На этот раз встреча Рубакина и Милюкова произошла в Рязани в 1896 г. при следующих обстоятельствах. Н.А.Рубакин уже три года находился под негласным надзором полиции, но не был ограничен в месте проживания. 25 мая 1896 г. он вместе с женой и сыном Александром выехал из Петербурга через Москву в Рязань, чтобы навес-

ить брата, М.А.Рубакина, инженера-технолога, фабричного инспектора Рязанской губернии. По сведениям Департамента полиции, Рубакин прибыл в Рязань 2 июня. Согласно не вполне надежным воспоминаниям Н.А.Рубакина, в Рязани он заболел нефритом. Милюков часто бывал у него, ухаживал за больным. Так Рубакин узнал Милюкова как доброго, отзывчивого человека и отличного товарища. Дети Милюкова и Рубакина вместе проводили время. Их отцы летом 1896 г. участвовали в одной просветительской акции. Тогдашний начальник рязанского депо А.П.Лутохин организовал для железнодорожных рабочих библиотеку. Каталог для нее был составлен учителем Я.И.Денисовым при помощи сына А.П.Лутохина. Каталог был отвезен на просмотр Милюкову. Тот сослался на свою некомпетентность в этом вопросе и отдал его Рубакину. Последний внес лишь незначительные изменения и вернул каталог, после чего библиотека начала работать. В середине лета Рубакин ненадолго покинул Рязань, а в начале сентября семейство уехало из города.

Н.А.Рубакин, по свидетельству его сына, высоко оценивал «Очерки по истории русской культуры» и чувствовал к Милюкову «глубокое уважение как к историку».⁷⁶

Характеризуя рязанские знакомства Милюкова, местные власти докладывали в Департамент полиции, что историк «заставляет сомневаться в своей политической благонадежности, хотя явно преступного в деятельности его не обнаружено».⁷⁷

Очутившись в Рязани, Милюков не собирался начинать новых научных работ. Он сделал временный выбор в пользу журналистики. К этому его побуждала необходимость добывать хлеб насущный. Редакция газеты «Русские ведомости» предложила Милюкову сделаться ее постоянным сотрудником, и он, видимо, дал обязательство написать для нее несколько очерков о духовной жизни русской интеллигенции 1830-х гг. В течение 1895-1896 гг. в «Русских ведомостях» был напечатан ряд статей под общим заголовком «Любовь у “идеалистов тридцатых годов”», а также популярная заметка о древнейшем человечестве (пересказ брошюры И.Тайлора, которую Милюков достал через В.А.Гольцева). В это же время появляется его первая публикация в народническом «Русском богатстве», посвященная распространению университетского образования в Англии, Америке и России. Статьи Милюкова в «Мире Божьем» и в «Русском богатстве» признавались одними из лучших работ, посвященных английской образовательной системе.

Либеральная общественность пыталась всячески помочь опальному историку, и с июня 1895 г. в «Русской мысли» стал печататься роман Уорд «Марчелла», перевод которого был выполнен А.С.Милюковой. Да и сам Милюков не хотел порывать с участием в «Русской мысли». В письме В.А.Гольцеву от 11 марта 1895 г. он просил высылать ему в Рязань книги для рецензирования. Так, Милюков разобрал восьмую и девятую книги исследования Н.П.Барсукова «Жизнь и труды М.П.Погодина», а также монографию А.М.Павлинова «История русской архитектуры», рецензии на которые появились в апрельском и майском номерах журнала за 1895 г.

соответственно. Не забыл Милоков с женой в декабре 1895 г. поздравить Гольцева с 10-летием редактирования «Русской мысли».

Но в 1896 г., в связи с загруженностью работой над «Очерками по истории русской культуры», Милоков фактически перестал что-либо писать для «Русской мысли». По Москве поползли слухи, что историк не хочет больше участвовать в журнале. Явную обеспокоенность проявлял и Гольцев. Желая пресечь подобные слухи, Милоков в августе 1896 г. пообещал Гольцеву написать что-нибудь и поместить в журнале под своей подписью. В конце концов, Милоков выбрал для статьи сравнительный обзор биографий Александра I (Н.К.Шильдера) и Александра II (С.С.Татищева) в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1896. Т.1). Но пришедшее разрешение на отъезд в Болгарию поставило крест на данном замысле Милокова.⁷⁸

В Рязани историк работал над завершением первой и над второй частью «Очерков по истории русской культуры», над продолжением «Главных течений русской исторической мысли», причем первая работа была приоритетной. Причину такого предпочтения Милоков изложил 23 августа 1896 г. в письме В.А.Гольцеву, который в качестве редактора «Русской мысли» был, наоборот, заинтересован в скорейшем завершении публиковавшихся в этом журнале «Главных течений»: «Ты понимаешь, я думаю, что «Очерки» я должен был предпочесть историографии, так как они гораздо нужнее для публики – и именно теперь». Такое объяснение Милокова характерно в двух отношениях. Во-первых, оно показывает, насколько тесно была в этот момент его научная деятельность связана с его политическими помыслами. Политика не только вторгалась во все большей степени в текст исторических работ Милокова, но и заставляла его делать выбор между этими работами, в пользу более актуальных. Во-вторых, из слов Милокова следует, что многозначительные намеки, делавшие им самим и либеральными рецензентами «Главных течений» на «независящие обстоятельства», помешавшие закончить книгу, следовало бы отнести не на счет властей, подвергших автора гонениям, а на счет самого автора. Ведь для работы над этой книгой архивы ему не требовались. А досуга он в Рязани имел предостаточно.

Милоков был настроен оптимистически в отношении темпов печатания «Очерков» в «Мире Божьем». К концу 1895 г. он уже надеялся закончить два первых выпуска, после чего выпустить их отдельным изданием. Милоков просил В.И.Семевского, которому был раньше отослан литографированный курс, сообщить свои возражения по нему, сделать замечания, что следовало изменить, дополнить, исключить.⁷⁹

Несмотря на намерение, высказанное в письме к Семевскому, не начинать новых научных работ, Милоков не смог удержаться от соблазна. Видимо, через друзей-юристов он познакомился с бывшим товарищем председателя рязанского окружного суда М.М.Латышевым, который в 1845-1849 гг. обучался в Московском университете на юридическом факультете. Латышев передал в распоряжение Милокова сохранившуюся со студенческих лет запись одного из курсов Т.Н.Грановского. Милоков

в начале 1897 г. написал на ее основе статью и вместе с выдержками из лекций опубликовал в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (М., 1897). Во втором издании этого сборника текст статьи был значительно сокращен. Рецензенты хорошо оценили статью Милокова. Саму рукопись Милоков с согласия Латышева передал в собственность Исторического музея в Москве.⁸⁰

Что касается досуга, то Милоков вместе с учителем немецкого языка I Рязанской мужской гимназии В.И.Вернером, братом присяжного поверенного В.И.Родзевичем и, видимо, вольноопределяющимся Л.Р.Новоспаским составили квартет и, как отмечается в мемуарах Милокова, «переиграли массу классической музыки». Из писем Милокова известно, что квартет собирался регулярно. Вскоре к нему присоединились поручик 137-го Нежинского полка С.И.Стрельбицкий и капельмейстер 139-го Моршанского полка Э.И.Шипанек. Как отмечают современники, Милоков был неплохим скрипачом. Достоверно известно об одном музыкальном вечере на квартире Милокова, который прошел 12 августа 1896 года. На нем, помимо музыкантов, отмечено присутствие лишь Н.А.Рубакина. Весьма вероятно, что Милоков и В.И.Родзевич приезжали в июне 1896 г. в Зарайск к Мачтету, где дали небольшой концерт. По-видимому, в августе того же года состоялась поездка по Оке с композитором А.А.Олеинным, служившим тогда земским начальником в Касимовском уезде. Одним из пунктов, посещенных Милоковым, стало имение Баташевых «Гусевский завод» недалеко от Касимова.⁸¹

В мемуарах Милоков упоминает, что в Рязани его навещали ученики и ученицы, но достоверно известно лишь о приезде бывшего студента Милокова А.К.Дживелегова. Помимо этого, зафиксировано письмо слушательницы педагогических курсов В.Д.Таптыковой, уроженки Рязани. Она писала Милокову, что участвует в работе кружка народников и мечтает посздать такой же из числа рязанцев.

Милокова в Рязани посещали друзья и единомышленники. Как писал он в одном из писем к В.М.Лаврову, «у нас здесь, благодаря московским друзьям, образовался настоящий уголок Москвы в Рязани». Одним из посещавших был В.И.Вернадский. Он приезжал в Рязань в августе 1895 года. Вполне вероятно, что он навещил Милокова и в декабре того же года. Указывая в своих воспоминаниях, что он переночевал у Милокова, о цели своего визита Вернадский не сообщает ничего. В июне 1896 г. Вернадский проездом был в Рязани, но дело было ночью, и к Милокову он не попал. Спустя некоторое время Вернадский, по-видимому, еще раз навещил Милокова. В августе 1895 г. к Милокову приезжал И.И.Петрункевич. Летом 1895 г. Милоков приглашал в Рязань В.А.Гольцева, а весной следующего года - В.М.Лаврова, но оба, судя по всему, не сумели выбраться. Собираясь к Милокову в Рязань в ноябре 1896 г. заехать и М.А.Дьяконов, но, видимо, не смог. В январе 1897 г. Милокова посетил А.Н.Веселовский, приезжавший в Рязань для чтения лекций.⁸²

Что же касается политической деятельности, то Милоков ею в ссылке не занимался. Один из литераторов и общественных деятелей

В.Я.Яковлев (Богучарский) намеревался в сентябре 1895 г. заехать в Рязань к Милюкову, однако поездка не состоялась. Никаких данных для предложенной В.В.Широковой трактовки этого намерения как стремления привлечь Милюкова к возрождению партии «Народное право» нет. Возможно, к «политике» относится следующий эпизод. 23 августа 1896 г. на квартиру к ссыльному историку явились поднадзорные И.А.Давыдов и Н.А.Рубакин, и не состоявшие под надзором Л.Б.Шварц и Ф.Ф.Шелков. Давыдов зачитал какое-то письмо, но ни содержание письма, ни реакция на него Милюкова неизвестны.⁸³

Весной-летом 1896 г. Милюков принял активное участие в сборе средств для открытия народной школы в д.Еголдаево Рязского уезда. Он был одним из ораторов на устроенном в доме Шульгина на Почтовой улице 12 января 1896 г. вечере по подписке в память открытия Московского университета. На вечере была музыка, танцы, говорились речи (в т.ч. Милюковым и Мачтетом). Удалось установить имена 51 присутствовавшего. Среди них - большое число поднадзорных и оппозиционно настроенных рязанцев. Со многими Милюков встречался и до этого. После вечера был устроен ужин на 75 человек по подписке. Собранные деньги должны были пойти на поддержку нуждающихся студентов. Кстати, Милюков приглашал В.И.Вернадского заехать посмотреть, как в провинции празднуется Татьянин день. Но Вернадский на этот вечер не попал.

Милюков и в Рязани занимался просветительской деятельностью. Судя по всему, именно Милюкову было обязано местное общество приглашением в Рязань И.И.Янжула с лекцией «В поисках за рынками», прошедшей 15 декабря 1896 г. в дворянском собрании. За две недели до этого Янжул прочел эту лекцию в Историческом музее в пользу Общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах Москвы. Следующим лектором, приглашенным в Рязань благодаря Милюкову, стал А.Н.Веселовский. Последний в декабре 1896 г. прочел в Историческом музее лекцию «Русская комедия, ее прошлое и будущее», сборы от которой пошли в пользу того же московского общества. После успеха лекции Милюков попросил Веселовского от имени Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам рязанских гимназий и прогимназий продублировать ее в Рязани. Лектор согласился и 19 января 1897 г. прочел ту же лекцию. Общество взяло все хлопоты по устройству лекции на себя. Из письма Милюкова Веселовскому узнаем, что часть средств от лекции должна была поступить рязанской народной библиотеке.⁸⁴

Как уже было сказано, местные власти не находили в деятельности и знакомствах Милюкова в Рязани ничего предосудительного. Казалось, что по окончании срока надзора у него был шанс вернуться к научной и преподавательской работе. Но судьба распорядилась так, что имя Милюкова вновь оказалось на слуху у Департамента полиции. Началось все с обыска 4 мая 1895 г. у учителя Арбатского городского училища И.И.Скворцова, известного в будущем большевика. У Скворцова среди разной нелегальной литературы нашли литографированное издание «Введения в курс русской истории» П.Н.Милюкова с пометами. В августе 1895 г. Мос-

ковское ГЖУ, ведущее дело, обратилось к ректору университета П.А.Некрасову за разъяснениями. Тот подтвердил, что подобный курс Милюковым читался в 1894/95 г., после чего ученый разрешил студенту историко-филологического факультета П.В.Лаврову, сыну издателя «Русской мысли», литографировать его. (Кстати, позже П.В.Лаврова осудят как члена Союзного совета).

Пока в Московском ГЖУ шло разбирательство с литографированными лекциями Милюкова, супруги решали вопрос о том, где они проведут конец лета – начало осени 1895 г. Первоначально Милюковы думали остановиться на даче Умовых, которая освобождалась к середине августа. Милюков уговаривал семью Вернадских поехать с ними. Но по каким-то причинам умовский вариант сорвался. А 15 августа семейство Петрункевичей отправилось в Крым, где они остановились на даче своего знакомого П.А.Бакунина в 4 верстах от Ялты. Петрункевичи звали Милюковых к себе и даже были готовы потесниться в случае их приезда. По неизвестным причинам к ним в гости смог отправиться один Павел Николаевич.

Он уже собирался 8 или 9 сентября 1895 г. выехать в Крым, когда из Рязанского ГЖУ ему принесли бумагу с требованием зайти в управление 8 сентября в 11 часов для допроса. Московские жандармы просили рязанских коллег допросить Милюкова и узнать, читал ли он такой курс, и не было ли внесено изменений в литографированный текст по сравнению с лекциями. Допрос прошел в присутствии чинов управления и прокурора окружного суда М.В.Свешникова. К сожалению, протокол допроса нами не обнаружен.

После допроса Милюков отправился в Крым, где и находился на лечении до 26 сентября. Когда муж отбыл в Крым, Анна Сергеевна на некоторое время уехала в Москву.⁸⁵

Вслед отправившемуся в Крым Милюкову Рязанское ГЖУ послало Таврическому ГЖУ извещение с просьбой проследить его контакты во время лечения. По сведениям жандармов, Милюков встречался в имении Токмаковых «Олеиз» в Ялтинском уезде с поднадзорным публицистом и экономистом, марксистом Н.В.Водовозовым (1870-1896), его женой, М.И.Водовозовой, урожденной Токмаковой, состоявшей под негласным надзором дворянкой М.П.Матерно и некоей Слепцовой.

Милюков поселился на даче Бакуниных, где, кроме Петрункевичей, гостил Д.И.Шаховской, а также приезжала Н.Е.Вернадская. Помимо бесед, прогулок и игры в шахматы, Милюкову удалось поработать с документами из архива Бакуниных, которые позже легли в основу одной из статей цикла «Любовь у “идеалистов тридцатых годов”».⁸⁶

Расследование дела Скворцова велось Московским ГЖУ параллельно делу Союзного совета объединенных землячеств, начатому в ноябре 1894 г. При обыске 30 мая 1895 г. у члена Союзного совета Н.А.Шишло также были изъяты литографированные лекции Милюкова. Другому члену совета – Н.Н.Бельскому – помимо всего прочего, ставилось в вину то, что он был очень активен при проходах Милюкова в Рязань. Наконец 16

июня 1895 г. при допросе Н.А.Шишло опять прозвучало имя Милюкова. Допрашиваемый рассказал о заседании Саратовского землячества 3 месяца назад (т.е. в марте), на котором среди прочих вопросов обсуждался призыв Союзного совета распространять между желающими литографированные лекции Милюкова «как материал, весьма пригодный к подготовке студентов для общественной деятельности». Как показал Шишло, Саратовское землячество не приняло данное предложение, т.к. у него не было средств на приобретение лекций.

Жандармы произвели осмотр означенных лекций. Третья часть литографированного издания была посвящена истории развития общественных групп и самодержавной власти в России. Основной вывод, который усмотрели жандармы, сводился к следующему: Милюков утверждал, что «развитие и сила этой власти обуславливаются давлением сверху, а не естественным зарождением и ростом народных идеалов». Он также касался «истории развития противоправительственных кружков» и «искусным подбором односторонне освещенных фактов давал понять, что только этими кружками может быть поставлена преграда росту самодержавия в России».

В Москве появились слухи, что Милюков был тайным ректором Союзного совета. Всплывшая в ходе расследования дела Союзного совета фамилия Милюкова заинтересовала Московское ГЖУ, и 7 октября 1895 года управление обратилось к обер-полицмейстеру с вопросом, не имеется ли у него сведений об участии историка в деятельности совета. 12 октября А.А.Власовский ответил, что точных данных о членстве ученого в совете нет и добавил, что Милюков известен «своим народолюбивым складом убеждений», поэтому членом совета он вряд ли мог быть. Скорее всего, Милюков пользовался им как готовой организацией «для проведения более крайних взглядов». Кроме этого, Власовский привел как аргумент в пользу своей позиции пересказ заметки из «Летучих листков», издававшихся Фондом Вольной русской прессы.

В анонимной заметке, посвященной обзору русской литературы в английском журнале «The Athenaeum», сообщалось, что автор обзора — П.Н.Милюков — высказывает интересное мнение о настроениях русского мыслящего общества, которое заключается в следующем. Все согласны с неотложной необходимостью политической свободы, но экономические вопросы делят всех на непримиримые направления. Милюков высказывал надежду, что такое разделение чисто теоретического свойства и не мешает общей работе, т.к. ни одно из течений (народники и социал-демократы) не имеет возможности последовательно «проводить свои меры» при нынешнем политическом положении России.

Эта заметка была истолкована Власовским в несколько ином ключе, а именно: Милюков доказывает, что все классы русского общества жаждут политической свободы, к которой они совершенно подготовлены. Стоит сказать, что сам обзор в «The Athenaeum» полицейские не видели. Тем не менее, благоприятный отзыв русских эмигрантов также был истолкован как свидетельство противоправительственного настроения Милюкова.⁸⁷

Получив справки Власовского, товарищ прокурора Московского окружного суда А.А.Лопухин, принимавший участие в расследовании дела Союзного совета, начал сводить разрозненные свидетельства об антиправительственной деятельности Милюкова воедино. Кроме сведений, сообщенных Власовским, и материалов допроса Шишло, Лопухина заинтересовали найденные во время обысков протоколы «Кружковой комиссии» за ноябрь–декабрь 1893 г., в которых имелось постановление о привлечении Милюкова к участию в заседаниях. У Лопухина стала вырисовываться такая картина: Милюков — человек антиправительственных убеждений, популярный преподаватель, чьи лекции Союзный совет постановил распространять как можно шире, а самого его — пригласить для заседаний «Кружковой комиссии». Лопухин обратил внимание на то, что до конца 1894 г. Союзный совет был организацией с узкими целями. И вдруг совет подал петицию Николаю II с более радикальными требованиями. Значит, это было сделано под влиянием популярного человека, близко стоящего к совету, но находящегося в стороне, т.к. его цели были шире задач Союзного совета. Милюков подходил под все эти характеристики, и Лопухин счел возможным обвинить Милюкова в руководстве Союзным советом и привлечь к делу. Доводы Лопухина были сочтены заслуживающими внимания. Московское ГЖУ 16 октября 1895 г. отправило в Рязань письмо с требованием вызвать Милюкова для допроса 19 октября.

В назначенный день в здании Рязанского ГЖУ Милюков был допрошен А.А.Лопухиным и подполковником отдельного корпуса жандармов Клыкковым. Милюков отверг свою принадлежность к Союзному совету. В протоколе допроса зафиксированы следующие показания Милюкова. О совете он будто бы знал лишь по записке Н.Я.Грота, представленной великому князю Константину Константиновичу. Для Милюкова совет был организацией, объединявшей землячества для благотворительных целей, а не политических. О других задачах совета Милюков тоже слышал, но сведения эти были крайне неопределенные. В свое время Милюков получил от совета программу чтения для самообразования, но в ней также не было ничего противозаконного. Из воззваний совета Милюков видел лишь то, в котором описывалось декабрьское выступление студентов. Когда скончался Александр III, студенты предлагали или подать новому императору петицию или учинить беспорядки. Они пришли к Милюкову за советом, и он высказался за петицию. Назвать приходивших к нему студентов историк отказался.

Милюков отрицал свое участие в 1894–1895 гг. в студенческих вечеринках, равно как и подобные собрания у себя дома. Он признал лишь посещение 2–3 вечеринок в 1893 г., куда, кроме него, были приглашены и другие преподаватели. По словам Милюкова, постановление Союзного совета о распространении его лекций ему было неизвестно. Предъявленные Милюкову три части литографированного «Введения в курс русской истории» не содержали никаких дополнений, помимо самих лекций. Милюков выступил против трактовки его лекций как материала для под-

готовки молодежи к противоправительственной деятельности. Он считал курс полностью научным. Подчеркнутые красным карандашом фразы во «Введении» были буквальными цитатами из уже опубликованных и разрешенных изданий.

Милукову также был предъявлен № 24 «Летучих листков» с заметкой о его обзоре в «The Athenaeum». Милуков высказался против такого понимания его заметки. В подлиннике, заметил Милуков, было указано на «бесправие» и «невежество» как главные недуги России, которые могут быть вылечены водворением чувства «законности» и распространением народного образования, с чем согласны все. Английский переводчик обзора Гернике перевел «бесправие» как «misrule», что нетождественно. Нетождественным был перевод «водворение законности» как «дарование политических свобод».

После допроса Московское ГЖУ затребовало от рязанских коллег сведений о Милукове и его знакомствах. В начале ноября 1895 г. историку сообщили, что он привлечен по делу Союзного совета как обвиняемый и взяли с него подписку о невыезде. Само дело было закончено и передано прокурору Московской судебной палаты. В справке о Милукове, подготовленной для решения дела, приводились все данные как за, так и против его виновности.⁸⁸

Как видим, Лопухин создал искусственную схему, большая часть положений которой не соответствовала действительности. Милуков действительно не жаловал российское самодержавие, но вряд ли он мог быть отнесен к народолюбцам. Лопухин извратил смысл постановления «Кружковой комиссии». На самом деле, Милуков вовсе не был причастен к руководству Союзным советом, а приглашался на студенческие вечеринки в качестве постороннего, наряду с другими преподавателями. Союзный совет рекомендовал распространять лекции ученого в марте 1895 г., т.е. после высылки, и Милуков, естественно, не мог знать об этом. Умозаключения Лопухина по поводу руководящей роли Милукова в Союзном совете тоже следует признать неверными.

Сам Милуков во время допроса, разумеется, не был до конца искренним с представителями власти. Крайне сомнительно, что он, участвовавший в составлении профессорской петиции, знал Союзный совет только как благотворительную организацию. Милуков также пытался скрыть, что в 1894 г. участвовал в студенческих вечеринках совместно с другими преподавателями. Что же касается обзора в «Атенеуме», он давал свободу для самых различных трактовок, и полицейские, ознакомившиеся не с его оригиналом, а с переложением в революционном издании, вполне могли счесть его крамольным.

Привлечение Милукова к делу Союзного совета объединенных землячеств спутало все его планы. Дело в том, что он хотел покинуть провинциальную Рязань, и выход из создавшейся ситуации видел в предложении болгарского министерства народного просвещения.

В августе 1895 года Милукову пришло письмо от приват-доцента Новороссийского университета Г.Е.Афанасьева с предложением занять ка-

федру всеобщей истории в Софийском Высшем училище. Дело в том, что в мае 1895 г. скончался занимавший эту кафедру М.П.Драгоманов и остро вставал вопрос о новом преподавателе, т.к. среди болгар тогда не было людей с необходимой подготовкой. В начале июля 1895 года болгарское министерство народного просвещения обратилось с предложением занять вакантную кафедру к своему соотечественнику, профессору Харьковского университета М.С.Дринову, но тот отказался. Причинами отказа, по-видимому, стали нежелание Дринова менять устоявшийся уклад жизни и недоверие к новому правительству К.С.Стоилова, лишь недавно сменившему крайне жесткий режим С.Стамболова. Затем болгары обратились с аналогичным предложением к приват-доценту Новороссийского университета Г.Е.Афанасьеву. Тот еще в 1892 г. защитил докторскую диссертацию по всеобщей истории и рассчитывал со временем занять кафедру в родном университете, но российское министерство народного просвещения после смерти В.К.Надлера в 1894 г. отдало предпочтение Р.Ю.Випперу. Болгары надеялись, что историк согласится на предложение, но просчитались. Афанасьев по личным и семейным причинам вообще решил сменить род деятельности. Он был близким другом детства и юности тогдашнего министра финансов С.Ю.Витте. Последний выступил покровителем старого знакомого, и вскоре Афанасьев стал управляющим киевской конторой Государственного банка, которую возглавлял затем свыше 20 лет. Афанасьев отказал болгарам, а вместо себя предложил кандидатуру Милукова, которому и написал в августе 1895 г. (Есть сведения, что Г.Е.Афанасьев и П.Н.Милуков однажды встречались. К сожалению, неизвестно, произошло ли это событие до 1895 года или после). С другой стороны, преподававший с октября 1894 г. в Софийском Высшем училище немецкий язык русский эмигрант Б.(Я).Д.Минцес (1865-1904) в письме к П.Б.Струве (1903 г.) утверждал, что по его совету и при его личном содействии Милукова пригласили в Софию. Возглавлявший резидентуру Департамента полиции российской МВД на Балканах полковник А.И.Будзилович скромнее оценивал роль Минцеса. Последний лишь ходатайствовал в болгарском министерстве о предоставлении должности Милукову. Скорее всего, Минцес сыграл роль неофициального советника министерства после того как Афанасьев предложил вместо себя другого историка.⁸⁹

Как писал Милуков в письме В.М.Соболевскому в августе 1895 г., предложение «взорвалось, как бомба» и он до сих пор «не успел подобрать клочков своих мыслей». Приглашение давало шанс вырваться из провинциального города в Европу, подальше от полицейского надзора, продолжить педагогическую деятельность, пополнить семейный бюджет. Милуков считал, что предложение имеет свои привлекательные стороны, и не хотел отказываться, не ознакомившись со всеми условиями. В октябре того же года в письме П.С.Уваровой он уже более скептически оценивал болгарское приглашение: «Нельзя сказать, чтобы предложение это было мне по душе, но, во всяком случае, болгарская профессура лучше, чем рязанское “сиденье”». Уже из Болгарии Милуков писал Гольце-

ву, что «София много лучше Рязани, и даже перед Москвой имеет некоторые преимущества».⁹⁰

Как свидетельствует А.В.Амфитеатров, находившийся в то время в Софии, болгарское министерство народного просвещения предложило читать лекции в Высшем училище, кроме Милюкова, М.М.Ковалевскому и П.В.Безобразову. Первый, несмотря на солидный гонорар в 30 тысяч франков (почти в два раза превышавший жалованье министра), отказался, не желая прерывать работу в итальянских архивах. О том, что помещало Безобразову принять болгарское предложение, Амфитеатров не пишет. Нами не найдено никаких данных, подтверждающих или опровергающих сведения Амфитеатрова. Безобразов с 1895 г. находился в административной ссылке в Туле, лишенный, как и Милюков, возможности заниматься педагогической деятельностью. Известно, что в ноябре 1897 г., когда над преподавательской карьерой Милюкова сгустятся тучи, Безобразов будет зондировать почву о возможности для него работы в училище. В июне-июле 1898 г. Безобразов будет находиться в Софии, хлопоча о занятии той кафедры, что в свое время была предложена Милюкову. В ноябре того же года Безобразов приедет в Софию, по видимому, для решения упомянутого вопроса. В марте-апреле 1899 г. Безобразов в очередной раз появится в Софии, где попытается при посредничестве русских дипломатов и И.Д.Шишманова получить место в училище. Но все усилия Безобразова окажутся безрезультатными. После же снятия с него запрета на педагогическую деятельность он предпочтет стать приват-доцентом Новороссийского университета.⁹¹

К сожалению, письма Г.Е.Афанасьева к Милюкову и переписка последнего с болгарским министерством не сохранились, и о перипетиях в деле приглашения историка в Софию можно судить лишь по косвенным источникам. Видимо, Милюков потратил сентябрь — октябрь 1895 г. на выяснение принципиальных вопросов своего будущего. В октябре София стала торопить с окончательным ответом, чтобы подготовить запрос ко второй сессии Народного Собрания (ноябрь-декабрь 1895 г.) на утверждение иностранца на кафедру всеобщей истории в Высшее училище. Милюков тянул с ответом, т.к. хотел удостовериться, является ли его удаление из Московского университета окончательным или его услуги могут понадобиться в ближайшем будущем в одном из российских университетов. С целью прощупать почву в российском министерстве народного просвещения он обратился в 20-х числах октября 1895 г. с письмом к С.Ф.Платонову, а П.С.Уварову просил поговорить об этом с московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. Пришедшие вскоре ответы на запрос Милюкова подтвердили его опасения — дорога в высшую школу в России в ближайшее время для него была закрыта. Поэтому он, видимо, в ноябре уведомил Софию о том, что согласен занять кафедру Драгоманова. После этого Милюков начал оговаривать с болгарским министерством условия своей работы. Судя по его письму к Уваровой, Милюков втайне надеялся, что болгары не согласятся на его требования, и тогда он откажется от приглашения. В случае же

удовлетворения всех его запросов Милюков собирался вести дальнейшие переговоры о подробностях соглашения. Даже уезжая в Болгарию, Милюков не хотел лишиться себя возможности возвратиться в Россию. В запальчивости он восклицал: «Мысль оставить Россию навсегда — для меня слишком ужасна: лучше хочу быть в России “нашим собственным корреспондентом”, чем в Софии профессором». По мнению Платоновых, Милюков предпочел бы остаться в России, например, получить место в каком-нибудь архиве, чем отправляться в Болгарию. Если же ничего не оставалось, кроме как ехать, то на небольшой срок и с гарантией возвращения в Россию.

О требованиях, выдвинутых Милюковым, нам известно немного. Он настоял на том, чтобы контракт был заключен на 5 лет. Милюков оговорил себе 12000 левов в год за лекции. При переводе на рубли получался громадный по сравнению с его приват-доцентскими доходами оклад — более 4400 рублей в год.⁹²

Милюков надеялся вернуться в Россию, как только обстановка изменится. Теперь же, как он писал в письме к С.С.Маньковской (ноябрь-декабрь 1895 г.), его влекли новые впечатления, возможность поехать по Европе, появление досуга для любимой работы. Как видно из того же письма, болгарский министр народного просвещения К.П.Величков торопил Милюкова приехать в Софию к началу весеннего семестра 1896 г. Милюкова беспокоило то, что он не сможет так быстро подготовить необходимый курс лекций. Выход из сложившейся ситуации он видел в разрешении опоздать на месяц с целью подготовки курса. Несмотря на настояния Велиčkова приехать побыстрее, сам Милюков не был уверен в возможности весенней поездки. Он рассчитывал уехать для подготовки курса в Париж или Лондон, и там, кроме всего прочего, собирался продолжить уже начатые работы («Очерки по истории русской культуры» и «Главные течения русской исторической мысли».)⁹³

Официальное утверждение приглашения П.Н.Милюкова на службу в Болгарию произошло на заседании второй сессии Восьмого Очередного Народного Собрания 19 декабря 1895 года. Секретарь М.Такев зачитал предложение болгарского министерства народного просвещения, датированное четырьмя днями ранее. Для преподавания всеобщей истории в Высшем училище министерство, ввиду важности предмета, не хотело привлекать кого-либо из местных преподавателей, а настаивало на приглашении известного специалиста из другой страны. Таким лицом назывался П.Н.Милюков, который согласился принять на себя чтение лекций при условии заключения контракта на 5 лет с годовым содержанием в 12000 левов. Отлично отрекомендовав Милюкова, министерство просило собрание разрешить заключить с ним контракт на 5 лет в обход «Закона о чиновниках», запрещавшего принимать иностранцев на государственную службу более, чем на 3 года. Высказавшиеся по предложению депутаты затронули следующие вопросы: В.Нейчов требовал предварительно разобраться, какую кафедру прежде занимал Милюков и на того ли человека тратятся народные средства; П.Каравелов предположил, что

Милюков не ординарный доцент, как было написано в министерской характеристике, а приват-доцент; С.Михайловски предлагал узнать, за что его уволили из Московского университета.

На два первых вопроса секретарь просто еще раз прочитал письмо из министерства, а на последний отвечал уже сам глава ведомства К.П.Величков, который не считал увольнение Милюкова фактом враждебного отношения русского правительства к ученому, тем более что последнего, по словам министра, вскоре должны были пригласить в Московский университет на должность профессора. Величков не мог не знать из писем Милюкова истинного положения дел и, как видим, для того, чтобы заполучить в училище преподавателя европейского уровня, пошел на сознательный обман депутатов. После выступления министра большинством голосов собрание разрешило заключить с Милюковым контракт на 5 лет. Предлагаемая сумма превышала обычные оклады преподавателей в Высшем училище. Так, по данным на июль 1898 г., ординарные профессора получали по 7200 левов в год, экстраординарные — по 6000. Жалованье министра народного просвещения К.П.Величкова составляло 18000 левов в год (1896 г.), а его преемника — И.Вазова — 16560 (1898 г.).⁹⁴

По-видимому, в конце декабря 1895 г. болгары сообщили Милюкову о принятом решении. Теперь его волновал приговор по делу о Союзном совете, по которому он был привлечен как обвиняемый. От решения этого вопроса зависело то, как скоро историк сможет выехать за границу и приступить к своим обязанностям. В письме к В.Н.Сторожеву от 4 февраля 1896 г. Милюков с тоской писал, что сидит, как на почтовой станции, в ожидании пересадки. Лошади запоздали, надо укладываться, и ничего важного начинать нельзя.

Положение дел взялась прояснить жена Милюкова. Она отправилась в Петербург через Москву 14 (15 ?) января 1896 г. Пробыв некоторое время в Москве, Анна Сергеевна запаслась рекомендательным письмом от Л.Н.Толстого к известному юристу, сенатору А.Ф.Кони, датированным 18 января, в котором писатель просил помочь П.Н.Милюкову. Как писал Толстой, ученый собирается ехать за границу, но боится, что ему запретят возвращаться в Россию. Видимо, в начале февраля А.С.Милюкова выехала в столицу, где собиралась похлопотать о скорейшем решении вопроса и разрешении мужу принять болгарское предложение. В Петербурге А.С.Милюкова навестила другого знакомого мужа — К.К.Арсеньева, которому передала текст допроса 19 октября 1895 г., записанный по памяти П.Н.Милюковым. Арсеньев также принял участие в деле Милюкова. 19 февраля он написал письмо другому известному юристу, сенатору Н.С.Таганцеву, имевшему вес в министерстве юстиции, с просьбой посодействовать Милюкову. К письму Арсеньев приложил копию текста допроса.

В Петербурге А.С.Милюкова остановилась на Литейном проспекте, д.31, кв.31. За время пребывания в столице она дважды посетила Платоновых.

21 февраля А.С.Милюкова побывала в Департаменте полиции. Среди лиц, представлявшихся в тот день директору департамента, она значится

как ходатайствовавшая «о разрешении жительства в г.Москве мужу ее Павлу». Как нам представляется, подача подобного прошения была связана со стремлением Милюкова уладить свои дела в Москве перед отъездом за границу и серьезно подготовиться к лекциям. Милюковой также удалось встретиться и с министром народного просвещения И.Д.Деляновым. Эта встреча состоялась благодаря помощи баронессы В.И.Иксуль фон Гильденбандт (1852–1928), в салоне которой бывали как высшие чиновники МВД, так и оппозиционно настроенные литераторы и общественные деятели. Содействие столь известной в придворных кругах особы объясняется тем, что ее ближайшей приятельницей была Е.П.Леткова, жена Н.В.Султанова, двоюродного брата П.Н.Милюкова. (Кстати, Леткова была дружна и с писательницей и актрисой И.С.Кони, матерью А.Ф.Кони). Сам Милюков в «Воспоминаниях» относит хлопоты Иксуль к началу 1895 г., к моменту его высылки из Москвы. Однако приведенная им фраза из мотивировки обвинения — «вредное влияние на молодежь» — фигурировала при привлечении Милюкова по делу Союзного совета, что позволяет отнести данную встречу к февралю 1896 г.

А.С.Милюковой удалось также встретиться с министром юстиции Н.В.Муравьевым, который пообещал ей внимательно рассмотреть дело мужа.

Потратив много времени, Милюкова так ничего и не смогла узнать о сроке окончания следствия. В одном месте ей сказали, что дело кончится через два месяца, в другом — к осени. Это означало, что П.Н.Милюков мог потерять место в Высшем училище. Расстроенная, Анна Сергеевна покинула столицу.⁹⁵

После провала миссии жены несколько влиятельных особ взялись помочь облегчить участь П.Н.Милюкова. Графиня П.С.Уварова в апреле 1896 г. в личном письме к министру юстиции Н.В.Муравьеву выступила в защиту Милюкова как благонадежного человека и безвинной жертвы. За Милюкова ходатайствовали имевшие вес в министерстве народного просвещения В.Г.Васильевский, С.Ф.Платонов и вице-президент Академии наук Л.Н.Майков. Платонов в апреле составил записку об ученых трудах П.Н.Милюкова и вместе с перечнем его работ подал Л.Н.Майкову, для вящего успеха его ходатайства, и И.Д.Делянову. В основу перечня работ Милюкова Платонов положил список трудов, составленный лично Павлом Николаевичем и привезенный его женой в столицу. Делянов оперативно переправил все материалы министру юстиции. Он писал, что «наши ученые очень просят не ссылать Милюкова в такие места, где ему нельзя будет заниматься наукою... Мне... особенно жаль его жену, дочь... ректора Московской духовной академии протоиерея Смирнова. Нельзя ли его оставить в Рязани или в другом недалеком от Москвы городе». От себя Делянов попросил указать, от кого зависит решение данного вопроса, для возможного дальнейшего ходатайства. Столь близкое участие министра позволяет предположить, что или Иксуль, или Уварова приложили руку к этому делу. Как увидим ниже, именно Делянову реально удалось помочь Милюкову в смягчении меры наказания.

За Милюкова ходатайствовал и В.О.Ключевский. В начале июня 1896 года он представил генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу докладную записку о Милюкове. Ключевский просил разрешить Милюкову беспрепятственное жительство в любых городах и районах империи. Генерал-губернатор отправил эту записку в МВД. В сопроводительном письме он высказался против основной мысли записки. В МВД также высказались против предоставления Милюкову свободного выбора местожительства, и ходатайство Ключевского было отклонено.⁹⁶

Параллельно ходатайствам друзей и покровителей Милюков и сам предпринял попытку оправдаться перед МВД и министерством юстиции. Проанализировав вопросы, заданные ему во время октябрьского допроса, он выделил ряд нарушений закона, которые ему инкриминировали власти: а) овации и адреса от московской молодежи; б) лекция на педагогических курсах и смелое заявление, что его «возьмут из аудитории только силой»; в) устройство лекций тенденциозного содержания в Нижнем Новгороде; г) вредное влияние его лекций на студентов университета; д) подстрекательство студентов к демонстрации против В.О.Ключевского; е) связь с революционными организациями. В конце апреля 1896 г. Милюков направил ряд писем в оба министерства, где попытался снять с себя все обвинения. Для убедительности он приложил письмо Д.И.Тихомирова, которое проливало свет на инцидент с чтением лекции 21 февраля 1895 г. на педагогических курсах.

Адреса и овации молодежи Милюков расценивал скорее как возмущение той карой, что его постигла, нежели как сочувствие ему лично. Милюков утверждал, что пытался сделать все, чтобы придать действиям молодежи менее демонстративный характер, для чего к поезду пришел за несколько минут до отправления, а на педагогических курсах сами слушательницы шикали на тех, кто пытался аплодировать. Милюков отказывался от «театральных фраз», и сообщал, что на улицу за ним выбежали не слушательницы курсов, а ученицы IV гимназии, пришедшие проститься с учителем, чего они не смогли сделать на последнем уроке. Обстоятельства чтения лекции, инкриминируемой ему в качестве нарушения запрета на любую педагогическую деятельность, отлично проясняло письмо Д.И.Тихомирова. Согласно ему, именно попечитель высказался за прочтение нескольких лекций на курсах, дабы избежать волнений.

Лекции в Нижнем Новгороде были устроены не одним Милюковым, а целым учреждением, действовавшим в установленном порядке. Касаясь содержания лекций, Милюков недоумевал, в чем, собственно, его обвиняют. Тема лекций, построенная на общеизвестных данных, была не нова. Тон лекций, по утверждению Милюкова, был объективным. Более того, чрезмерная их серьезность вызывала опасение, что лекции будут непонятны для неподготовленной аудитории.

Милюков отрицал, что его лекции воспитывали студентов в тенденциозном духе. «Введение в курс русской истории» было построено на уже опубликованных работах, а цитаты взяты из разрешенных изданий. Ми-

люков считал, что в его выводах мало оригинального, т.к. большинство из них уже было высказано в печати. Он утверждал, что лишь соединил отдельные факты, исходя исключительно из научных, а не политических целей. Вообще эти лекции не могли влиять на студентов Московского университета, восклицал Милюков. Ведь он только в 1894/95 учебном году ввел подобный курс в университете, и в первом полугодии смог пройти лишь половину первого литографированного выпуска. Из-за специального характера курса милюковская аудитория быстро сократилась до небольших размеров.

Милюков категорически отрицал свое участие в подстрекательстве студентов к демонстрации против В.О.Ключевского, и относил это обвинение к грязным интригам своих недоброжелателей.

Связь с какими бы то ни было революционными организациями как в России, так и за ее пределами Милюков отрицал. Его убеждения не позволяют ему быть их членом, писал он. Аналогичные убеждения исповедуются многими русскими журналами, и не могут считаться в конце XIX века государственным преступлением. Сознавая, что его объяснения могут быть недостаточными, Милюков просил сообщить неизвестные ему обвинения и допросить его еще раз (в Санкт-Петербурге или Рязани), дабы он мог высказать аргументы в свое оправдание. В случае невозможности провести допрос Милюков надеялся, что его жена сможет быть принята, дабы отвести новые обвинения, и рассчитывал, что реальные обстоятельства дела выяснятся до начала новых репрессий.⁹⁷

Конечно, к свидетельствам Милюкова, пытавшегося оправдаться перед властями, надо относиться осторожно. Но в целом ход событий позволяет заключить, что версия Милюкова ближе к действительности, чем собранные полицейскими преувеличенные данные о степени его оппозиционности.

Заключение прокурора Московской судебной палаты Н.П.Постникова по делу Союзного совета было готово к концу января 1896 г. Он предложил сослать Милюкова на 3 года в одну из восточных губерний Европейской России. Среди возможных мест высылки называлась Вологодская губерния. Министерство юстиции в середине марта 1896 г. высказалось за ссылку в Уфимскую губернию на 3 года под гласный надзор полиции. Представленные Милюковым в апреле оправдания никак не повлияли на приговор. Помня о заинтересованности Делянова в этом деле, Муравьев в июле 1896 г. сообщил ему о предполагаемой участи Милюкова. Делянов в конфиденциальной записке Муравьеву от 8 октября указал на то, что нет надобности ссылать Милюкова в Уфу, т.к. рязанская и московская полиция смогут лучше проследить его контакты. Данное замечание Делянова сыграло известную роль в окончательном приговоре. В результате дело разрешилось 6 ноября 1896 г. в административном порядке. Милюков был приговорен к двум годам гласного надзора вне столиц и университетских городов.⁹⁸

Пока судьба Милюкова решалась в высших сферах, он на свой страх и риск подписал контракт с болгарским министерством народного просвещения

щения. Контракт составлен в Софии и датирован 24 апреля 1896 г. Текст, видимо, был согласован до этой даты, а реально Милуков мог подписать контракт в России в конце апреля 1896 г. В контракте оговаривалось, что Милуков начинает читать 4 часа лекций и вести 2 часа практических занятий по всеобщей истории каждую неделю в Высшем училище с 1 сентября 1896 г. Контракт заключался сроком на 5 лет при ежегодном окладе в 12000 левов с ежемесячной выплатой в 1000 левов. Первые два года Милуков должен был дополнительно преподавать по 2 часа славянской истории в неделю, за что получал еще 3000 левов в год. Милуков освобождался от всех налогов, которые собирались в Болгарии с государственных служащих. Отдельно оговаривалась возможность досрочного расторжения контракта как со стороны Милукова, так и со стороны министерства народного просвещения. Милуков мог отказаться от должности до истечения положенного срока, но должен был известить об этом работодателя за год. Если же министерство почему-либо отказывалось от услуг Милукова до конца контракта, то он в виде компенсации получал жалованье за 1 год, т.е. 12000 левов. В контракте не оговаривалось, на каком языке Милуков должен был читать лекции. Почти сразу по заключении контракта министерство сообщило ректору Высшего училища его условия, а также попросило ознакомить Милукова со всеми документами, регламентирующими преподавание в училище, и другими необходимыми требованиями.

Милуков, несмотря на подписанный контракт, хорошо понимал, что выпустят его только с разрешения Санкт-Петербурга. Такое неопределенное состояние Милукова повлияло на то, что весной-летом 1896 года он с большой охотой отдался занятиям в местной архивной комиссии, работе над своими собственными сочинениями и совершенно оставил попытку подготовить лекционный курс для училища. В письме к М.М.Богословскому (май-июнь 1896 г.), Милуков сетовал на загруженность работой, которая не давала возможности подготовить курс лекций для Болгарии. Нерешенность дела, по которому он проходил как обвиняемый, стала причиной того, что ему пришлось сообщить в болгарское министерство о невозможности начать чтение лекций с осеннего семестра, как это было оговорено в контракте. Милуков все же надеялся уехать, почему и оттягивал до последнего отправку этого послания. Свидетельство тому — письмо министерства ректору Высшего училища, датированное 10 октября 1896 г., т.е. после начала занятий, с сообщением о невозможности для Милукова приехать и переносе его лекций на следующий семестр.⁹⁹

О решении своей участи Милуков узнал через две недели после приговора — 20 ноября 1896 г. По сравнению с первоначальным проектом, срок ссылки был сокращен на год, а место ее Милукову разрешалось избрать самому. И он вновь выбрал Рязань. Теперь условия его проживания в Рязани должны были измениться. Если ранее он мог выезжать из губернии, то теперь обязан был дать подписку «о неотлучке из г. Рязани».¹⁰⁰ Но надолго в Рязани Милуков оставаться не собирался.

Милуков был осведомлен, что сообщение о приговоре должно вот-вот прийти, и планировал после объявления ему воли верховной власти сразу подать прошение о разрешении принять болгарское предложение, после чего намеревался попасть в Санкт-Петербург, а оттуда — в Москву. Получив точные данные о своей судьбе, Милуков 24 ноября подал прошение на имя министра внутренних дел И.Л.Горемыкина, где просил разрешить ему выехать в Болгарию для занятия предложенной кафедры по семейному и материальному положению. Исходя из сообщений своих влиятельных друзей и покровителей, он был практически уверен, что на его прошение о выезде последует благоприятный ответ. В столицу выехала его жена, встретившаяся с Горемыкиным, который непременно условием разрешения на выезд назвал подписку историка о неучастии в русских политических делах за границей. 18 декабря Милуков такую подписку дал. После этого ни МВД, ни министерство юстиции не видели препятствий к его отъезду. По всеподданнейшему докладу Горемыкина 23 января 1897 г. царь разрешил Милукову выезд за границу на два года. Милуков увидел это разрешение только 1 февраля. Поездка в Санкт-Петербург отпадала сама собой, а вот от мысли побыть несколько дней в Москве он не отказался. 1 февраля он послал телеграмму генерал-губернатору с просьбой разрешить приехать в Москву на несколько дней для подготовки курса лекций и улаживания некоторых дел. Сергей Александрович переадресовал прошение в МВД, откуда 4 февраля ответили отказом. Милукову разрешили находиться в Москве только между прибытием одного и отправлением другого поезда.¹⁰¹

Последние дни своего пребывания в Рязани Милуков посвятил сборам в дорогу, писанию массы писем друзьям, с которыми ему не удавалось проститься (известны его послания к М.А.Дьяконову, В.Г.Короленко, Г.А.Мачтету, В.А.Мякотину, С.Ф.Платонову, П.С.Уваровой), и участию в нескольких торжественных мероприятиях, организованных в его честь. 5 февраля 1897 г. на последнем для Милукова заседании Рязанской ученой архивной комиссии ее члены устроили ему прощальный вечер. На следующий день состоялось прощание Милукова с членами квартета. 7 февраля состоялся обед в его честь, на котором присутствовали 17 человек самых близких друзей. Один из участников — С.Д.Яхонтов охарактеризовал Милукова в своем дневнике следующим образом: «Человек даровитый и очень симпатичный». Наконец 8 февраля состоялся бал, устроенный в честь Милукова земским гласным А.К.Дворжаком и дочерью рязанского купца Е.А.Сливковой. В этот же день рязанский губернатор Н.С.Брянчанинов выдал Милукову заграничный паспорт сроком на 6 месяцев. Один из знакомых Милукова, А.К.Энгельмейер, напечатал сообщение о прощальных вечерах, прошедших «в весьма интимной и сердечной форме», в петербургской газете «Русь». 9 февраля 1897 г. Милуков уехал из Рязани. На вокзале его провожали 22 человека.

В тот же день Милуков прибыл в Москву, где успел встретиться с некоторыми знакомыми (например, с В.Н.Сторожевым). По некоторым косвенным данным можно предположить, что поезд, которым Милуков

должен был отправиться за границу, ушел 10 февраля. Ученый отбыл в Софию через Вену. Здесь он остановился ненадолго и 13 февраля посетил учебные курсы, созданные в подражание английскому движению за распространение университетского образования. Историк написал небольшую заметку об этом для «Русских ведомостей». Из Вены Милюков отправился в Софию, куда прибыл, по данным полковника А.И.Будзиловича, 15-16 февраля. Более точную дату Будзиловичу (агентурное имя Грабо), чья резиденция находилась в Бухаресте, установить не удалось. Милюков прибыл в Софию как раз вовремя, — 16 февраля начинался новый семестр в Высшем училище.¹⁰²

Однако, прежде чем обратиться к болгарскому периоду биографии Милюкова, следует рассмотреть еще одну страницу его жизни в Рязани — его участие в работе Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК). Уже вскоре по прибытии в Рязань, 11 марта 1895 г., он написал В.А.Гольцеву, что обнаружил в городе две «более или менее сносных библиотеки» — «в клубе и в архивной комиссии». «Следовательно, — сообщал о своих намерениях историк, — принимаю меры чтобы сделаться и там, и тут членом». Членом РУАК ему помогли стать два знакомых деятеля комиссии — В.А.Шефферлинг и В.С.Праотцев.

12 апреля 1895 г. Милюков впервые присутствовал на заседании комиссии, где Шефферлинг и Праотцев предложили избрать ученого действительным членом РУАК. 19 апреля избрание было единогласно утверждено. На этом заседании Милюков отсутствовал, зато на следующем, 10 мая, в благодарность за избрание подарил комиссии две свои книги — «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» и «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства».

После его избрания в 1895 г. состоялось 10 заседаний РУАК, Милюков присутствовал на семи из них. В 1896 г. он посетил 15 заседаний из 17. В 1897 г. до его отъезда состоялось 2 заседания, и он был на обоих.¹⁰³

Но столь высокие показатели посещаемости заседаний комиссии в 1895 г. не должны вводить в заблуждение. Деятельность Милюкова в РУАК распадается на два почти равных по продолжительности периода: а) с апреля 1895 по февраль 1896 г.; б) с февраля 1896 г. по февраль 1897 г.

В первый период Милюкову требовался доступ к книжному собранию РУАК, столь необходимый ему для работы над «Очерками по истории русской культуры». Милюков прямо указывал в письме В.И.Семевскому, что без библиотек качество «Очерков» обязательно ухудшится. Милюков также надеялся получить на адрес РУАК рукопись из собрания графа А.С.Уварова. Она была ему нужна для подготовки к публикации «Тысячной книги», печатание которой вместе с «Тетрадью дворовой» готовилось в «Записках» Русского археологического общества. Обе поставленные задачи были им решены успешно. Как член комиссии Милюков беспрепятственно пользовался книгами из библиотеки. На адрес комиссии для Милюкова в начале июня 1895 г. пришла рукопись № 812 собрания А.С.Уварова из Исторического музея, посланная председательницей МАО,

графиней П.С.Уваровой. (В феврале 1897 г. РУАК вернула данную рукопись в МАО). Помимо этого, Милюков выступил на заседании комиссии 3 августа 1895 г. с замечаниями на доклад А.И.Черепнина о доисторическом прошлом Рязанского края. Доклад был предназначен для предстоявших в сентябре 1895 г. торжеств по случаю празднования 800-летия Рязани.¹⁰⁴

Подобный характер деятельности Милюкова в комиссии объясняется тем, что историк воспринимал свое пребывание в Рязани как временное. Он был занят подготовкой первой части «Очерков» к выходу отдельным изданием, работой над второй частью «Очерков», подготовкой обзора для журнала «The Athenaeum» и популярных статей для «Русских ведомостей», с которыми он начал регулярно сотрудничать с июля 1895 г. Известие о болгарском приглашении тоже не располагало к активной работе в комиссии.

Зато когда после поездки А.С.Милюковой (конец февраля 1896 г.) в столицу для выяснения судьбы мужа стало понятно, что к весеннему семестру 1896 г. Милюков не попадет в Софию, историк с головой ушел в работы архивной комиссии. Теперь он твердо знал, что на ближайшие полгода Рязань останется для него местом ожидания приговора по делу о Союзном совете. Деятельная натура ученого требовала реализации его научного потенциала, которая была возможна лишь в рамках комиссии.

Весьма вероятно, что весомую роль в вовлечении Милюкова в деятельность РУАК сыграл А.Д.Повалишин, чье избрание председателем комиссии произошло чуть раньше получения Милюковым неприятных известий. Всеми силами Повалишин стремился активизировать работу комиссии. Помимо привлечения молодых сил, он много сделал для финансирования РУАК, на научные исследования которой с 1896 г. стал жертвовать ежегодно по 2000 рублей. Это привело к тому, что у комиссии на рубеже веков был самый большой бюджет среди ей подобных. Результаты взаимодействия Повалишина и Милюкова оцениваются нынешними исследователями как показатель расцвета деятельности комиссии.

На годичном собрании комиссии 2 февраля 1896 г. Повалишин был избран председателем, а уже через заседание, 21 февраля, Милюков выступил с планом издания писцовых книг, древних актов и грамот Рязанского края. Этот план им был подготовлен по просьбе Повалишина. Последний еще в 1895 г. не скрывал своего желания осуществить постановление комиссии от 21 февраля 1890 года об издании древних актов, грамот и писцовых книг Рязанского края, инициатором которого был тогдашний правитель дел А.В.Селиванов. Данная инициатива завершилась ничем «за неимением денежных средств и сил, могущих руководить таким капитальным делом».

Повалишин активно взялся за дело и попросил к заседанию 21 февраля другого члена комиссии, И.В.Добролюбова, подготовить перечень монастырских грамот. На заседании был оглашен список из 260 грамот, и собрание постановило напечатать его в предполагаемом сборнике актов. Интересно, что добролюбовский список был зачитан и резолюция по нему принята до доклада Милюкова о программе по изданию древних документов.

Но вернемся к плану издания писцовых книг, древних актов и грамот Рязанского края, составленному Милуковым. Указав на два возможных способа издания материалов (по уездам и по хронологии), Милуков выступил в пользу последнего. Первым делом Милуков считал необходимым издать платежные книги конца XVI в., затем, минуя дозорные книги первых лет правления Михаила Федоровича, как характеризующие временное состояние края после Смуты, приступить к публикации писцовых книг 1620 — начала 1630-х гг., т.к. они сохранили свое значение в течение всего века. Издание платежных и писцовых книг Милуков рекомендовал поручить члену комиссии, служащему МАМЮ В.Н.Сторожеву. Относительно издания древних актов и грамот Милуков считал, что начать необходимо с выявления актов и составления описей. Для удобства Милуков предлагал разделить акты на 3 отдела: а) древнейшие (до 1613 г.); б) поместные и вотчинные XVII — начала XVIII в.; в) монастырские. Начинать печатание актов следовало, по мнению Милукова, с документов первого отдела. Для многочисленных документов второго отдела, прежде всего, необходимо было выработать принципы отбора и систему издания. Милуков предложил, чтобы комиссия взяла на себя работу по выявлению и описанию поместных и вотчинных актов из собственного архива и частных собраний. Опись монастырских актов согласился составить И.В.Добролюбов. (Позже Милуков предложил для сокращения размера издания исключать из документов XVII-XVIII в. постоянно встречающиеся общие формы).

Комиссия согласилась с планом и предложениями Милукова. Издание писцовых книг и актов было решено вести параллельно. Редакцию издания писцовых книг было решено поручить Сторожеву.¹⁰⁵

Для осуществления издания Милуков воспользовался личными знакомствами с московскими архивистами. Он пригласил на собрание 21 февраля В.Н.Сторожева, своего бывшего университетского слушателя и хорошего знакомого. Выслушав на заседании план издания, предложенный Милуковым, Сторожев согласился. Официально о его согласии взять на себя редакторство писцовых книг было объявлено на следующем заседании, 6 марта. Помимо этого, Сторожев для сборника актов просмотрел рукописи в собрании Д.П.Лебедева в Румянцевском музее. Единственным камнем преткновения стал вопрос о месте печатания. Сторожев выступал за Москву, т.к. это было удобнее ему, как редактору, и быстрее. Первоначально члены комиссии согласились вести печатание в одной из московских типографий и попросили представить смету расходов. Повалишин же хотел сэкономить на печатании и предпочитал Рязань. По этому вопросу Повалишин имел разговор с Милуковым. По-видимому, Милуков поддержал председателя. Выбор Рязани как места печатания «Писцовых книг Рязанского края» стали причиной того, что издание осталось неоконченным.

План издания древнейших актов предусматривал их выявление, в первую очередь, в крупнейшей коллекции «Грамоты Коллегии Экономии» МАМЮ. Милуков выступил за привлечение к этой работе архивиста

С.А.Шумакова и вместе с Черепниным на заседании 24 апреля предложил Шумакова в члены-сотрудники комиссии. Эта кандидатура была утверждена. У Шумакова требовавшийся обзор был почти готов, и уже в начале января 1897 г. он прислал его в комиссию. Вскоре обзор материалов из МАМЮ был напечатан в «Трудах». Но далее этого обзора дело не пошло. Ввиду недостатка средств печатание сборника актов пришлось отложить. Такая же судьба постигла и составление описи монастырских актов, начатое Добролюбовым. Им была опубликована лишь краткая опись документов Богословского монастыря XVII-XVIII вв.

Признанием заслуг Милукова перед комиссией на ниве археографии стало избрание его 6 марта 1896 г. вместе с А.И.Черепниным и С.Д.Яхонтовым (А.Д.Повалишина довыбрали 29 мая) делегатом на X археологический съезд в Риге. Избрание делегатом от комиссии давало Милукову возможность присутствовать на всероссийском мероприятии совершенно официально.¹⁰⁶

Одобренное комиссией предложение Милукова о выявлении документов в историческом архиве и составлении их описи нашло свое выражение в деятельности кружка, возникшего, видимо, в конце февраля 1896 года. В нем занимались 5 человек (А.Д.Повалишин, И.И.Проходцов, В.А.Шефферлинг, А.И.Черепнин, А.А.Грунау). Собрания кружка проходили каждое воскресенье и по праздничным дням в квартире Повалишина с 11 до 16 часов. Повалишину требовались опытные специалисты. Ведь не каждый же раз обращаться к столичным ученым для издания того или иного сборника документов в рамках намеченного проекта. Членами кружка под руководством Милукова была составлена опись платежных описей 1647-1725 гг., опубликованная на страницах «Трудов».¹⁰⁷

Не отставал от своих подопечных и руководитель кружка. Его работа по просмотру и описанию документов началась в феврале 1896 г. с бумаг Богословского монастыря. В феврале-марте того же года им были описаны древние грамоты, пожертвованные в комиссию ее членом Н.А.Кутуковым. В марте А.В.Селиванов передал для хранения в архив комиссии часть своего фамильного архива — 470 документов XVII в. В том же месяце они были осмотрены Милуковым. О результатах осмотра он доложил на заседании РУАК 3 апреля. Милуков отметил ряд интересных документов как в бытовом отношении, так и в историческом, которые необходимо было напечатать. В постановлении комиссии Милукову предлагалось выделить из бумаг Селиванова документы для напечатания в сборнике поместных актов, планировавшемся РУАК, и отдельно для публикации в «Трудах» комиссии. Это постановление так и не было выполнено. Только в 1910 году сам А.В.Селиванов начал публикацию материалов по истории собственного рода. Другим жертвователем был С.Н.Волков, подаривший в мае 1896 г. комиссии сундук с 6-ю пудами документов. Осмотром и описанием их Милуков был занят, видимо, в августе месяце. На заседании комиссии 4 сентября 1896 г. он доложил о результатах своих занятий. Милуков разобрал бумаги и составил опись 39-ти связок документов XVII-XIX вв. по имениям и по содержанию.

Составленная опись была помещена в протоколах комиссии. Летом 1896 года во время плавания по Оке Милюков был гостем в имении Баташевых, где ему удалось осмотреть их фамильный архив.

В «Трудах» комиссии за 1898 год была напечатана «Опись дел Рязанского исторического архива. Древние акты и грамоты», составителями которой значатся А.В.Селиванов и П.Н.Милюков. Судя по всему, работа была выполнена в течение 1896 г. Селиванов в это время служил в Омске и лишь раз, в сентябре-октябре 1896 г., приезжал в Рязань. Вряд ли он во время краткого посещения города занимался составлением описи. Видимо, Милюков продолжил составление описи древних документов, начатой еще Селивановым и напечатанной в «Трудах» комиссии за 1891-1892 гг. Вот почему, указаны два составителя.

Практически перед отъездом Милюков закончил составление описи древних документов в делах об утверждении в дворянстве из архива дворянского депутатского собрания, о чем доложил на последнем для себя заседании РУАК 5 февраля 1897 г. Несмотря на постановление о напечатании описи в «Трудах», она так никогда и не была опубликована.¹⁰⁸

Пожертвованные Повалишиным деньги позволяли расширить археологические раскопки и привлечь к ним как можно больше членов комиссии. С этой целью А.И.Черепнину было предложено прочесть несколько лекций о целях и методике раскопок. Лекции начались с 14 апреля 1896 г. и в дальнейшем проводились каждое воскресенье. Слушателем этих лекций стал и Милюков. Именно эти лекции и последующая практика позволили Милюкову овладеть методами археологических раскопок. Участие Милюкова 23 апреля 1896 г. совместно с А.И.Черепниным и А.А.Грунау в осмотре коллекции древних вещей умершего члена РУАК А.В.Антонова, видимо, также надо отнести к археологическому «ликбезу».¹⁰⁹

Теоретические познания Милюкову довелось применить на практике во время ширококомасштабных археологических раскопок весны-лета 1896 г., организованных комиссией. В этих раскопках под руководством А.И.Черепнина приняло участие 5 членов комиссии (А.А.Грунау, П.Н.Милюков, А.Д.Повалишин, В.С.Праотцев, И.И.Проходцов). Начались они 24 мая с исследования курганов в Зарайском уезде. Видимо, в начале июня Милюков вернулся в Рязань, с тем, чтобы 11 числа опять выехать на раскопки в Зарайский уезд. Перерыв в раскопках имел место в первой половине августа, когда Черепнин уезжал в Ригу на съезд. По его возвращении раскопки были продолжены.

В общей сложности в уезде было раскопано 34 кургана. После этого археологи переместились в Рязанский уезд, где исследовали 22 кургана. Кроме того, было раскопано 4 отдельных кургана в Рязанском и Спасском уездах. Всего за сезон было исследовано 60 курганов и обследовано 16 городищ. Данных об участии Милюкова в изучении конкретных курганов крайне мало. По-видимому, он участвовал в раскопках почти всех курганов. Точно известно, что Милюков единолично раскопал 3 кургана у д.Козловка Зарайского уезда. Совместно с Повалишиным им был раскопан 1 курган у д.Лужки Рязанского уезда, вместе с Проходцовым — 1

курган у д.Красильники Спасского уезда. Милюков и Проходцов планировали также исследовать могильник у с.Половского того же уезда, на земле князя Крапоткина. К сожалению, ни князя, ни управляющего имением не оказалось на месте, и раскопки пришлось отложить.¹¹⁰

Видимо, к середине июля 1896 г. археологи вернулись в Рязань, и тут перед комиссией встал вопрос о посылке делегатов на съезд. 27 июля, за 5 дней до начала съезда, Повалишин направил письмо губернатору, бывшему неперменным попечителем комиссии, с просьбой отпустить Милюкова на съезд в Ригу, т.к. он должен был сделать сообщение о раскопках 1896 года. Губернатор обратился с запросом в Департамент полиции, откуда ответили отказом. Причинами запрета было то, что дело о Милюкове еще не окончено, и ему воспрещены любые публичные чтения. Тогда Милюков послал на съезд реферат, основанный на результатах раскопок и посвященный заселению Рязанского края. По мнению Милюкова, раскопанные курганы принадлежали кривичам. Современная археология отвергает данные выводы и признает их принадлежность вятичам. (Надо сказать, что даже в Болгарии Милюкова занимал вопрос о происхождении рязанцев. Так, в письме Платонову от 4 мая 1897 г. он просил выслать работу А.А.Спицына, в которой тот «выводил» рязанцев от вятичей). 13 августа 1896 г. на заседании первого отделения «Древности первобытные» X археологического съезда Д.Н.Анучин зачитал реферат Милюкова. Сам Милюков прочел членам комиссии свой реферат 2 октября 1896 г. Позже милоковский реферат был опубликован в «Трудах» съезда, откуда с несколько измененным названием был перепечатан в «Трудах» комиссии.

Осенью 1896 г. вышел в свет очередной полумом «Энциклопедического словаря», в котором перу В.Н.Сторожева принадлежала статья о Милюкове. Автор заметки приписал руководство раскопками Павлу Николаевичу, но последний в письме в редакцию «Русских ведомостей» поспешил восстановить справедливость, указав на А.И.Черепнина как на истинного инициатора и руководителя археологических исследований в Рязанской губернии.¹¹¹

За два неполных года Милюков совместно с другими членами комиссии (А.И.Черепниным, А.Д.Повалишиным, А.Ф.Селивановым) рекомендовал к избранию 9 человек (А.А.Грунау, А.И.Гурьев, В.С.Малченко, В.А.Мартынов, М.А.Рубакин, С.А.Сементовский-Курилло, В.М.Флоринский, Е.А.Черепнина, С.А.Шумаков).

Музей комиссии обогатился византийской монетой X-XI вв., подаренной Милюковым, а библиотека — первой частью «Очерков по истории русской культуры». Под руководством Милюкова прошла переработка каталогов библиотеки. Вместе с ним в переработке участвовали библиотекарь В.С.Праотцев, и молодые члены комиссии А.Н.Покровский, М.П.Ижевский, И.М.Терентьев, П.А.Титков. Была принята новая классификация книг. Правда, после отъезда Милюкова и смерти Праотцева в сентябре 1897 г. новым библиотекарям пришлось потратить немало времени на проверку правильности распределения книг по рубрикам и занесения всех книг на карточки.

Помимо переработки каталога, Милюковым и Праотцевым в декабре 1896 года был составлен список отсутствующих в библиотеке изданий, которые требовалось докупить. Из запрашивавшихся 190 рублей собрание дало 130.

Милюкову доверили написание приветственной телеграммы от лица РУАК Русскому археологическому обществу, которое в конце 1896 г. праздновало свой полувековой юбилей. В делах комиссии сохранился черновик, написанный рукой Милюкова, с пометкой об отправке 15 декабря 1896 г.¹¹²

О научных изысканиях Милюкова в Рязани свидетельствует помещенная им в «Трудах» комиссии заметка «Когда “задворные люди” стали государственными тяглецами?», прочитанная в заседании РУАК 5 февраля 1897 года. Милюкову уже доводилось критиковать мнение В.О.Ключевского по этому вопросу, но в его предшествующих работах была велика доля догадки. Теперь же, основываясь на платежных отписках XVII века, извлеченных им из разобранных бумаг С.Н.Волкова, Милюков неопровержимо доказал, что превращение задворных людей в государственных тяглецов следует датировать 1678 годом, тогда как Ключевский относил это событие к 1711 г.¹¹³

Другой работой стал реферат «Владельцы населенных мест в нескольких уездах Рязанской губернии по первой ревизии (1722 г.)», прочтенный на заседании комиссии 18 декабря 1896 г. В основу реферата были положены данные «Алфавета на именныя книги пехотного Азовского полку...». Собрание постановило напечатать реферат, что и было сделано в виде предисловия к изданию вышеупомянутого «Алфавета», а позже был выпущен отдельный оттиск.¹¹⁴

Ценность исторических и археологических работ Милюкова в составе РУАК была признана практически сразу.¹¹⁵

На заседании РУАК 4 сентября 1896 г. А.И.Черепнин зачитал письмо А.Ф.Селиванова, в котором в члены комиссии предлагались А.С.Милюкова и академик А.А.Шахматов. Избрание означенных лиц было утверждено на заседании 2 октября. Анна Сергеевна участвовала в четырех заседаниях РУАК, но ничем особенным себя не проявила.¹¹⁶

После отъезда из Рязани Милюков некоторое время поддерживал связь с РУАК. Видимо, он включил комиссию в список для бесплатной рассылки своих трудов, т.к. в конце апреля 1897 г. на заседании РУАК было объявлено о получении второй части «Очерков» Милюкова. Комиссия высылала в Болгарию за свой счет новые выпуски «Трудов». В одном из них была напечатана поправка Милюкова к статье А.И.Черепнина о собрании древностей А.В.Антонова и исправлены опечатки в его собственной заметке о «задворных людях». Поправка Милюкова, датированная 10 июля 1897 г., была послана из Софии. Откликнулась комиссия и на 40-летие Милюкова. По постановлению собрания от 17 марта 1899 г. на подарок Милюкову было выделено 136 рублей. Видимо, по соображениям безопасности это постановление не было отражено в протоколах заседания, а известно лишь из бюджета комиссии на 1899 год. Наконец, по возвращении Милюкова в Россию в мае 1900 года ему от РУАК было отправлено письмо, в котором высоко оценивались заслуги ученого как перед наукой, так и в развитии деятельности комиссии. К письму прила-

галась особая посылка, содержащая «близкое подобие тех древностей, которые при Вашем участии были извлечены из недр земли Рязанского края». Милюков поблагодарил за подарок в ответном письме.

Не забывали члены комиссии и Анну Сергеевну. Так, весной 1899 года В.С.Малченко предлагал ей по возвращении в Россию прочесть в Рязани публичную лекцию о Болгарии. Но этот проект так и остался проектом.¹¹⁷

В целом, Милюков провел в Рязани два плодотворных года. Здесь им были подготовлены к отдельному изданию первая часть «Очерков по истории русской культуры» и «Главные течения русской исторической мысли». В Рязани Милюков продолжил работу над вторым выпуском «Очерков», появившимся на страницах «Мира Божьего», а уже в начале февраля 1897 г. — отдельным изданием.

Отъезд Милюкова из Рязани прервал его работу над «Очерками по истории русской культуры» и роковым образом сказался на судьбе «Главных течений». Еще 23 августа 1896 г. Милюков писал В.А.Гольцеву: «Относительно историографии мой план был таков: если мне удастся уехать в Софию, издать напечатанное теперь же, первым томом. Если не пустят, продолжать “Историографию” со следующего года, окончив 2-й выпуск “Очерков”». А в декабре 1896 г. он сообщал тому же адресату: «Как я тебе уже писал прежде, я решаюсь издать отпечатанные 20 листов — первым томом». В январе — начале февраля 1897 г. Милюков интенсивно правил корректуру, надеясь, что книга успеет выйти до его отъезда в Болгарию. Но первый и единственный том «Главных течений» вышел вскоре после отъезда Милюкова, в конце февраля 1897 г.¹¹⁸ Возобновить работу над этой книгой Милюкову так и не удалось.

Два года прошли вдали от привычной московской атмосферы, но, по собственному признанию Милюкова, ему требовалось это одиночество.¹¹⁹ Однако Милюков не был в полной изоляции: его посещали знакомые и ученики, он вел обширную переписку, вокруг него группировались прогрессивные рязанские деятели. В Рязани Милюков общался с представителями революционной демократии и, возможно, понял, что ему с ними не по пути. Но неприятие Милюковым их целей еще не означало отказа от сотрудничества с радикалами, что показали дальнейшие события.

Связи, завязавшиеся в Рязани, давали о себе знать. Со многими рязанскими знакомыми у четы Милюковых до 1917 г. включительно поддерживалась нерегулярная переписка (А.А.Грунау, А.В.Елагиним, Н.С.Корвин-Круковским, В.С.Малченко, Н.И.Родзевичем, А.В.Селивановым). Милюкова в Рязани многие жители помнили хорошо и в 1910-е года. По странному стечению обстоятельств последним пристанищем близкого друга Милюкова Н.Н.Шамонина стала Рязань. Здесь он с 1912 по 1917 г. возглавлял I мужскую гимназию.¹²⁰

в) Болгария и Македония (1897-1899)

Уезжая из России, Милюков не терял надежды в скором времени побывать на родине. Он оптимистично писал многим друзьям, что летом,

после окончания семестра, попробует приехать в Россию, в Москву и Санкт-Петербург. С целью выхлопотать мужу право приезда в Россию 19 марта 1897 г. его жена побывала в Департаменте полиции, где ей было заявлено, что если Милюкову нужно будет посетить страну, то он должен подать специальное прошение. А.С.Милюкова не сразу поехала в Болгарию, а осталась ждать сведений от мужа о наличии необходимых книг в Софии, чтобы не брать с собой всю милюковскую библиотеку. Видимо, в конце марта — начале апреля 1897 г. Анна Сергеевна вместе с двумя детьми приехала в Болгарию. П.Н.Милюков по приезде в Софию остановился в гостинице, а в начале марта снял квартиру по ул. Раковски, д.88. В мае-июне 1897 г. за 16000 франков Милюков купил дом № 40 на углу Сан-Стефанской и Регентской улиц.¹²¹

За границей полицейское наблюдение за Милюковым не прекратилось. Он еще не успел уехать из Рязани, а директор Департамента полиции С.Э.Зволянский уже сообщил полковнику А.И.Будзиловичу о скором приезде Милюкова и потребовал установить за его контактами (особенно с эмигрантами) самое тщательное наблюдение. Будзилович поручил это дело агенту А.М.Вейсману (Вайсману). Тот жил в Софии, где владел небольшой комиссионной конторой. Уже с конца февраля 1897 года в Департамент полиции стали поступать донесения обо всех контактах Милюкова с русскими эмигрантами, а также некоторые перлюстрированные письма.

Приехав в Софию, Милюков постепенно начал заводить знакомства в местном обществе. Среди его первых знакомых были русские эмигранты - вышеупомянутый Минцес и народник И.Н.Кашинцев, который под фамилией Калина работал заместителем директора Народной библиотеки и жил недалеко от Милюковых. Завязались у ученого отношения и с бывшим народником, болгаринном по происхождению, Г.М.Баламезом. Постепенно Милюковы стали знакомиться с болгарскими учеными и политическими деятелями и их семьями. Из преподавателей Высшего училища наиболее тесные отношения у Милюковых сложились с И.Д.Шишмановым, женатым на дочери М.П.Драгоманова, Лидии. Милюков в своих мемуарах называет и других профессоров и доцентов училища, с которыми довольно быстро сошелся: И.А.Георгов (философия и педагогика), Л.Г.Милетич (славянская филология), Д.Д.Агура (всеобщая история), В.Н.Златарски (болгарская история). Они приняли Милюкова дружелюбно, во всем старались помочь ему. Из переписки Милюкова известно и о деловых контактах с доцентом училища, преподававшим греческую и римскую археологию, директором Народного археологического музея (1893-1910 гг.) В.Добруским, вместе с которым ученый планировал провести в Болгарии раскопки.¹²²

В первой половине 1890-х гг. в России о Болгарии знали крайне мало. В период диктатуры С.Стамболова отношения между двумя странами были разорваны. Как свидетельствует журналист А.В.Амфитеатров, русские дипломаты накануне восстановления отношений в 1894 г. говорили, что больше знают о какой-нибудь африканской стране, чем о Болгарии.

То же самое могли сказать русские археологи. Поэтому председательница Московского археологического общества графиня П.С.Уварова попросила Милюкова дать краткое описание состояния археологии и архивов в Болгарии. Милюков был обязан многим своей благодетельнице, и потому не смог отказать в ее просьбе. После ознакомления с состоянием археологии и архивного дела в стране Милюков пришел к неутешительному выводу: ни того, ни другого «почти совсем не существует». В письме к П.С.Уваровой от 18 января 1898 г. он кратко описал все имеющиеся центры болгарской археологии. Небольшой музей при Высшем училище мог похвастаться некоторыми ценными экспонатами, но все они относились к классическим древностям. Последние иногда попадались как случайные находки. К вывозу из страны они были запрещены и поэтому скупались только дипломатами. Доисторическая археология в Болгарии была представлена скудно, и в Народном археологическом музее почти отсутствовала. «Варварские» древности совсем не изучались. Милюков считал, что археологическое изучение Балканского полуострова позволит решить проблему бронзового века. Болгарское же правительство крайне неприязненно, по мнению ученого, смотрело на траты, связанные с раскопками. Параллельно с описанием архивов и археологии Милюков предложил Уваровой помочь с приобретением украшений и монет в Софии, а также с налаживанием обмена дубликатами монет с местным археологическим музеем.

Естественно, что имевший археологический опыт Милюков живо откликнулся на возможность провести раскопки в Болгарии, стране практически не изученной. По-видимому, инициатором раскопок был Добруский. В процессе общения у двух ученых оформился проект совместных раскопок, которые были запланированы на лето 1898 года. Их результаты предполагалось представить на созывавшийся в 1899 г. в Киеве XI археологический съезд. По-видимому, общие контуры проекта были намечены уже к лету 1897 г. Но последующие события поставили крест на данном проекте. Правда, Милюкову удалось все-таки внести свой, хоть и небольшой, вклад в археологическое изучение Болгарии. Судя по всему, Милюков исполнял роль посредника между Добруским и Ф.И.Успенским, когда последний запланировал раскопки в Болгарии.¹²³

Через Шишманова Милюков познакомился с местными политиками, членами Демократической партии, группировавшимися вокруг ее первого председателя П.С.Каравелова и его жены, участницы женского движения в Болгарии, Е.В.Каравеловой — А.А.Гиргиновым, А.Т.Ляпчевым, А.П.Малиновым, Н.С.Мушановым, Н.Т.Цановым. К сожалению, отсутствие материалов не позволяет подробнее проследить конкретные контакты Милюкова с болгарскими политиками и возможные взаимовлияния. Реально можно говорить только о том, что благодаря Каравелову Милюков в 1898 году в Константинополе познакомился с экзархом болгарским Иосифом и имел с ним беседу.¹²⁴

Не осталась семья Милюковых в стороне от культурной жизни болгарской столицы. Почти еженедельно они посещали клуб художников,

где принимали участие в любительских квартетах. Супруги участвовали, по крайней мере, в одном из местных концертов. Иногда музыканты собирались у Милюковых дома. Известно об участии в таких квартетах супругов Шишмановых, композитора Д.Пака. Члены этого квартета изображены на фотографии, воспроизведенной к 70-летию Милюкова в газете «La Bulgarie». Видимо, в клубе Милюковы познакомились с художником Л.Биненбаумом, с которым позже установилась переписка. Бывали супруги и в местном женском обществе «Майка», председательницей которого была Е.В.Каравелова.

Хуже сложились отношения Анны Сергеевны Милюковой с русскими женщинами, жившими в Софии. Как человек крайне прямолинейный, она предпочла полное отсутствие контактов неинтересным знакомствам. В ее многочисленных письмах из Болгарии постоянной корреспондентке Н.Е.Вернадской красной нитью проходит мысль о вредном влиянии «болгарского духа» на местных русских женщин, которые стали черствы, эгоистичны и корыстны. В письмах Милюковой много указаний на то, что супруги не акклиматизировались в болгарском обществе. Но отсутствие других источников, характеризующих состояние П.Н.Милюкова, не позволяет распространить настроения его жены на него самого.¹²⁵

Милюков старался не терять связи с Россией и друзьями. Видимо, накануне отъезда в Болгарию с Милюковым связался кто-то из членов редакции журнала «Жизнь Юга». Милюков согласился участвовать в журнале на 1897 год, после чего его фамилия появилась в списке сотрудников данного издания в рекламном объявлении в «Русской мысли». Но по неизвестным причинам участие Милюкова не состоялось. Возможно, причиной тому была быстрая ликвидация всего предприятия. Успело выйти лишь два номера журнала. По каким-то иным причинам не состоялось сотрудничество Милюкова в «Вятской газете». В феврале 1898 г. С.П.Дренцов, знавший историка ранее, предложил Милюкову и И.Н.Кашинцеву участие в ней. При этом Дренцов соблазнял ученого тем, что его фельетоны по истории могут быть одновременно выпущены отдельным изданием. Но и в этом случае Милюков так ничего и не опубликовал на страницах «Вятской газеты». (Кстати, письмо Дренцова было перлюстрировано, и в Департаменте полиции не только попытались собрать сведения об авторе послания, но и приказали установить надзор за газетой, на случай, если Милюков решит там что-то опубликовать).

Когда русский славист М.Н.Сперанский летом 1897 года приехал для занятий в Белград, откуда собирался проехать в Софию, то Милюков предложил ему поселиться в своем доме. Возможно, летом 1897 г. Милюкову удалось увидеться со Сперанским. В марте 1899 г. Милюков встречался с приехавшим в Софию П.В.Безобразовым. Помимо русских ученых, Милюков встречался с иностранными коллегами. Так, в 1898 г. у Шишманова он познакомился с Л.Винером (1862-1939), преподавателем Гарвардского университета (США).¹²⁶

Несмотря на подписку о неучастии в русских политических делах за границей, Милюкову не удалось полностью избежать этого. О его приезд-

де русские эмигранты узнали достаточно рано. Фраза из письма В.Л.Бурцева И.Н.Кашинцеву (январь 1897 г.) — «у вас появится скоро симпатичный другой профессор. Познакомьтесь. Я о Вас ему напишу сейчас же, как он мне напишет после проезда границы» — по мнению Будзиловича, относилась к Милюкову, хотя некоторые детали заставляют нас сомневаться в подобном отождествлении. По сведениям, полученным Будзиловичем, Милюков 7 мая 1897 г. дал Кашинцеву 100 франков для отправки в Фонд Вольной русской прессы на поддержку дела. Завязалась у Милюкова и переписка с секретарем Фонда Л.Б.Гольденбергом, правда, по вопросам издания сочинений самого Милюкова. Дело в том, что для поддержания типографии Фонда на плаву в ней печаталась разнообразная книжная продукция по достаточно низким ценам. Гольденберг также соблазнял Милюкова, но, видимо, тщетно, принять участие в составлении стальных карт и в общей редакции атласа по русской истории, печатавшегося в типографии Фонда. Вероятно, Милюков связался с Гольденбергом через Кашинцева, который еще в 1892 году заочно познакомился с секретарем Фонда и позже поддерживал с ним постоянные связи. Опальный профессор-эмигрант — А.А.Исаев — сообщил о Милюкове известному народнику Н.В.Чайковскому, жившему в Лондоне. Последний 15 июля 1897 г. послал письмо Милюкову с предложением тайного сотрудничества в «Летучих листках» Фонда Вольной русской прессы. Через Кашинцева Милюков получил несколько экземпляров «Листков», посланных Чайковским. Милюков в ответном письме Чайковскому отказался от сотрудничества. Сохранилось донесение одного из агентов А.И.Будзиловича, в котором Милюков подозревается в финансировании издания эмигрантского революционного журнала «Накануне». Сведения явно недостоверные, но очень показательные для характеристики представления, складывавшегося у властей о Милюкове.

Вообще Милюков с самого начала пребывания в Болгарии сблизился с наиболее активными политическими эмигрантами на Балканах, которые свою основную задачу видели в сборе денег для Фонда и распространении нелегальных изданий.¹²⁷

Как признавался сам Милюков, своего курса для Высшего училища он приготовить не успел. Поэтому он решил начать чтение лекций с очерка философско-исторических систем, в некоторой степени подготовленного его историографическими занятиями. Этот очерк он рассматривал как введение в будущие общие курсы. В письме М.А.Дьяконову Милюков ссылаясь на мнение одного болгарского профессора (Минцеса?), который писал ему, что его «будущие студенты любят больше цветочки, чем ягоды». Для следующего семестра Милюков предполагал уже серьезно подготовиться либо в Париже, либо в Лондоне.

Как свидетельствует сам Милюков, его первая лекция прошла 27 февраля 1897 г. Он несколько волновался, т.к. два года не выступал перед университетской аудиторией. Первую лекцию Милюков посвятил памяти своего предшественника М.П.Драгоманова, собственными воспоминаниями о котором поделился со студентами. Затем лектор предложил слу-

шателям развернутый очерк развития общих взглядов на историю (от древних греков до конца XIX века включительно). Милюков читал лекции на русском языке, и, как писал в мемуарах, это его очень стесняло, т.к. он не знал, насколько его лекции понятны слушателям.

Практические занятия по истории и филологии в училище были введены в начале апреля 1897 г. О практических занятиях Милюкова со студентами по всеобщей истории известно лишь из его мемуаров. Библиотека училища была бедна пособиями, а учащиеся почти не знали иностранных языков. Милюков предложил темы для сообщений, и было подготовлено несколько рефератов, причем разбор происходил на двух языках — студентки говорили на болгарском, а Милюков — по-русски.

Курс славянской истории Милюков посвятил России. Ученый предполагал дать не догматическое, а критическое изложение материала. Причинами такой постановки курса Милюков называл неудовлетворительное состояние литературы и потребности университетского преподавания. Последнее не требовало от студентов стать специалистами по русской истории, но проникнуть хоть раз в мастерскую историка, по мнению Милюкова, было просто необходимо. Милюков начал с общего очерка развития русской исторической науки, который довел практически до конца XIX в. Он основывался на собственном курсе лекций по историографии, читанном в течение ряда лет в Московском университете. После историографического экскурса Милюков перешел к древнейшему периоду русской истории, в изложении которого основное внимание он уделил археологии, этнографии и антропологии народов, населявших Россию.

Судя по отзывам болгар, лекции сделали Милюкова популярным в местном обществе. На них приходили студенты с других факультетов, любпытствующие и даже преподаватели училища (например, Шишманов). Была предпринята попытка разрешить болгарским женщинам посещать лекции Милюкова. По многочисленным свидетельствам, помимо увлекательного изложения, в милюковских лекциях слушателей привлекала эрудиция и мастерский анализ лектора. В мае 1897 г. Милюков по просьбе Шишманова передал ему свою первую лекцию по философско-историческим системам для напечатания в журнале «Български преглед», ответственным редактором которого был Шишманов. Последний в статье в «Русских ведомостях» (1913 г.) писал, что разбросанные по Болгарии и Македонии ученики Драгоманова и Милюкова до сих пор с благодарностью вспоминают своих учителей.¹²⁸

Когда П.Н.Милюков приехал в Болгарию, русским дипломатическим агентом в Софии был Н.В.Чарыков, дальний родственник писателя Н.Г.Гарина-Михайловского. Отношения Милюкова с агентством сложились вполне дружелюбные. Возможно, что Милюков, живший по ул. Раковски, д.88, заходил в агентство, находившееся на той же улице (д.123). Но подобная идиллия была очень быстро нарушена. 25 марта 1897 года в Софию пришло письмо из российского МИД о назначении Чарыкова на другой пост. Через четыре дня он вручил князю Фердинанду свое отзывное письмо и вскоре отбыл из Софии. На смену ему ехал Ю.П.Бахметев

(1846-1928), получивший должность дипломатического агента по протекции. По одним сведениям, он был обязан своим назначением греческой королеве Ольге, знавшей Бахметева по службе в афинском агентстве, по другим — министру иностранных дел М.Н.Муравьеву, который был хорошо знаком с отцом Юрия Петровича. Основным лейтмотивом инструкции для Бахметева было невмешательство России в болгарские внутренние дела. О том же с ним беседовал Николай П. Новый русский агент произвел хорошее впечатление на болгарского посла в России Д.И.Станчова, и последний в замене Чарыкова Бахметевым не видел ничего угрожающего для отношений между двумя странами.

15 апреля 1897 г. в Софии произошло событие, о котором Милюков узнал постфактум из газет. На площади «Славейков» состоялся митинг, посвященный македонскому вопросу. На митинге среди прозвучавших были две речи с ярко выраженной антирусской направленностью (Г.Кирков, И.Стоинов). Первый оратор был сотрудником газеты «Социалист», второй — студентом Высшего училища. После митинга русские дипломаты оказались крайне встревоженными. Секретарь агентства П.С.Боткин (1861-1933), управлявший им до приезда Бахметева, беседовал по этому поводу с министром-председателем К.С.Стоиловым и выразил надежду, что впредь в подобных мероприятиях студенты не будут принимать участия. Русофилы всех мастей называли преподавателей учебных заведений ответственными за привитие молодежи стамболовского духа. Не смея обвинять болгарских учителей, русофилы набросились на двух русских профессоров - историка П.Н.Милюкова и физика П.И.Бахметьева. В своем дневнике тогдашний министр народного просвещения Величков называл одного из служивших при посольстве — Вайлера (возможно, это измененная фамилия Вейсмана), — который особенно рьяно намекал на связь митинга с прибытием нового преподавателя в Высшее училище. Дабы отвести подозрения от Милюкова, министр финансов И.Е.Гешов посетил Боткина и с хорошей стороны охарактеризовал нового профессора. Тоже сделал и Величков, случайно встретивший Боткина на улице. Секретарь агентства согласился с Величковым, что не стоит придавать серьезного значения митингу, и, как передает Величков в своем дневнике, в том же духе написал в Санкт-Петербург. Но здесь министр ошибся.

П.С.Боткин в записке от 19 апреля 1897 г. сообщил о прошедшем в Софии митинге. Вслед за русофилами он обвинял в сохранении стамболовского духа в учебных заведениях систему образования, а главное — преподавателей. Среди неблагонадежных преподавателей Боткин указал на П.Н.Милюкова (секретарь ошибочно назвал его «Менюков»), недавно изгнанного из Московского университета, обосновавшегося в Высшем училище и читающего курс русской истории. «Можно себе представить, какую он читает русскую историю», — восклицал Боткин. И в конце записки он высказал мнение, что болгарскому правительству необходимо обратить серьезное внимание на систему образования в стране и особенно на преподавателей. Данное заключение пришлось по душе М.Н.Муравьеву, и уже через неделю после получения записки Боткина в

МИД было подготовлено письмо Бахметеву, в котором министерство высказывало свое неблагоприятное впечатление от положения дел в сфере болгарского образования. Основываясь исключительно на записке Боткина, МИД требовал обратить на это самое серьезное внимание, оговариваясь, впрочем, как и в инструкции Бахметеву, о нежелательности вмешательства во внутренние дела княжества.¹²⁹

19 мая 1897 г. Бахметев вручил князю Фердинанду верительное письмо. Его первым впечатлением было то, что болгары во всем стремятся угождать российскому правительству, «не упуская ни одного случая снискать его благоволение, — малейшее выражение которого было бы им в высшей степени дорого». Получив незадолго до этого указанное письмо из МИД, Бахметев воспринял его как руководство к действию, и вечером 19 мая на торжественном приеме в его честь он впервые поставил перед министром-председателем К.С.Стоиловым вопрос об увольнении из училища Милюкова и Бахметьева. Агент сообщил ему, что министр иностранных дел Муравьев предписал добиваться отставки этих двух профессоров за их прошлую деятельность и возможное вредное влияние на болгарскую молодежь. Бахметев сказал Стоилову, что он уже собрал сведения об их революционной деятельности в стране. 20 мая был созван министерский совет, на котором Стоилов рассказал о беседе с Бахметевым, присутствовавшим на заседании. Министры не сочли нужным рассматривать этот вопрос, который явно шел вразрез с заверениями русского правительства о невмешательстве во внутренние дела княжества. Но Бахметев так не думал. Он приложил все усилия, чтобы этот вопрос был решен в соответствии с его требованием. День 24 мая стал решающим в деле Милюкова. На 12 часов было назначено заседание министерского совета, а за час до этого Стоилова посетил Бахметев. Агент поинтересовался решением по делу об удалении двух преподавателей, после чего перешел к обыкновенному шантажу, увязав решение данного вопроса с российско-болгарскими отношениями в целом. Стоилов возразил, что это два разных вопроса, но агент остался при своем мнении. Стоилов сдался, и на заседании министерского совета еще раз был поставлен вопрос об отставке Милюкова и Бахметьева. Перед такой настойчивостью агента совет дрогнул.

Болгария лишь недавно восстановила нормальные отношения с Россией, и стараясь не потерять ценного союзника, правительство не смогло пойти наперекор требованию дипломатического агента. В этот же день Стоилов сообщил Бахметеву, что министерство народного просвещения уволит Милюкова и Бахметьева после окончания текущего семестра, т.к. их пока нечем заменить. Другой причиной отсрочки называлось нежелание вызывать студенческие волнения в училище. Письмо Стоилова пришло в тот момент, когда Бахметев собирался отправлять донесение в МИД о своем требовании отставки двух русских преподавателей. Сведения, на основании которых Бахметев обвинял Милюкова в неблагонадежности, показывают, что у агента не было достоверной информации. По данным Бахметева, Милюков был уволен из Московского университета за участие

в деле Ф.Ф.Эрисмана и в стачке фабричных рабочих. П.И.Бахметьев назывался нигилистом, который приехал в Болгарию без паспорта. Надуманность обвинений в отношении Милюкова была очевидна. Милюков уже несколько месяцев находился в рязанской ссылке, когда Эрисман был отрешен от должности в Московском университете летом 1895 года, а стачка вообще состоялась в мае 1896 г. Возможно, на требование об отставке историка из училища повлиял тот факт, что ни он, ни его жена не нанесли положенного визита вежливости Бахметеву после его прибытия в Софию. Сведения Ю.П.Бахметева о П.И.Бахметьеве также были неверны. Последний после переезда в страну из Швейцарии принял болгарское подданство, и по выяснению этого обстоятельства он был оставлен агентом в покое и беспрепятственно преподавал в училище до 1907 года.¹³⁰

Князь Фердинанд был недоволен действиями русского агента. Он считал, что подобный прецедент может пагубно сказаться на отношениях двух стран. По этому вопросу состоялась встреча Величкова с Бахметевым, в ходе которой выяснилось, что агент не собирается изменять своего требования. О состоявшемся решении болгары не спешили ставить Милюкова в известность. Сперва правительство попыталось замять начавшийся скандал. Болгарский посол в Санкт-Петербурге Д.И.Станчов получил указания узнать у высших чиновников МИД (М.Н.Муравьев, В.Н.Ламздорф) о возможности отмены уже состоявшегося постановления. Ответ, присланный Станчовым в начале июня 1897 г., был неутешительным. (Как выяснилось, положение осложнилось тем, что, по сведениям Станчова, Бахметев был человеком нервным, одно время даже лечился. Поэтому, отмена уже сделанного постановления для русского агента была бы не только своеобразным признанием непрофессионализма, но и намекала бы на его психическую неуравновешенность). В июле Величков послал к Стоилову письмо, в котором говорил, что данные действия Бахметева могут вызвать нежелательные последствия в отношениях между двумя странами. Письмо было составлено таким образом, что его можно было послать Станчову в Петербург для дальнейшей передачи Муравьеву. К сожалению, неизвестно, было ли подобное письмо представлено Муравьеву.

Величков нашел неожиданного союзника в лице Боткина. Последний, как писал министр, не симпатизировал своему начальнику и не скрывал досады, вызванной его действиями. Боткин сообщил Величкову, что в известном письме Муравьева давался лишь совет следить за постановкой дела образования в княжестве, но никаких конкретных имен не называлось и приказов требовать чьего-либо увольнения не было. Т.о. Бахметев дал телеграмме произвольное толкование. Боткин считал, что вопрос этот можно уладить и обещал сделать все зависящее от него. В разговоре Боткина с А.И.Будзиловичем первый заявил, что с согласия Бахметева оставление Милюкова на один год в училище вполне возможно, но такого согласия, как увидим, не последовало. Величкову казалось, что Боткин честный человек, который выполняет свой долг. Из вышеприведенных данных видно, что именно Боткин был инициатором кампании по преследованию Милюкова. Истинная причина интриг Боткина против Бах-

метева крылась, видимо, в том, что его инициативой в деле контроля над болгарским образованием воспользовался другой, которому и доставалась слава верного проводника русской политики в Болгарии.¹³¹

Милюков до конца июня 1897 г. ничего не подозревал о том, что его судьба уже решена. На 3 июля он наметил отъезд в Европу. В это время его коллега по Высшему училищу Д.Д.Агура сообщил историку, что положению историка угрожает опасность. В первых числах июля Милюков совершил визит к Величкову, который сообщил ученому о требовании русского агента. Министр попросил (потребовал?) на некоторое время заменить в университете русскую историю чешской. Милюкову, в контракте которого стояла «славянская история», пришлось уступить. Историк сообщил министру, что собирается сам посетить агента для выяснения недоразумений. После визита к агенту он собирался писать в Санкт-Петербург. Почти целую неделю Милюков не мог попасть на аудиенцию к Бахметеву. Наконец, 8 (?) июля между ними состоялся разговор, из которого выяснилось, что в агентстве не знали о высочайшем разрешении историку занять кафедру. Бахметев увидел всю шаткость своих обвинений и требований. О том, что Бахметев испугался своего рвения, свидетельствует первоначальный вариант черновика его письма в министерство. В нем он лишь кратко передает содержание разговора, упоминая, что Милюков собирается обратиться в МВД для выяснения своего положения перед МИД. Но, видимо решив, что лучшая оборона — это нападение, Бахметев тут же переписывает письмо, в котором настаивает на нежелательности изменения уже состоявшегося решения болгарского правительства, тем более что запрещение педагогической деятельности Милюкову в России — факт неоспоримый, и у болгар нет полной уверенности в его благонадежности. В тот же день (9 июля), Милюков, как и Бахметев, написал прошение в МВД, в котором показал, что в агентстве не знали о разрешении ему преподавать в училище, а о благонадежности судили лишь по факту увольнения из Московского университета. Милюков просил представить в МИД материалы для суждения по этому вопросу. По получении прошения Милюкова МВД запросило МИД, не было ли переписки с болгарскими властями по поводу Милюкова. На беду Милюкова, донесение Бахметева пришло в МИД раньше, чем запрос из МВД. МИД взял под защиту своего агента. Ввиду уже состоявшегося решения болгарского правительства МИД не считал возможным изменить требование Бахметева. МВД не сочло нужным вступать в конфликт с МИД. Первое не брало никаких обязательств в отношении Милюкова — и потому не было никаких оснований к пересмотру заявления Бахметева. МВД просило МИД сообщить Милюкову, что сохранение за ним кафедры не зависит от МВД. О таком решении вопроса было сообщено Бахметеву. По окончании переписки с МВД и.д. директора Азиатского департамента Н.Г.Гартвиг 25 августа 1897 г. доверительно сообщил Бахметеву, что департамент не берет на себя ответственность, и предоставляет агенту карт-бланш в решении дела Милюкова. Уверенности Бахметеву добавила встреча во второй половине июля в Софии с Будзиловичем, кото-

рый рассказал о контактах Милюкова с эмигрантами. Правда, полковник среди неблагонадежных поступков числил лишь редактирование речи Киркова и опасался, что Милюков, получив неустойку от болгарского правительства, «открыто перейдет в революционный лагерь». Бахметев согласился с доводами Будзиловича, но не посчитал возможным изменить уже состоявшееся требование. Видя настойчивость агента в данном деле, Будзилович решил предоставить судьбу вопроса о Милюкове компетенции Бахметева.¹³²

Уже в июле 1897 г. первые слухи об увольнении Милюкова дошли до России. Его друзья были сильно возмущены таким обращением правительства Стоилова с историком. Как писал В.А.Мякотин, «слишком уж дико выходит». Негодовали и болгарские знакомые и коллеги ученого.¹³³

После посещения Бахметева и отправки письма в МВД Милюков 12 июля отбыл из Софии. По сведениям А.И.Будзиловича, он намеревался посетить Галицию, Швейцарию, Россию, Францию, Англию. На основании сообщения Будзиловича Департамент полиции послал 2 августа циркулярное письмо главе заграничной агентуры П.И.Рачковскому об установлении надзора за связями Милюкова с русскими эмигрантами. Т.к. Милюков не подавал прошение в МВД о разрешении посетить Россию, то путь ему туда был заказан. В Галицию и Англию ввиду ограниченности времени историк не попал. По-видимому, сначала он поехал в Прагу, где намеревался собрать материал для нового курса по чешской истории. Там же состоялось знакомство Милюкова с чешским философом Т.Г.Масариком. Как отмечал Милюков, для него «концепция славянства» Масарика была откровением. Себя Милюков причислял к противникам славянофильства, отмечая, что он рисковал в «своем западническом отрицании национализма, потерять вообще вкус к славянскому общению». В Праге Милюков встречался и с археологом Й.Пичем, видимо, в связи с намечавшимися на лето 1898 г. раскопками в Болгарии. Кстати, Пич, как и Милюков, был членом Рязанской ученой архивной комиссии. Возможно, именно Пич познакомил Милюкова с книгой Л.Нидерле о происхождении славян, на которую русский ученый дал большую рецензию в «Этнографическом обозрении».

После этого Милюков отправился во Францию, куда прибыл в конце июля. Еще в Софии историк получил письмо от своего французского знакомого, филолога П.Буайе с приглашением приехать в Париж. Это совпадало и с его планами. Сюда он ехал для подготовки курса по истории средних веков. Темой лекций Милюков выбрал переход от падения Западной Римской империи к средним векам. Как вспоминал Милюков, этот период «представлял богатейший материал для социологических наблюдений между концом одного национального организма и началом другого». Милюков начал работу над курсом с посещения известного славяноведа Л.Леже, который снабдил его некоторыми книгами и дал полезные рекомендации. Подготовка курса шла в Национальной библиотеке и частично дома (квартиру историку предоставил старый знакомый Ж.Легра). Две трети дня Милюков работал, вечером у него бывали па-

рижские знакомые. Иногда Милюков посещал дом мецената и коллекционера И.И.Шукина, где собирался цвет русского Парижа: М.М.Ковалевский, Е.В. де Роберти, П.Пирлинг, П.Б.Струве, В.Э.Грабарь. Возможно, там же Милюков познакомился с известным собирателем А.Ф.Онегиным (Отто). Пообещав собрать болгарские статьи и книги об А.С.Пушкине и выслать ему, П.Н. обещания не выполнил. В начале августа, вероятно, произошла встреча Милюкова с русским этнографом и антропологом Ф.К.Волковым, незадолго перед этим ходатайствовавшим о занятии кафедры в Софийском Высшем училище. Несмотря на многочисленные контакты, Милюков чувствовал себя достаточно одиноко. В августе он на неделю ездил в Бруннен (Швейцария) к семье, жившей там с начала лета. А.С.Милюкова вместе с детьми оказалась в знакомой компании - недалеко жили Эрисманы, Умовы, Миклашевские. Всей семьей Милюковы совершили небольшую поездку в горы. Вернувшись в Париж Милюкову пришло приглашение от известной общественной деятельницы А.В.Гольштейн (1850-1937) посетить ее на вилле у моря и познакомиться. Но, видимо, Милюков не смог воспользоваться данным приглашением. В начале сентября к нему приехала семья. Оставшийся месяц было решено провести вместе в окрестностях Парижа, около Венсенского парка. В это время, видимо, состоялось знакомство четы Милюковых и А.В.Гольштейн. Последняя даже помогла им в приобретении рояля. Милюков предполагал уехать из Парижа 26-28 сентября.¹³⁴

1 октября Милюков без семьи, оставшейся в Париже, вернулся в Софию. В это время в болгарском правительстве произошла одна перестановка. В августе Величкова на посту министра народного просвещения сменил И.Вазов. Бахметев данное перемещение оценил положительно, т.к. Величков, по его мнению, распустил молодежь, отрицательно действовал на учителей, поддерживал в них либеральный дух, что привело дело образования в Болгарии в неудовлетворительное состояние. После изменения состава кабинета Бахметев не замедлил посетить нового министра и потребовать отставки Милюкова. По сведениям Милюкова, осенью 1897 года Бахметев трижды повторил требование отставки историка. Вазов отставку пообещал, но сопровождал это рядом оговорок.

Милюков начал новый семестр без каких бы то ни было трудностей. По должности он стал членом Академического Совета училища, заседания которого посещал регулярно. Совет избрал историка в библиотечную комиссию. В соответствии с рекомендациями министерства народного просвещения Совет потребовал от Милюкова заменить в славянском курсе русскую историю чешской. В конце 1897 г. разгорелся небольшой скандал вокруг Милюкова. Разрешая посещать свои лекции не студентам, он тем самым грубо нарушил правила училища. Милюков сослался на незнание, и скандал замяли, но неприязненное отношение к Совету у ученого осталось.¹³⁵

Бахметев, не отказавшись от требования отставки Милюкова из училища, получил в свои руки еще один козырь после празднования 6 декабря 1897 г. тезоименитства Николая II. О необходимости присутствовать на мо-

лебне в соборе Св. Краля были оповещены под расписку все высшие болгарские чиновники. Видимо, нечто подобное сообщалось и преподавателям училища. Милюков был на молебне в соборе, где и раскланялся с Бахметевым. После первого молебна состоялся традиционный второй молебен в агентстве. Но вот на него Милюков не пошел, т.к., по его словам, никто не сообщил ему об обычае, а газет с сообщением об этом он не прочел.

Милюков, видимо, понял свою ошибку — и на Новый год зашел в агентство поздравить Бахметева. Но того не было в Софии, т.к. он уехал для встречи с русским послом в Константинополе И.А.Зиновьевым. Ученый лишь получил визитную карточку от вице-консула А.Л.Воеводского.¹³⁶

Милюков без каких бы то ни было осложнений закончил семестр, и тут-то Вазов решился действовать. 10 января 1898 г. Академический Совет училища рассмотрел письмо из министерства народного просвещения, в котором сообщалось, что Милюков получил научную командировку на полгода за казенный счет. Для Совета это было полной неожиданностью. Он попросил декана историко-филологического факультета Б.Цонева высказаться по поводу данного решения. Последний прямо сказал, что командировка наносит факультету огромный вред. Было решено рассмотреть вопрос о командировке подробнее. В письме Милюкова в Совет не содержалось никаких объяснений, и ученый просил по этому вопросу обратиться за разъяснениями в министерство. Оттуда ответили, что командировка дана по личной устной просьбе Милюкова. После этого Совет отложил разбирательство дела с тем, чтобы больше к нему никогда не возвращаться.

Как считал сам Милюков, командировку ему дали для того, чтобы он мог уладить возникшие недоразумения с агентом. Историк за первую половину января 1898 г. предпринял несколько неудачных попыток поговорить с Бахметевым, чтобы узнать, в чем его обвиняют. Обстоятельства для Милюкова были неясны. Он предполагал, что причинами отстранения его от должности могут быть или местные сплетни и интриги, или желание агента настоять на уже принятом решении. В середине января Милюков от одного высокопоставленного болгарского чиновника узнал, что ему вменяют в вину составление враждебной России речи македонца Г.Киркова, которую последний произнес на митинге 15 апреля 1897 г. в Софии. Когда невозможность свидания выяснилась окончательно, Милюков написал в МВД, прося разрешить приехать в Санкт-Петербург для выяснения своего положения.

Еще летом 1897 г., получив первые сведения о возможной отставке, Милюков отнесся к ним достаточно спокойно. В начале 1898 г. он был настроен также. «Мои почтенные коллеги сумели настолько отравить мне мое пребывание здесь, что настояния агента являются своего рода *coup de grace*», — писал Милюков А.В.Гольштейн. П.С.Уваровой он сообщал, что «после годичного опыта с братушками [т.е. с болгарскими - А.М., П.Т.] я совсем не буду жалеть, если придется и окончательно ликвидировать свои дела здесь».

Попытку спасти Милокова в конце января 1898 г. предприняла графиня П.С.Уварова. Она направила личное письмо товарищу министра иностранных дел В.Н.Ламздорфу, дав очень лестную характеристику Милокову. В МИД прислушались к этому мнению и переправили ее просьбу оставить Милокова на кафедре вместе со своим принципиальным согласием Бахметеву. Агент, сославшись на сведения, полученные от А.И.Будзиловича о деятельности Милокова за границей, ответил, что считает совершенно невозможным оставление Милокова в училище.

Историк решил воспользоваться «командировкой» и на конец марта запланировал поездку в Константинополь и Македонию. Май и июнь Милоков рассчитывал провести в Софии. В июне истек срок официальной командировки, и Милоков ожидал решения своего вопроса в лучшую сторону. По сведениям Будзиловича, Милоков по возвращении в Софию предполагал открыть частное училище, которое бы поддержали многие влиятельные люди, недовольные русским вмешательством в болгарские дела.¹³⁷

Официозные газеты («Мир», «Исток») старались скрыть от болгарского общества правду, настаивая на версии о командировке Милокова в Македонию. Сперва в оппозиционной прессе прошел слух, что Милоков подал в отставку после того, как ему запретили открыть публичные курсы при училище. Но все старания болгарского правительства замять скандал вокруг отстранения Милокова от должности закончились ничем. Вскоре оппозиционная пресса объявила, что увольнение Милокова не что иное, как оскорбительное вмешательство России во внутренние болгарские дела. Газета народной либеральной партии «Свобода» обвиняла правительство в потакании русскому агенту, который донес на Милокова, читавшего лекции по истории в либеральном духе, что было запрещено в России. Какая была необходимость, спрашивали оппозиционеры, посылать Милокова, никогда не занимавшегося этнографией Балкан, в Македонию? «Свобода» указывала и на то, что Милоков не бежал из России, а уехал с разрешения правительства.

Известие об изгнании Милокова вызвало сильный резонанс в образованных слоях болгарского общества. Виновником столь бесцеремонного вмешательства во внутренние дела Болгарии безоговорочно считали Бахметева.¹³⁸

Целью мартовской поездки Милоков называл желание разобраться в македонском вопросе. Ученый предполагал посетить директора Русского археологического института в Константинополе (РАИК) Ф.И.Успенского, надеясь, что последний сможет хоть как-то помочь ему в организации экскурсии. В это же время директор института решил перевести печатание «Известий» РАИК из Одессы в Софию. Зная, что в Болгарии работает русский историк, Успенский решил обратиться к нему с просьбой, узнать условия печатания в государственной типографии. Так между учеными установилась связь.

Весной 1898 года Милоков попытался попасть на прием к Бахметеву, но тот не принял историка. После этого Милоков вообще старался избе-

гать каких бы то ни было контактов с российским агентом. И следующий этап ходатайств за Милокова связан с Успенским и русским послом в Константинополе И.А.Зиновьевым. По-видимому, инициатором этой кампании был Успенский, которому Милокову сообщил все необходимые сведения. Письмом от 11 марта Успенский просил Зиновьева ходатайствовать перед Бахметевым об отмене его решения в отношении Милокова. Зиновьев уже на следующий день отправил послание Бахметеву, в котором пересказывал просьбу Успенского об оказании Милокову покровительства в Болгарии, т.к. институт предполагал на него возложить дела, связанные с печатанием «Известий» РАИК в Софии. Зиновьев присоединялся к просьбе Успенского. Бахметев не замедлил ответить на письмо Зиновьева. Агент сообщил, что российский МИД одобрил все меры по отношению к Милокову и теперь уже нет возможности их отменить. О том, что МИД месяц назад высказался за принципиальную возможность оставить Милокова в училище, Бахметев умолчал. Со своей стороны Бахметев считал, что Милоков не представляет никакого интереса как ученый и преподаватель.

Ответ Бахметева был переслан Милокову, который в письме агенту от 6 апреля 1898 г. опровергал все возможные причины обвинения его в неблагонадежности. Т.к. Бахметев ни разу не упоминал конкретных обвинений, то Милоков стал опровергать циркулировавшие в болгарской столице слухи. Свое знакомство с Кирковым и редактирование его речи на известном митинге Милоков отрицал. Милоков не скрывал, что в свое время Н.В.Чайковский предложил ему сотрудничать с ФВРП, но историк отказался. Милоков также отвергал обвинение в преднамеренном непосещении русского агентства в день тезоименитства Николая II. Целью письма Милоков называл не оправдание для того, чтобы остаться в училище на некоторый срок, а желание устранить любые недоразумения в отношениях между собой и русским правительством. Моя деятельность принадлежит России, а не Болгарии, — заключал он. Историк просил сообщить его письмо правительству, что никогда сделано не было. Показателен тот факт, что Милоков переслал копию письма графине Уваровой. Он не возражал, если бы она показала письмо Ламздорфу, дабы отвести от нее подозрение, что она хлопочет за какого-то революционера.

Среди русских дипломатов в Константинополе обсуждалась возможность приписать Милокова на год к РАИК. Успенский прямо предложил такой вариант ученому, но Милоков отказался. Для него это означало работать и общаться с малосимпатичными ему дипломатическими чиновниками. В отказе сказался и оппозиционный настрой Милокова. В письме жене он объяснял, что «в смысле “раболепства” — оно, может быть, и было хорошо, но этак далеко можно зайти на пути «царизма».

Мартовская поездка Милокова в Константинополь, а оттуда в Македонию временно была отложена. Видимо, это было связано с желанием узнать результат усилий Успенского. В начале апреля 1898 г. Милоков получил от Успенского письмо с предложением ехать в Македонию вместе. Такой поворот событий обрадовал Милокова, т.к. в одиночку трудно

было путешествовать по такой беспокойной турецкой провинции. Перед отъездом он попросил И.Д.Шишманова прислать ему в Константинополь рекомендательные письма для Пловдива, Тырнова и Плевны. Вероятно, Милюков рассчитывал на обратном пути из экспедиции посетить эти болгарские города. К середине апреля (до 12-го) он уже был в Константинополе, где узнал, что репрессии против него — дело рук Бахметева, т.к. ни МИД, ни МВД не имели ничего против оставления историка в училище. В Константинополе также выяснилось, что Успенский боится ехать ранее конца мая. Милюкову пришлось остаться в городе для приготовления к предстоящей экскурсии. Апрель-май он проработал в институтской библиотеке, но в ней совершенно отсутствовала специальная археологическая литература.¹³⁹

Милюков отказался приписаться к РАИК, но принял активное участие в нескольких поездках, организованных институтом в конце апреля — начале мая 1898 г., на северо-запад Малой Азии. Судя по мемуарам Милюкова, сперва он вместе с членами РАИК совершил экскурсию в поисках древнегреческих надписей на южный берег Мраморного моря. После этого Милюков вместе с членом института П.Д.Погодиным совершил поездку в область Конию. Для этого по ходатайству Успенского тамошний русский консул А.Д.Левитский подготовил ученым рекомендательные письма. Предметом интереса Милюкова стала загадочная пещера, расположенная в селении Биленджик, в 7 часах езды от города Кони. Узкий вход в пещеру находился в доме одного из селян и был заложен камнем. Некоторые местные жители уже бывали в подземелье, но с научной точки зрения его никто до Милюкова не описывал. Вначале по подземелью можно было идти, потом приходилось передвигаться на четвереньках, позже — ползком. Только после этого ученый попал в камеру, где можно было стоять в полный рост. Милюков измерил и набросал план подземелья, сделал ряд снимков. Ученый нашел там человеческие кости, черепки посуды. Кое-где стены были обтесаны, что, по его мнению, свидетельствовало о некогда существовавшем здесь некрополе. Милюков датировал его III-II в. до н. э.¹⁴⁰

Но вот подошло время долгожданной экскурсии в Македонию. Все, без исключения, историки, отталкиваясь от мемуаров Милюкова утверждают, что Милюков совершил за 1898 г. три поездки в Македонию. Первая не носила научного характера. Из нее Милюков 29 мая вернулся в Софию. Следующая поездка состоялась уже с Ф.И.Успенским в июле. Третья же была посвящена раскопкам и состоялась осенью того же года. Документы Департамента полиции практически подтверждают такое толкование соответствующего места в мемуарах.¹⁴¹ Но, на наш взгляд, это не соответствует действительности. Реально можно говорить лишь о двух поездках Милюкова в Македонию в 1898 году. Причем, обе они были совершены вместе с Успенским. Аргументы в пользу данной точки зрения следующие: 1) сам Милюков еще в 1899 г. утверждал, что в 1898 году совершил две поездки в Македонию; 2) когда Милюков узнал, что Успенский предлагает ему поехать в Македонию вместе, то он был очень рад, т.к. провинция была крайне опасна для одинокого путешественника; 3)

маршрут весенней поездки и сопутствующие события в мемуарном изложении почти идентичны с таковыми в описании летней экскурсии; 4) 21 мая 1898 г. Милюков из Константинополя отправил письмо жене, т.е. на поездку по Македонии у него оставалось 8 дней, чтобы к 29 мая (дата возврата из путешествия, по данным Департамента полиции) вернуться в Софию. Провести экскурсию по описанному маршруту в такие сроки физически невозможно; 5) в «Воспоминаниях» Милюков подчеркивает, что его впечатления от первой поездки были опубликованы в «Русских ведомостях» в виде цикла статей «Письма из Македонии», тогда как в заметках речь идет о летней поездке, начавшейся 31 мая.¹⁴²

31 мая П.Н.Милюков и Ф.И.Успенский на пароходе отплыли из Константинополя в Салоники. Началась русская полуторамесячная экспедиция по Западной Македонии, целью которой было изучение византийских и славянских памятников архитектуры и письменности. 1 июня Милюков и Успенский прибыли в Солунь (Салоники). Этот день они полностью посвятили официальным визитам. Во время посещения местного вали (генерал-губернатора) Успенский договорился об осмотре найденного пограничного столба между Болгарией и Византией при царе Симеоне, приготовленного к отправке в Константинополь. Хотя Успенский имел описание столба и места находки, сделанные русским консулом К.Н.Лишиным, ученый не считал вправе публиковать надпись без личного осмотра. В один из следующих дней Милюков по поручению Успенского съездил в Нарыш-Кей и сделал описание местности, где проходила пограничная черта. Это описание Успенский включил в свою публикацию текста исторического памятника.

Вечером 1 июня Успенский зафиксировал в своем дневнике разговор с местным археологом о древностях Салоник. Несколько дней (2-5 июня?), что ученые провели в городе и его окрестностях, этот греческий археолог постоянно находился с ними. Правда, по мнению Милюкова, он больше мешал, чем помогал.

В Солуни Милюков посетил болгарскую гимназию. Надо сказать, что во многих городах и селениях он старался побывать в учебных заведениях, с целью ознакомиться с постановкой школьного дела. Помимо этого, Милюкова интересовало и то, как соперничающие народы в Македонии (болгары, греки, сербы) использовали школу в пропагандистских целях. Успенский и Милюков были 8 июня на годовичном акте в болгарском училище в Водене. В Битоли Милюков посетил школу, организованную одним американским пастором. В Бобоштице Милюков был в греческой школе, где проверил знания учащихся по арифметике, географии и переводу с греческого на болгарский. (Позже, в 1899 г. Милюков по каким-то делам приезжал в Адрианополь, где посетил урок истории в болгарской гимназии. Он спросил одного из учеников о понятии «феодализм», и ответом остался доволен. Уходя, Милюков посоветовал всем по окончании гимназии продолжить образование в Софии).

Из Солуни члены экспедиции отправились Водену, где осмотрели местные храмы. Оттуда их путь лежал в Битоль.¹⁴³

По дороге в Битоль Милюков и Успенский 9 июня остановились на станции Острово, где железнодорожный техник Эрлмайер принес Милюкову и Успенскому несколько бронзовых вещей и сообщил о находке правильно обтесанных каменных плит. Часть находок (29 предметов из бронзы и глиняные сосуды) была тут же куплена Успенским для института. Купленные вещи были из некрополя гальштатского периода, задетого рабочими при прокладке железной дороги Салоники – Битоль между 153 и 154 км пути. Милюков, видимо, сразу выступил с инициативой производства раскопок некрополя.¹⁴⁴

В Битоли членов экспедиции встретил российский консул А.А.Ростковский. Супруги Ростовские отправились вместе с Милюковым и Успенским в Преспу и Охрид. Вся поездка продолжалась с 11 по 15 июня. Основной целью поездки в этот район было ознакомление с надписью царя Самуила X в. Надпись, находившаяся в с.Герман, уже публиковалась с искажениями в 1891 г., и Милюков явно ошибся в «Воспоминаниях», приписав себе приоритет в ее открытии. Благодаря содействию Ростовского 12 июня 1898 г. российские ученые смогли ознакомиться с надписью царя Самуила лично. (Кстати, благодаря содействию и настойчивости Ростовского надпись Самуила вскоре была куплена РАИК). 14 июня на о.Аил Милюков обнаружил другой интересный памятник – список епархий болгарской архиепископии XI века. Из района Преспы экскурсанты отправились в долину Корчи на границе с Албанией. Здесь они отдохнули у Алобея, друга Ростовского, совершив несколько мелких вылазок в окрестности. На обратном пути один из местных разбойников – Кайо – сообщил о своем желании представиться русскому консулу, но в самый последний момент не приехал на встречу. Экскурсия отправилась через Охрид и Ресен в Битоль. Милюков и Успенский провели в городе около недели, совершив небольшую поездку в монастырь Слепче. В Охридской библиотеке при церкви св.Клементя и монастыре Слепче исследователи осмотрели крупные собрания греческих и славянских рукописей.

1 июля Милюков и Успенский выехали в Прилеп. На следующий день они посетили Трескавский монастырь. Милюков осмотрел монастырский архив, где нашел несколько интересных документов. Милюков помог в написании статьи о монастыре учителю солунской мужской гимназии А.П.Стоилову.

Далее Милюков и Успенский отправились к станции Градско, откуда по железной дороге добрались до Скопье. В его окрестностях экскурсанты посетили несколько монастырей. Из Скопье Милюков и Успенский по железной дороге вернулись в Солунь.¹⁴⁵

И Милюков, и Успенский во время экскурсии зарисовывали церкви и снимали их планы, копировали надписи и фрески. Их путевые дневники с подобными материалами сохранились в ПФА РАН. Там же находятся и два альбома фотографий, многие из которых сделаны во время экспедиции 1898 г.

Обработка собранного материала была поделена следующим образом. Успенский занялся подготовкой к публикации надписи царя Самуила и

пограничного столба между Византией и Болгарией, а также найденных рукописей; М.И.Ростовцеву, специалисту по эпиграфике, было поручено исследование античных надписей, скопированных во время экспедиции; Милюкову досталось описание церквей и монастырей. Результаты исследований ученых были опубликованы в 1898-1899 гг.¹⁴⁶

Параллельно Милюков фиксировал этнографический материал, который позже лег в основу цикла статей «Письма из Македонии», напечатанных в «Русских ведомостях» в 1898-1899 гг. Вывод работы о преобладании в Македонии болгарского населения был на руку Болгарии, претендовавшей на эту территорию. В 1898-1899 гг. «Письма из Македонии» были переведены на болгарский язык и опубликованы полностью в газете «Пръпорец». В газете «Борба за свободата на Македония и Одринско» появилась пересказ последнего письма Милюкова.

Продолжением балканской этнографической тематики стал атлас, составленный Милюковым и снабженный его объяснениями. Работа над ним велась уже по возвращении в Россию, где он был опубликован весной 1900 г. Милюков включил в атлас пять карт Македонии, составленных в 1847-1899 гг. Две первые карты показывали Македонию до возникновения территориальных споров. Две другие отражали греческие и сербские притязания на Македонию. Последняя карта, составленная лучшим знатоком македонской этнографии В.И.Кынчевым в 1898 г. с исправлениями 1899 г., наиболее точно, по мнению Милюкова, воспроизводила действительное распределение народностей в крае. Современные Милюкову русские и болгарские ученые отметили ценность атласа. В 1951 году английский исследователь Г.Р.Вилкинсон сделал вывод о проболгарской направленности атласа Милюкова.¹⁴⁷

К концу первой декады июля 1898 г., после завершения экспедиции, Милюков вернулся в Софию. Здесь разыгрался последний акт драмы. 29 июля Милюков получил официальное извещение об отставке. Болгары не решились ссориться с Бахметевым из-за Милюкова, а агент не изменил своей позиции. Незадолго до этого (между 20 и 25 июля) состоялся разговор Вазова и Милюкова. Вазов старался удержать Милюкова в стране и предлагал, чтобы тот сам спросил у Бахметева, не изменилась ли его позиция по данному вопросу. Но ученый отказался, ссылаясь на нежелание Бахметева принять его весной 1898 года. Милюков попросил Вазова скорее дать ответ на вопрос об отставке. Припертый к стенке, Вазов сказал, что отставка – дело решенное. Он напомнил Милюкову, что тот давно обещал подать собственноручное прошение об увольнении. Милюков согласился написать эту бумагу лишь после окончательного решения его дела. Сам Милюков был уверен, что требования Бахметева не более чем его личный каприз. Свою отставку Милюков воспринял спокойно. Более того, в письме В.И.Семевскому он написал, что доволен отставкой. Он жалел лишь о расставании с Шишмановым, который стал ему близким другом, и со студентами. Правда, последние были уже отдаленным воспоминанием. Почти тоже Милюков писал в письме В.А.Гольцеву: «По России я сильно соскучился, и болгарская каверза доставила мне

истинное удовольствие. Самому трудно было бы уехать теперь: спасибо, что прогнали».

Приказ был оформлен задним числом. Министерством народного просвещения был подготовлен доклад, утвержденный Фердинандом 19 августа 1898 года об отпуске 12000 левов в виде неустойки Милюкову согласно пункту 5 контракта. Судя по косвенным данным, Милюков получил неустойку к началу сентября. В декабре того же года третья сессия Девятого Очередного Народного Собрания уже постфактум одобрила данные расходы.¹⁴⁸

Уже когда Милюков получил отставку, официальный «Исток» продолжал утверждать, что Милюков останется в училище на следующий год, но оппозиция не верила. Отставка Милюкова была использована партиями, оппозиционными правительству К.С.Стоилова. Против вмешательства русского агента во внутренние дела высказалась либеральная газета «Народни права». Сторонники В.Радославова еще в январе 1898 года выступили против русского вмешательства, но тогда правительство объявило данное заявление клеветой. Теперь же, когда отставка была официально объявлена, либералы всю обвиняли правительство в потакании прихотям русского дипломата. Они требовали от властей ответа, за что же был уволен Милюков, в угоду какой необходимости болгарское правительство пожертвовало им.¹⁴⁹

Другой участник экспедиции, директор РАИК Ф.И.Успенский прибыл в Константинополь 18 июля. Он сразу же развил бурную деятельность по организации раскопок, которые планировал провести в сентябре-октябре. Директор обратился за содействием в этом деле к русскому послу в Константинополе И.А.Зиновьеву, почетному председателю РАИК, и консулу в Битоли А.А.Ростковскому. Для проведения самих раскопок Успенский пригласил профессора Университета св. Владимира В.Б.Антоновича.

Помогло то, что еще в сентябре 1897 года РАИК, благодаря хлопотам тогдашнего русского посла А.И.Нелидова, получил султанское ирадэ на производство археологических раскопок в любой части империи с условием, что половина находок будет передана в Оттоманский музей. Подобных льгот не было ни у одной страны, и Успенский сразу же постарался закрепить за Россией данное право. Но денег на организацию крупномасштабных раскопок у института не было. В конце 1897 г. Успенский подал несколько докладных записок российским министерствам, затем добился аудиенции у Николая II и разговаривал с императором по этому вопросу. Последний приказал выделить одновременно большую сумму институту, но ее не успели включить в смету министерства народного просвещения на 1898 год, и РАИК денег не получил.

Несмотря на нерешенность финансового вопроса, Успенский не прекращал хлопот по организации раскопок. Зиновьев смог определенно ответить директору лишь 12 сентября. Разрешение на раскопки было получено, местные власти предупреждены, а Успенскому препровождалось официальное письмо к салоникскому вали. Но серьезнейшей проблемой

оставалось отсутствие финансов. Успенский попросил денег в министерстве народного просвещения, но денег оттуда не получил. Тогда ему пришлось действовать частным порядком и дважды написать З.Е.Ашкенази, сыну одесского банкира, уже не раз жертвовавшему средства на нужды института. Тот дал 3000 франков (более 1100 рублей) на раскопки.¹⁵⁰

Милюков, получив отставку, подал прошение в МВД, прося разрешить ему проезд в Санкт-Петербург для выяснения своего «дальнейшего положения». Он торопился выехать в Россию с увеличившейся семьей (в начале 1898 г. у Милюковых родилась дочь Наталья), предполагая к ноябрю закончить все свои дела в Болгарии. Собираясь уезжать, Милюковы сдали одну комнату в доме дома И.Н.Кашинцеву. Не дождавшись ответа, Милюков уехал в Константинополь.

Директор Департамента полиции Зволянский представил министру свои соображения по поводу прошения Милюкова. В случае возвращения историка до истечения срока гласного надзора (6 ноября 1898 г.), ему предполагалось выдать проходное свидетельство «для следования в избранное место жительства, вне столиц и университетских городов». Возвратившись после указанного срока, Милюков, как подвергавшийся гласному надзору, получал право повсеместного жительства, за исключением столиц и Санкт-Петербургской губернии. При этом за ним должен был быть установлен негласный полицейский надзор. В заключение Зволянский, ввиду полной определенности положения Милюкова, высказался против приезда ученого для «указанной в прошении цели». Министр согласился с этими соображениями, и они послужили основой для официального ответа Милюкову. В этом ответе, однако, предлагалось делать «дальнейшие ходатайства» по возвращении в Россию, т.е. полностью возможность допущения Милюкова жить в столицах, не исключалась. 23 сентября А.С.Милюкова получила официальный ответ из Департамента полиции.

Милюков спешил закончить обработку собранного в Македонии материала по христианским древностям для публикации в «Известиях» РАИК. Параллельно этому он спрашивал Ф.И.Успенского в письме от 31 июля, нужна ли ему статья о находках у Острова. Ответ директора последовал уже на следующий день. Точное его содержание неизвестно, но, скорее всего, Успенский просил Милюкова обработать материал до отъезда из Болгарии. С этой целью Милюков провел вторую половину августа в Константинополе, а в начале сентября вернулся в Софию. В середине сентября он опять отправился в Константинополь, где закончил работу над статьей. Но тут выяснилось, что вследствие болезни В.Б.Антоновича запланированные раскопки оказывались под угрозой срыва. Тогда Успенский предложил вести раскопки Милюкову. Последний соблазнился предложением и провел в Македонии месяц (середина октября – середина ноября).¹⁵¹

Из Константинополя Милюков и Успенский вместе выехали в Македонию в начале октября. С ученым секретарем РАИК Б.В.Фармаковским было условлено, что в случае необходимости Успенский вызо-

вет его в Македонию на раскопки. В связи с раскопками РАИК был распушен на каникулы с 1 октября по 15 ноября.

Раскопки шли недалеко от железной дороги Салоники – Битоль, между селами Патели и Сорович у озера Острово. Согласно отчету РАИК за 1898 год раскопки начались 14 октября и закончились 14 ноября, тогда как последняя дата в дневнике Милюкова – 13 ноября. Судя по дневниковым записям, работа шла во все дни, кроме воскресенья 8 ноября.

Успенский имел свои планы и вскоре уехал в Охрид, а оттуда – в Салоники. Позже он еще один раз приезжал к некрополю. Уже через пару дней после начала раскопок стало ясно, что без Фармаковского не обойтись, и он был вызван из Константинополя. Оттуда он выехал, видимо, 18 октября. С 21 октября Фармаковский приступил к раскопкам, и работал до конца сезона, за исключением 5 дней, когда он болел и лечился в доме русского консула в Битоли А.А.Ростковского. О ходе раскопок рассказывают письма Б.В.Фармаковского, дневники раскопок в записных книжках двух историков и мемуары Милюкова. Раскопки шли под руководством Милюкова. Погода выдалась хорошая, и работали с утра до вечера с небольшим полуденным перерывом. Найденные скелеты измерялись, зарисовывалось их положение, после чего некоторые из них фотографировались. Раскопки велись с южной стороны от дороги. За месяц на площадке размером примерно 19х60 м было раскопано 154 могилы и найдено 593 предмета (фибулы, бусы, кольца, браслеты, ножи, наконечники и т.д.) гальштатского периода.

В самом начале на месте работ появился турецкий чиновник, в обязанности которого входил контроль за раскопками. Но, убедившись, что все идет правильно и ученые не занимаются незаконной деятельностью, он покинул их. Археологи познакомились с немецкими инженерами-железнодорожниками, которые любезно им помогали. Иногда вокруг места раскопок собирались местные жители. Один раз на место раскопок приезжал А.А.Ростковский. По субботам археологи ездили к Ростковским музицировать.¹⁵²

По окончании раскопок Милюков отправился в Константинополь, и уже оттуда, в декабре – в Софию. Вместе с ним поехал и Успенский. В конце декабря два ученых посетили местное художественное училище, где были приятно удивлены уровнем работ учащихся.

Ввиду холодного времени Милюковы не решились ехать в Россию с маленькими детьми. В перспективе глава семейства предполагал при возвращении руководствоваться указаниями властей. Подробности милюковского плана видны из письма редактору «Русских ведомостей» В.М.Соболевскому от 16 ноября 1898 года, в котором Милюков сообщал, что думает поехать в Киев, и уже оттуда написать прошение о разрешении ему жить в окрестностях Санкт-Петербурга или Москвы с правом приезжать в оба города для занятий. 27 ноября из Константинополя он сообщал о своих планах В.Г.Короленко, члену редакции «Русского богатства», и В.А.Гольцеву, по-прежнему возглавлявшему «Русскую мысль». Такое «циркулярное письмо» знакомым редакторам свидетель-

ствует, что Милюков намеревался по возвращении в Россию жить преимущественно литературным трудом, в первую очередь, конечно, публицистикой, т.к. едва ли он мог рассчитывать заработать на жизнь научными трудами.¹⁵³

Незадолго до окончания раскопок найденные вещи были отправлены на пароходе в Константинополь. Уже на первом заседании РАИК после каникул, 19 ноября, Милюков за работы на пользу института был избран его членом. Кстати, именно на этом заседании Успенский впервые сделал доклад о результатах летней экскурсии в Македонию. Обработка находок была поделена между Милюковым и Фармаковским. Первому достались бронзовые вещи, второму – керамика. Милюков обрабатывал материалы раскопок в венском музее естественной истории, где показывал их археологам И.Шомбати и М.Хернесу. Они помогли Милюкову в разрешении некоторых спорных вопросов, в т.ч. в датировке могильника. При подготовке результатов раскопок Милюков активно использовал дневники, в которых часто можно видеть записи типа «перенести сюда», «списано» и т.д. Собранный краниологический материал Успенский в письме от 10 ноября предложил обработать известному антропологу Д.Н.Анучину. Тот согласился, и ему была выслана коллекция из 24 черепов. По сведениям Милюкова, ящики с черепами пропали в дороге или уже в Москве. Единственным свидетельством остались фотографии с поврежденных черепов, которые невозможно было отправить для исследования. Находки из раскопок поступили в кабинет древностей, а фотографии, сделанные Милюковым в Македонию, дополнили фотоколлекцию РАИК. Предметы из раскопок составили половину всех поступлений (1180 вещей) в музей института за 1898 год.

Помимо всего прочего, на плечи Милюкова легло редактирование IV тома «Известий» РАИК.¹⁵⁴

Осенью 1898 г. у Милюкова созрело желание обобщить свои наблюдения и размышления по македонскому вопросу. Стоит сказать, что в начале 1898 г. взгляды Милюкова были далеки от высказанных им позднее, после первой поездки в Македонию. Так, в письме жене в апреле 1898 г. он писал, что «помощь болгарам России не нужна, т.к. болгары сочтутся своими силами, поэтому и отдавать ей Македонию не следует, в таком духе я и начну работать». В ходе первой поездки по Македонию Милюков признал требования Болгарии о передаче ей провинции справедливыми, т.к. болгары, по его мнению, составляли подавляющую часть населения провинции.

В письме В.Г.Короленко от 27 ноября 1898 г. Милюков признавался: «Влез я теперь по уши в македонский вопрос, и хочу выбраться из него не с пустыми руками». В этом же письме он выказал желание написать статью по македонскому вопросу для «Русского богатства». Видимо, помимо этого, с Милюковым связалась редакция «Вестника Европы», заказавшая ему статью об отношении европейской дипломатии к македонской проблеме. Работу над статьями пришлось вести в Болгарии, поскольку источники по теме были лишь здесь. Она отнимала очень много време-

ни, и Милюкову пришлось расстаться с мыслью выбраться в Россию весной 1899 года. Статья для «Вестника Европы» была готова в апреле и опубликована в майском и июньском номерах журнала. Закончив эту работу, Милюков хотел подготовить еще две статьи. Кроме упомянутой статьи для «Русского богатства», другую он собирался написать для «Русской мысли», чтобы «не обидеть старых приятелей». У Милюкова на примете были две темы — «Сербо-болгарские распри в Македонии» и «Болгария и македонский вопрос» — которые он мог предложить этим журналам. По неизвестным причинам Милюков в конце апреля — начале мая 1899 г. написал лишь одну статью — «Сербо-болгарские отношения по македонскому вопросу», попавшую в сборник журнала «Русское богатство». Милюков предложил Короленко и цикл статей под заглавием «"Исторические права" и факты действительности в македонском вопросе», правда, оговорившись, что не будет возражать, если редакция журнала откажется их принять. Милюков планировал собрать все статьи для отдельного издания, предложив «Русскому богатству» напечатать книгу. Но этот проект остался нереализованным.

Статьи создали Милюкову славу защитника болгар, т.к. по многим вопросам он признавал их правоту. Естественно, обе работы сразу были переведены на болгарский язык. Редакция журнала «Български преглед» сама обратилась к Милюкову с просьбой разрешить им напечатать статью о сербо-болгарских отношениях по македонскому вопросу. Перевод второй статьи был произведен с русского текста (газеты «Автономия», «Реформы»). Перевод, напечатанный в «Реформы», чуть позже вышел отдельным изданием. Со своей стороны, сербы посчитали статьи Милюкова пристрастными.¹⁵⁵

После увольнения Милюкова целый семестр кафедра всеобщей истории в училище оставалась вакантной. Падение правительства Стоилова в январе 1899 г. и приход к власти правительства Д.П.Грекова, которого поддержали вчерашние оппозиционеры — Либеральная партия (радослависты), создавало реальную возможность для возвращения Милюкова в училище. Он хотел бы вернуться назад в училище. Этого же желали и другие преподаватели, но Бахметев был непреклонен. Милюкова в желании остаться в Болгарии поддерживал И.Н.Кашинцев.

По косвенным данным можно утверждать, что в конце мая — начале июня 1899 г. Милюков собирался возбудить вопрос в российском МИД об оставлении его в училище. В июне 1899 года к А.И.Будзиловичу с просьбой ходатайствовать перед русским правительством об оставлении Милюкова на кафедре на 2 года обратились несколько высокопоставленных болгар. Просьба подкреплялась письмом из училища, в котором сообщалось, что у них нет сейчас историка, и Милюков должен закончить раскопки в Болгарии. (По-видимому, речь шла о проекте совместных раскопок В.Добруского и Милюкова, которые так и не состоялись). Сам Будзилович считал, что при требовании увольнения Милюкова Бахметев руководствовался «скорее пристрастием, чем жесткостью серьезных мотивов». За последние два года Будзилович не видел в деятельности Ми-

люкова ничего предосудительного. Будзилович постарался склонить к этой мысли Бахметева, и сообщил агенту, что не имеет препятствий к удовлетворению ходатайства Милюкова. Будзилович также просил МВД дать благоприятный отзыв о Милюкове, если последует запрос из МИД. Составленная благоприятная характеристика Милюкова была послана в МИД, но все оказалось напрасно. Винаватым, по словам Милюкова, выходил Будзилович, т.к. он при решении вопроса обратился к оппозиции, а не прямо к болгарскому правительству. Правительство не поверило и стало ждать действий со стороны Милюкова, который стал настаивать на предварительном письменном обязательстве министерства народного просвещения, возглавляемого Т.Иванчовым, относительно условий контракта. В министерстве заупрямились, и как писал Милюков в письме В.Г.Короленко, «я был рад плюнуть на них окончательно: оборвал переговоры при помощи решительного ультиматума».¹⁵⁶ Окончательно лишившись надежды на продолжение профессорской карьеры в Болгарии, Милюкову оставалось возвратиться в Россию.

А.С.Милюкова с детьми планировала поехать в апреле 1899 г. в Крым, но этот план не удался. Ей пришлось остаться в Софии. Последние месяцы пребывания в Болгарии для Милюковых прошли сложно. Они перестали бывать в гостях, проводя почти все время дома. «Мы здесь просто одичали», — восклицала Анна Сергеевна. Болгарские знакомства она оценивала крайне скептически. В первой половине июня Анна Сергеевна с детьми выехала в Либаву.

Милюков собирался выезжать из Софии 15 июля 1899 года. До отъезда он просил редакцию «Вестника Европы» выслать гонорар за статью, а также ее оттиски. За пару дней до отъезда Милюков вновь послал Гольцеву и Короленко «циркулярное письмо», в котором делился своими планами на ближайшее будущее. «В ожидании ответа, — писал Милюков, — просижу, сколько понадобится в Киеве, — если, разумеется — и т.д.». Видимо, он намекал, что со стороны российского МВД можно ожидать чего угодно; например, новых репрессий по какому-нибудь пустячному поводу.

В конце концов, Милюков выехал из Софии 18 июля. Прослышав, что столичное Македонское общество собирается устроить ему шумные проводы, ученый постарался это предотвратить. Вызванный его отъездом из Софии шум, по словам Милюкова, «совсем ... не гармонирует ни с моим настроением, ни с обстоятельствами, при которых я уезжаю отсюда». Тем не менее, по призыву общества Милюкова вышли проводить несколько сот македонцев во главе с председателем И.Гологановым и председателем Верховного македонско-одринского комитета Б.П.Сарафовым. С другой стороны, Милюкова провожали его друзья и коллеги: Минцес, Каравелов, Ляпчев, Д.Х.Ризов и др. Прощание было трогательным и торжественным. В речи Ризова прозвучало сожаление, что Милюков оставляет Болгарию по недоразумению. Ризов благодарил Милюкова за то, что он поднял голос в защиту Македонии. В ответной речи Милюков сказал, что он в своих работах лишь искал истину. Сарафов поблагодарил Милюкова за защиту Македонии в глазах России и Европы. Сарафов просил Милюкова расска-

зать всему миру, что четыре акта македонской драмы свершились, и нельзя допустить пятого. Милюкова на руках внесли в вагон. Ризов, Минцес, Каравелов и Ляпчев проводили Милюкова до Сливница. Он остановился на несколько дней в Вене, посетил театр, объездил город на велосипеде. 4 августа Милюков прибыл в Россию через пограничный пункт Радзивилов.¹⁵⁷ Болгарская эпопея закончилась.

Милюковы сохранили в Болгарии много друзей. Прежде всего, это И.Д.Шишманов, взявший на себя хлопоты по сдаче милюковского дома в аренду, а позже, и по продаже. Благодаря П.Н.Милюкову И.Н.Кашинцев получил в начале XX в. возможность сотрудничества в русских периодических изданиях. В течение нескольких лет Кашинцев жил в доме Милюкова, не платя за комнату. А.С.Милюкова переписывалась с болгарками, участницами феминистского движения (например, с Ю.Малиновой, женой А.П.Малинова). Не оставляла Милюкова своим вниманием и Л.М.Шишманову. Милюков давал рекомендации В.Я.Яковлеву (Богучарскому) и А.В.Тырковой к Шишманову и Калине (Кашинцеву).¹⁵⁸

От внешней канвы жизни перейдем к оценке научной и публицистической деятельности Милюкова в Болгарии. Его исследовательская работа в первое время работы в Софийском Высшем училище была сведена к минимуму. Лекции отнимали массу времени. Ученому пришлось временно приостановить работу над «Очерками по истории русской культуры» и над подготовкой ряда источников по истории России к публикации (разрядная книга, «Тетрадь дворовая», «Тысячная книга»). В Париже Милюков собирался начать работу над третьим выпуском «Очерков», но из-за приготовления к лекциям работу над книгой пришлось отложить. В Болгарии Милюкову удалось лишь переиздать «Очерки» на русском языке с некоторыми изменениями и дополнениями: первую часть в третий раз и вторую часть во второй раз.

Еще в России Милюков планировал перевод «Очерков по истории русской культуры» на иностранные языки. В конце 1896 - начале 1897 г. он выслал первую часть «Очерков» своему французскому знакомому лингвисту П.Буайе. Тот показал их знаменитому историку А.Рамбо и весной 1897 г. стал искать переводчика. По совету Буайе за перевод взялся его студент Л.Демей. Но этот перевод так и остался незавершенным. Видимо, через Минцеса Милюков связался с русскими эмигрантами Е.Давидсоном, П.Драмасом и Д.В.(М.-Д.).Соскисом. Знакомство с последним произошло, скорее всего, летом-осенью 1897 г. в Париже.

Работа над переводами началась летом 1897 г. Давидсон взял на себя перевод «Очерков» на немецкий язык, и уже в 1898 г. в лейпцигском издательстве О.Виганда вышел первый выпуск с предисловием Милюкова, написанным в Софии. Второй выпуск переводил все тот же Давидсон, и он увидел свет в 1901 г. Переводом на французский язык занялся Д.Соскис вместе с П.Драмасом. Темп их работы был более медленным, и перевод первого выпуска «Очерков» был готов лишь к лету 1899 г. Соскис договорился с парижским издательством В.Жиард и Э.Брие о начале печатания книги с июня 1899 г., чтобы к октябрю завершить работу. Но по неизвест-

ным причинам издание затянулась и первый выпуск появился лишь в 1901 года с предисловием Л.Эрра. Летом 1897 г. Милюков также дал согласие на английский перевод «Очерков». Их переводом, судя по всему, занимался все тот же Соскис. О возможности напечатания английского перевода «Очерков» в типографии Фонда Вольной русской прессы Милюков списался с Л.Б.Гольденбергом еще в мае 1897 г. Последний соглашался печатать каждую тысячу экземпляров по 20 рублей при условии, что общий тираж будет не менее 4000. В октябре 1898 г. Соскис сообщил Милюкову, что «Очерки» будут напечатаны в типографии Фонда в начале ноября в серии «Социалистическая библиотека». По неизвестным условиям английский перевод не был напечатан. В 1902 году ученый еще надеялся на его скорое появление, но, как оказалось, безрезультатно.

Свободное время у Милюкова появилось лишь в начале 1898 года после предоставления ему болгарским правительством «командировки». В это время из России от редактора «Русской мысли» В.М.Лаврова пришло предложение переиздать книгу «Главные течения русской исторической мысли». Милюков согласился и потребовал выслать ему в Болгарию гранки, но не получил их. Ученый ничего не знал о судьбе издания, пока в газетах не прочел о выходе книги в свет. Она вышла тиражом 3000 экземпляров без текстуальных изменений, но с иной пагинацией. В новом издании оглавление было менее подробным, чем в первом. Зато без исправлений остались опечатки первого издания, что иронически отметил А.Н.Пыпин в рецензии на второе издание.

В феврале 1898 г. Милюкову пришло приглашение от А.Н.Веселовского поучаствовать в каком-то сборнике статей. Милюков обещал доставить свою заметку к середине мая, правда, ее тему предварительно не назвал. Судя по библиографии работ Милюкова за тот период, статья для данного сборника не была написана.

После участия в составе македонской экспедиции РАИК летом 1898 года Милюков написал статью, посвященную тамошним христианским древностям, появившуюся в «Известиях» института. Ее значение для того времени было велико. Это первое научное описание церковной архитектуры, скульптуры, фресок, надписей Западной Македонии. Благодаря работе Милюкова специалисты смогли познакомиться со многими памятниками, впоследствии уничтоженными. Многие датировки архитектурных памятников, предложенные Милюковым, получили признание среди специалистов. Для ранней истории Балканского полуострова очень важна находка Милюковым списка епархий болгарской архиепископии XI в.

К пребыванию в Болгарии относится написание Милюковым двух статей для «Энциклопедического словаря» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона – «Петр I Алексеевич Великий» и «Источники русской истории и русская историография». В первой историк заметно скорректировал собственную позицию в вопросе о личной роли императора в преобразованиях. Вторая была одним из немногих обобщающих исследований отечественной историографии, в котором изложение доводилось до конца XIX века.

К публицистической деятельности относятся цикл статей в газете «Русские ведомости» и две упоминавшиеся выше статьи, посвященные македонскому вопросу. Работы были уникальны для того времени, т.к. они впервые знакомили русского читателя с крайне запутанными международными отношениями на Балканах.

Своеобразное признание значения научной деятельности Милукова в Болгарии последовало со стороны Д.И.Иловайского. Несмотря на то, что Милуков пробыл в Болгарии сравнительно короткое время, и еще короче был период его преподавания в Софийском Высшем училище, Иловайский утверждал, что Милуков и его предшественник - М.П.Драгоманов - успели оказать пагубное влияние на развитие болгарской исторической науки. Особенно отрицательным было будто бы влияние Милукова в вопросе о происхождении славян, которым, как утверждал Иловайский, Милуков «никогда серьезно не занимался». Позже, в письме от 18 мая 1912 г. к болгарскому историку И.Д.Шишманову Иловайский обвинил Милукова в рабском преклонении перед западной наукой в вопросе о происхождении славян, что вело к отрицанию самостоятельности русских историков в решении данной проблемы.

Известный австрийский славист, словенец по национальности М.М.Иенко оценивал деятельность Милукова и его выступления в Болгарии и Македонии как клевету на Россию.¹⁵⁹

В оценке политической деятельности Милукова в Болгарии местные представители русских дипломатического и полицейского ведомств разошлись: дипломат считал эту деятельность подрывной, полицейский же находил в ней серьезных поводов для беспокойства.

Динамика научной и политической активности Милукова в рязанский и софийский периоды его биографии свидетельствует, что он все меньше времени уделял науке и все больше политике. Казалось бы, возвращение к преподавательской деятельности должно было стимулировать научные занятия Милукова. Поначалу так и произошло, но дремлющее око русского правительства (или, точнее, полудремлющее, поскольку различные ведомства не в состоянии были согласовать своих действий) обнаружило и в первых шагах историка на новом поприще угрозу для своего существования. В результате правительство в очередной раз проявило по отношению к Милукову злую волю. Тем самым как раз и создавалась настоящая угроза для власти, о чем предупреждал в своих донесениях А.И.Будзилович. Увольнение с должности профессора Софийского Высшего училища явилось рубежным событием в жизни Милукова. Отныне политика приобрела в его жизни доминирующее значение. Разумеется, начавшийся еще ранее процесс превращения перспективного исследователя в закоренелого борца с самодержавием не завершился моментально, а продолжался еще несколько лет, в течение которых сохранялась более или менее тесная связь Милукова с наукой. Но после болгарского увольнения Милуков был попросту обречен на переход к общественной деятельности, т.к. возможности заняться преподаванием в России он не имел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Милуков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.139, 154; *он же*. К.К.Арсеньев: к 10-летию со дня смерти – 22 апреля 1919 г. // ПН. 1929. 4 мая; *он же*. Памяти Н.И.Кареева // Там же. 1931. 22 февраля; *он же*. Три поколения. С.15. Возможно, горячие споры, в которых, по свидетельству М.Кусторубова, Милуков принимал участие в 1880-х гг. в курительной комнате Малого театра, касались не только искусства, но и политики (см.: Кусторубов М. Чудо актриса (памяти М.Н.Ермоловой) // Русское время (Париж). 1928. 25 марта).

² ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.850; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.18 об., 24 об.; ЦИАМ. Ф.418. Оп.55. Д.140. Л.25, 25 а об.; Жихарева А.П. Анна Сергеевна Милукова // ПН. 1935. 5 апреля; Милуков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.152–154; Предисловие к третьему (стереотипному) изданию // Настольный энциклопедический словарь /Изд. с 4-го тома т-ва А.Гранат и К°, б. т-ва А.Гарбель и К°. 3-е стер. изд. М., 1896. Т.1. [С.2 отд. паг.]; Boyer P. П.Н.Милукову // ПН. 1939. 23 марта.

³ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.360. Л.59 об., 60; НИОР РГБ. Ф.77. К.23. Д.1. Л.97, 98; Ф.331. К.49. Д.7 а. Л.14; Милуков П.Н. † В.А.Гольцев // Речь. 1906. 19 ноября; *он же*. Воспоминания. Т.1. С.154, 168–172; *он же*. Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 6. С.115; *он же*. Толстой и наука // ПН. 1928. 9 сентября; Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания /Под ред. проф. А.А.Кизеветтера. Прага, 1934. С.265–266. Недолюбивший Милукова М.С.Корелин после обеда, данного В.А.Гольцевым в честь В.М.Лаврова 19 марта 1893 г., записал в дневнике, что Милуков грубо льстит редактору (ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.7).

У А.С.Милуковой тоже начинают завязываться отношения с женами либеральных деятелей. Видимо, к началу 1890-х гг. относится ее знакомство с Н.Е.Вернадской. Так, сохранилось письмо Милуковой к Вернадской от 18 марта 1893 г. с приглашением прийти на собрание, видимо, связанное с женским движением. Милукова также высылала книги жене издателя «Русской мысли» В.М.Лаврова (см.: АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.1; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5465. Л.4).

⁴ Короленко В.Г. «Декларация» В.С.Соловьева: (К истории еврейского вопроса в русской печати) // Короленко В.Г. Полн. собр. соч. Пгт., 1914. Т.9. С.257–260; Милуков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.180; Письма Владимира Сергеевича Соловьева /Под ред. Э.Л.Радлова. СПб., 1909. Т.2. С.159. Прим.1., 160–161; Письма Соловьева к Ф.Б.Гецу. СПб., 1909. С.27–29; Ф.Г. [Гец Ф.Б.]. Некоторые воспоминания об отношении В.С.Соловьева к евреям // Восход (СПб.). 1900. 13 августа; *он же*. Слово подсудимому! С письмами: графа Л.Н.Толстого, Б.Н.Чичерина, Владимира Сергеевича Соловьева и В.Г.Короленко. СПб., 1891. С.III–VI.

⁵ ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.18. Л.275–275 об.

⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5017. Л.6–6 об.; Д.5236. Л.1–1 об.; Д.6345. Л.1–2, 5; Ф.Р-5965. Оп.1. Д.240. Л.6; НИОР РГБ. Ф.178. Д.7774. С.151–152; Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской, 1889–1892. М., 1991. С.204–205; Книга о книгах: Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знаний /Сост. многими специалистами; Под ред. И.И.Янжула при ближайшем участии П.Н.Милукова, П.В.Преображенского и Л.З.Мороховца; Изд. на средства Д.И.Тихомирова. М., 1892. Ч.1. XX, 289 с.; Ч.2. X, 182 с. (В помощь голодающим); *Неспециалист*. Руководство к бестолковому чтению // МВ. 1892. 31 мая; Рец. на: Книга о книгах... // НВ. 1892. 13 мая.

В июне 1892 г. Милуков получил письмо от своей бывшей ученицы М.И.Токмаковой, участвовавшей в борьбе с голодом в Самарской губернии, в котором последняя просила выслать в этот регион хоть немного средств от продажи указателя. В случае невозможности сделать это, Токмакова просила Милукова повлиять на своих бывших или настоящих учеников и учениц, с тем, чтобы те пожертвовали деньги для голодных (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5931. Л.3–3 об.).

⁷ НИОР РГБ. Ф.77. К.23. Д.1. Л.68–69; РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Д.32. Л.130–131, 145–146 об.; Корнилов А.А. Воспоминания // ВИ. 1994. № 2. С.157; Петрункевич И.И. Указ. соч. С.276; Шаховской Д.И. Толстой и русское освободительное движение (несколько воспоминаний) // МГ. 1908. № 9. С.314–315.

Встречающееся в литературе утверждение, что Милуков был участником земских бесед в Санкт-Петербурге в конце 1880-х гг. у К.К.Арсеньева (см.: Пирумова Н.М. Земское

либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С.187; *Шлемин П.И.* Земско-либеральное движение на рубеже XIX–XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С.52), неверно. Участником бесед был другой либеральный деятель — юрист Н.К.Милоков (см.: РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Д.12. Л.1). Не принимал Милоков участия и в земских беседах, прошедших 21–23 февраля 1893 г. в Москве.

После смерти Л.Н.Толстого к Милокову, как лицу упомянутому в статье Д.И.Шаховского «Толстой и русское освободительное движение», обратился В.Е.Чешихин (Ч.Ветринский). Он просил написать небольшие воспоминания о Толстом, которые планировал включить в сборник в пользу голодающих. Милоков не откликнулся на его просьбу (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.6147. Л.2).

⁸ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.1073–1162. Л.73 об.; НИОР РГБ. Ф.178. Д.7774. С.150; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.119 об.–121,123; *Кизеветтер А.А.* П.Н.Милоков // Сегодня (Рига). 1927. 10 мая.

⁹ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С.439.

¹⁰ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.153.

¹¹ *Широкова В.В.* Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90–х годов XIX в. Саратов, 1972. С.92, 168–169.

¹² ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.162. Л.78; РГИА. Ф.878. Оп.1. Д.40. Л.54–55; *Мицкевич С.И.* Революционная Москва. М., 1940. С.137; *Семашко Н.А.* Былое ... 1893 и 95 гг. // На заре рабочего движения в Москве: Иллюстрированный сб. ст., заметок и воспоминаний / Под ред. Н.Овсянникова. М., 1919. С.138; *Чернов В.М.* Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С.73,77,78.

Зачислив Милокова в «Народное право», В.В.Широкова автоматически начинает любые его действия считать деятельностью на пользу партии. Так, лекции Милокова в Нижнем Новгороде — форма легальной агитации «Народного права», передача 100 франков Фонду Вольной русской прессы через И.Н.Кашинцева в 1897 г. — помощь народоуправцев революционным эмигрантам (см.: *Широкова В.В.* Указ. соч. С.161–165). Надуманность этого мнения очевидна. Лекции, как будет показано ниже, были связаны исключительно с Комиссией по организации домашнего чтения. Денежная помощь Милокова Фонду имела место через три года после ликвидации партии «Народного права».

Помимо этого, В.В.Широкова приписывает Милокову участие в распространении «Открытого письма Николаю II», написанного П.Б.Струве в ответ на царскую речь 17 января 1895 г. (*Широкова В.В.* Указ. соч. С.141–142). Но в указанном ею деле нет и намека на участие Милокова в этой акции. Нет таких сведений и в других делах, взятых полицией и министерством юстиции в ответ на распространение «Открытого письма» и других нелегальных изданий. Из московских либералов, по сведениям Департамента полиции, распространением «Открытого письма» занимались В.И.Вернадский, В.А. и Н.А.Гольцевы, И.И. и А.С.Петрункевичи, Д.И.Шаховской (см.: ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.87. Д.925. Л.3 об.; Оп.91. Д.635. Л.63 об.; Оп.93. Д.88. Л.13).

¹³ Историческая записка о деятельности Общества для пособия нуждающимся студентам имп. Московского университета за 25 лет его существования (1874–1898) / Сост. А.А.Иванцов. М., 1899. С.66,98.

С некоторыми студентами у Милокова были достаточно близкие отношения. Так, известный адвокат П.И.Корженевский, бывший в 1890–1894 гг. студентом юридического факультета Московского университета, вспоминал, что в начале 1895 г. он приходил к Милокову для того, чтобы прочесть ему свой рассказ. Занятый Милоков благосклонно выслушал произведение, и дал несколько советов (см.: НИОР РГБ. Ф.436. К.9. Д.6. Л.105 об.–108 об.).

¹⁴ ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.357. Т.2. Л.114–114 об., 114 а,375; Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.2 об.; Д.1719. Ч.1. Л.274; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.108 об.; РГИА. Ф.878. Оп.1. Д.40. Л.54–55; Ф.1604. Оп.1. Д.212. Л.12 об.,18–19 об.; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.86. Т.5. Л.98–99; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.27; *Ельяшев В.Б.* Из воспоминаний старого московского студента (1892–1896 гг.) // Памяти русского студенчества: Воспоминания конца XIX, начала XX веков. Париж, 1934. С.109–110; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.179–180. В ряде работ встречаются лишние всякого фактического подкрепления мнения об участии Милокова в подготовке нелегального студенческого съезда.

¹⁵ *Чернов В.М.* Записки социалиста-революционера. Берлин-Пгг.-М., 1922. Кн. 1. С.166; *он же.* Перед бурей. С.69.

¹⁶ *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С.163.

¹⁷ *С.М. [Мицкевич С.И.]* На заре рабочего движения в Москве // Текущий момент. М., 1906. С.4 отд. паг; *он же.* На грани двух эпох. М., 1937. С.123; *он же.* Революционная Москва. С.138. В 1894 г. Д.П.Калафати был исключен из университета, а в 1897 г. выслан из Москвы на 3 года в Николаев. В 1902 г. он привлекался к дознанию по делу о Южнорусском рабочем союзе. В 1903 г. Калафати участвовал во II съезде РСДРП от г. Николаева (см.: ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.6. Ч.2858. Л.16 об.,39; РГИА. Ф.468. Оп.42. Д.1906. Л.7–7 об.; Ф.733. Оп.194. Д.1523. Л.34; *Меньшиков Л.П.* Русский политический сыск за границей. Париж, 1914. Ч.1. С.176).

¹⁸ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.70 об.; *Алексеев Н.А.* Из воспоминаний «В.И.Ленин в Лондоне (1902–1903 годы)» // Воспоминания о В.И.Ленине. М.,1989. Т.3. С.92; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.208,424–425; ПНМ. С.3; *Чернов В.М.* Записки... С.170; *он же.* Перед бурей. С.70.

¹⁹ *Н.С. [Богораз В.Г. (Н.М.)]* Борьба общественных сил в России. [Новочеркасск; Екатеринбург], 1886. [1], 86 с. (Б-ка Народной воли. Вып.1); *Чернов В.М.* Записки... С.165; *он же.* Перед бурей. С.70,71.

²⁰ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.90. Л.83; Ф.505. Оп.1. Д.26. Л.54; *Белоконский И.П.* Земское движение. М., 1914. С.7,12; Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. С.97,99; *Семашко Н.А.* Указ. соч. С.138; *Смолина Н.С.* В.А.Гольцев // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1994. Т.1. С.589; *Чернов В.М.* Записки... С.170–175; *он же.* Перед бурей. С.70–72.

²¹ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912–916. Л.1–1 об.,3; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3405. Л.2–3; Д.3490. Л.1; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.2–3; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2859. Л.16 об.; Д.3548. Л.20 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.165–166; *он же.* Летний университет в Англии: (Из поездки в Кембридж) // МБ. 1894. № 5. С.194; *он же.* Федерация // ПН. 1939. 5 марта; *Войер П.* П.Н.Милокову // Там же. 1939. 23 марта.

Предположение Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина о встрече Милокова с Драгомановым на квартире А.В.Гольштейн неверно, т.к., судя по письму Милокова Гольштейн, до 1897 г. они были незнакомы (см.: Miliukov P.N. to A.V.Gol'stein, August, 30, 1897 // A.V.Gol'stein papers. ВА; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* М.П.Драгоманов и П.Н.Милоков о самоуправлении и федерации // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С.83).

²² АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.7. Л.3; ГАРФ. Ф.102. 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.65–65 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.30 об.; Д.5692. Л.73–73 об.; РГИА. Ф.1604. Оп.1. Д.214. Л.6; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.86. Т.6. Л.71–74 об.; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.43 об.,44 об.; *Викторов В.М., Куманев В.А.* Скворцов-Степанов. М., 1986. С.23; *Киреева Р.А.* Воспоминания и дневниковые записки деятелей культуры о В.О.Ключевском // АЕ за 1980 г. М., 1981. С.316; *Ключевский В.О.* Памяти в бозе почившего государя императора Александра III: Речь, произнесенная в заседании имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. председателем общества В.О.Ключевским. М., 1894. 7 с.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.183; *Степанов И. [Скворцов И.И.]* Из воспоминаний // На заре рабочего движения в Москве. С.99; *Шмидт С.О.* Воспоминания С.К.Богоявленского... С.311.

Сохранилось всего лишь несколько экземпляров брошюры В.О.Ключевского с вклеенным стихотворением. Один из известных нам находится в фонде исследователя студенческого движения В.И.Орлова (см.: ОРПК НБ им. А.М.Горького МГУ. Ф.21. Оп.1. Д.27).

²³ ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.357. Т.2. Л.128,174 об.; Ф.102. 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.66 об.,330 об.–331; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.33 об.; НИОР РГБ. Ф.70. К.32. Д.14. Л.15–16; ОПИ ГИМ. Ф.448. Оп.1. Д.6. Л.21; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.28–28 об.,30; РГИА. Ф.733. Оп.194. Д.1523. Л.34–34 об.; Ф.878. Оп.1. Д.28. Л.62; Д.40. Л.9–11 об.; Ф.1604. Оп.1. Д.212. Л.20–23 об.; Д.214. Л.6 об.–7 об.; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.86. Т.6. Л.1–5 об.; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.43 об.–45; *Боголенов Н.П.* Указ. соч. С.10.

15 февраля 1912 г. на заседании Государственной Думы благодаря провокационному высказыванию В.М.Пуришкевича разразился небольшой скандал вокруг роли Милокова

в составлении профессорской петиции 1894 г. После выступления Милокова по поводу речи министра народного просвещения Л.А.Кассо Пуришкевича, неверно процитировав недавно вышедшие записки Н.П.Боголепова, приписал Милокову роль «шпиона и передатчика». Основой для этого, по мысли Пуришкевича, служил приведенный в записках Н.П.Боголепова разговор Л.М.Лопатина и П.М.Чернинова, в котором Милоков назывался посредником между В.И.Герье и Союзным советом. В ответной речи Милоков попытался дезавуировать обвинения Пуришкевича. Вскоре «Русские ведомости» опубликовали письмо профессора Московского университета Л.М.Лопатина, который доказывал, что никогда не называл Милокова «шпионом», тем более, что в записках Боголепова не было таких обвинений. Забеспокоился и Герье, имя которого тоже прозвучало на заседании Думы. Он переговорил с Лопатиным, и последний заявил, что никогда не называл Милокова посредником между Герье и Союзным советом. Вскоре инцидент был забыт (НИОР РГБ. Ф.70. К.32. Д.14. Л.15-16; Государственная Дума. Заседание 15-го февраля // РВед. 1912. 16 февраля; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия V. Часть II. Заседание 69. 15 февраля 1912 г. СПб., 1912. Стб.2297-2303,2310-2312; *Лопатин Л.М.* Письмо в редакцию // РВед. 1912. 17 февраля).

²⁴ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.71. Л.52; ГАРФ. Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.109; Ф.579. Оп.1. Д.3661. Л.1; Д.5165. Л.1; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3547. Л.18 об.-19; Д.3548. Л.8; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.173; *Balmont C.* Russia // The Athenaeum. 1898. № 3688. July, 2. P.25-26; *Bogdanovič de L.A.* Russia // Ibid. 1897. № 3636. July, 3. P.26-28; *Kropotkin P.* Russia // Ibid. 1888. № 3167. July, 7. P.25-27; *Varsher S.* Russia // Ibid. 1887. № 3114. July, 2. P.15-16.

²⁵ *Milyoukov P.* Russia // The Athenaeum. 1889. № 3219. July, 6. P.26-28; 1890. № 3271. July, 5. P.25; 1891. № 3323. July, 4. P.29-30.

²⁶ *Milyoukov P.* Russia // The Athenaeum. 1892. № 3375. July, 2. P.25; 1893. № 3427. July, 1. P.27-28; 1894. № 3480. July, 7. P.22-24.

²⁷ *Milyoukov P.* Russia // The Athenaeum. 1895. № 3532. July, 6. P.24-25; 1896. № 3584. July, 4. P.25-26.

Часть черновика обзора за 1894/95 год, где речь шла о книге П.Б.Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» и оценке Милоковым дискуссии народников и марксистов, сохранившуюся в личном фонде Милокова, некоторые историки приняли за неопубликованную рецензию на работу Струве. На самом деле эта часть черновика была включена в обзор для журнала «The Athenaeum» и опубликована в 1895 г. (ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3399. Л.1-1 об.; *Селезнева Л.В.* Российский либерализм на рубеже 19-20 веков и европейская политическая традиция. Дис. ... докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1996. С.151; *Широкова В.В.* Указ. соч. С.80; *Milyoukov P.* Russia // The Athenaeum. 1895. № 3532. July, 6. P.25).

²⁸ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.2908. Л.2; Д.3389. Л.1-11 об.; Д.5388. Л.90; ОРРК РНБ. Ф.874. Оп.1. Д.43. Л.108; Д.46. Л.231-231 об.; *Викторович В.А.* В.Р.Зотов // Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь. М., 1992. Т.2. С.355; *[Зотов В.Р.]* Заграничные исторические новости // ИВ. 1889. № 10. С.221-224; *[он же]*. Заграничные исторические новости // Там же. 1890. № 9. С.705-706; *[он же]*. Заграничные исторические новости // Там же. 1891. № 9. С.768-771; *[он же]*. Заграничные исторические новости // Там же. 1892. № 9. С.741-744; *[он же]*. Заграничные исторические новости // Там же. 1893. № 9. С.831-833; *[он же]*. Заграничные исторические новости // Там же. 1894. № 9. С.889-890; *Милоков П.Н.* Заметка pro domo sua // РМ. 1889. № 11. С.241-244 отд. паг.; *он же*. Письмо в редакцию // ИВ. 1891. № 1. С.298; *С.Ш. [Шубинский С.Н.]* Пятидесятилетие литературной деятельности В.Р.Зотова // ИВ. 1890. № 11. С.513.

²⁹ См., например: *Милоков П.Н.* Памяти Г.А.Джаншиева (читано в С.-Петербурге, в Соляном городке, на вечере в память Г.А.Джаншиева, 26-го ноября 1900 г.) // РВед. 1900. 4 декабря.

³⁰ ЦИАМ. Ф.16. Оп.83. Д.11. Л.1; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.170; *он же*. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл.Соловьев // ВФП. 1893. № 3 (18). С.46-96 отд. паг.; *он же*. Russia // The Athenaeum. 1889. № 3219. July, 6. P.27-28; Московские вести // РВед. 1893. 25 января; Отчет о публичных лекциях // РМ. 1893. № 4. С.167. Милоков долго не мог получить отдельных оттисков «Разложения славянофильства», полагая, что они задержаны цензурой (см.: ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.17 об.,19).

³¹ *Введенский А.И.* Западная действительность и русские идеалы. Письмо седьмое и последнее // БВ. 1893. № 12. С.529,535-539; Из русских изданий // КН. 1893. № 7. С.266-270 отд. паг.; Из русских изданий // Там же. 1894. № 9. С.225-228 отд. паг.; *Киреев А.А.* Наши противники и наши союзники // 12 и 19 декабря 1893 г. Протоколы общих собраний гг. членов С.-петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1894. С.5-23; *Л.Т. [Тихомиров Л.А.]* Новое заявление славянофилов // РО. 1894. № 4. С.917,922; *Милоков П.Н.* По поводу «Замечаний» Вл.С.Соловьева // ВФП. 1893. № 4 (19). С.103-105 отд. паг.; *он же*. Разложение славянофильства // *Милоков П.Н.* Из истории русской интеллигенции: Сб. ст. и этюдов. СПб., 1902. С.296. Прим.1; *он же*. Славянофильство // ЭС. СПб., 1900. Т.XXX, полутом 59. С.307-314; *он же*. Russia and its Crisis. Crane lectures for 1903. Chicago-Lnd., 1905. P.58-63; *Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю.Н.]*. Славянофильство пред судом либеральной критики (П.Милоков. Разложение славянофильства. Вопросы философии и психологии. Май) // МВ. 1893. 27 мая; *Соловьев В.С.* Замечания на лекцию П.Н.Милокова // ВФП. 1893. № 4 (19). С.149-154; *Тихомиров Л.А.* Русские идеалы и К.Н.Леонтьев // РО. 1894. № 10. С.868,869,873; Торжественное заседание СПб. славянского благотворительного общества // Русская жизнь. 1893. 20 декабря; *Трубецкой С.Н.* Противоречия нашей культуры // ВЕ. 1894. № 8. С.511; *Чуйко В.* Журнальное обозрение // Одесский листок. 1893. 8 июня. Надуманность причисления Милоковым К.Н.Леонтьева и В.С.Соловьева к славянофилам очевидна. Современные исследователи избегают называть Н.Я.Данилевского славянофилом (см.: *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я.Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С.272; *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С.315).

³² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.2503. Л.1-3; Д.2504. Л.1-1 об.; Д.4051. Л.1-1 об.; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.11. Т.1. Л.110-113 об.

В 1895 г. правительством были предложены новые правила членства в комитетах грамотности, согласно которым действительные члены оставались в составе, если пробыли в этом звании более 5 лет. Милоков, как и многие другие активные члены комитетов, пробывшие в членах меньший срок, подлежали отчислению. Протесты членов московского комитета ни к чему не привели, тем более, что вскоре комитеты грамотности были закрыты (см.: НИОР РГБ. Ф.46. К.2. Д.5. Л.8,9).

³³ РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.737. Л.1 об.; ЦИАМ. Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.26 об.,30 об.; *Евринов Б.А.* Библиография печатных трудов Павла Николаевича Милокова (1886-1930) // ПНМ. С.322; *Милоков П.Н.* Попытка государственной реформы при воцарении императрицы Анны Иоанновны // В пользу воскресных школ /Изд. ред. журн. «Русская мысль». М., 1894. С.211-275.

³⁴ АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.32. Л.12; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.287; Страницы автобиографии В.И.Вернадского. М., 1981. С.146.

³⁵ НИОР РГБ. Ф.566. К.3. Д.5. Л.2 об.-3; Отчет о деятельности Комиссии по организации домашнего чтения, состоящей при Учебном отделе О.РТЗ. (1893-94). М., 1897. С.3,4,9.

³⁶ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.174; Notice sur la commission de lectures systematiques a Moscou. Moscou, 1899. P.13.

³⁷ *Милоков П.Н.* Летний университет в Англии: (Из поездки в Кембридж) // МБ. 1894. № 5. С.194-206.

³⁸ Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.71. Л.158 об.,169,172 об.; НИОР РГБ. Ф.566. К.3. Д.5. Л.7; Отчет Комиссии по организации домашнего чтения, состоящей при Учебном отделе Общества распространения технических знаний за 1894 и 1895 годы. М., 1897. С.3,17.

³⁹ РО ИРЛИ (ПД). Ф.377. Оп.4. Д.1517. Л.11; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.175; *Минто В.* Дедуктивная и индуктивная логика /Пер. С.А.Котляревского; Под ред. В.Н.Ивановского. М., 1895. XXI, 539 с.

^{39a} Собственно говоря, первым опытом комиссии в этой области должны были стать публичные лекции профессора И.И.Янжула в октябре-ноябре 1894 г. в Москве «Трудная задача ближайшего будущего» и «Промысловые синдикаты, их роль и значение в народном хозяйстве». Разрешение на их проведение пришло очень поздно, поэтому председатель КПОДЧ П.Н.Милоков попросил отсрочить проведение лекций до конца ноября. По всей видимости, лекции были прочитаны (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.2627. Л.1; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.11. Т.1. Л.116-123,129-130).

⁴⁰ Волгарь (Нижегородский листок). 1894. 11 декабря; *Милоков П.Н.* Летний университет в Англии. С.206; Нижегородский листок. 1894. 5 декабря; 1895. 5 января; Отчет Общества

взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии с 1-го октября 1894 г. по 1-е августа 1895 г. Нижний Новгород, 1895. С.9-10; Рвед. 1894. 18 декабря.

⁴¹ НИОР РГБ. Ф.77. К.3. Д.133. Л.1; Д.149. Л.1-1 об.; К.20. Д.21. Л.1-42; Волгарь. 1894. 21,22,23 декабря; *Короленко В.Г.* Дневник 1893-1894. Т.П // *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Посмертное изд. Т.1-42. Харьков, 1927. [Т.40]. С.327-329; Московские вести // Рвед. 1894. 4,6,9 декабря; Нижегородский листок. 1894. 13, 22,28 декабря; Отчет Общества... С.4.

Кстати, после начала репрессий против Милокова за нижегородские лекции Гольцев тоже попал под подозрение И.Д.Деянова. В марте 1895 г. до министра дошли слухи, что Гольцев прочел в Нижнем Новгороде лекцию «возмутительного содержания». За разъяснениями он обратился в Департамент полиции, откуда ответили, что лекция Гольцева о В.Г.Короленко с разрешения Капниста прошла в конце декабря 1894 г., а в последнее время Гольцев никаких лекций в городе не читал (см.: ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.87. Д.925. Л.86-87 об.). На этом дело заглохло.

⁴² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3398. Л.1-2 об.; Д.3403. Л.1; Оп.3. Д.170. Л.1-2; Волгарь. 1894. 22,23,30,31 декабря; Нижегородский листок. 1894. 23, 25, 29, 30 декабря; 1895. 3 января; Отчет Общества... С.10,11.

⁴³ ЦИАМ. Ф.418. Оп.487. Д.150. Л.2 об.-6; Волгарь. 1894. 25,29 декабря; 1895. 2 января; Нижегородский листок. 1894. 27 декабря. Прибавление к № 349; 29, 31 декабря.

⁴⁴ Изложение лекций И.И.Иванова сделано по: Волгарь. 1895. 3,4,5 января; Нижегородский листок. 1895. 1, 3, 4 января; Отчет Общества... С.31-39.

⁴⁵ Нижегородский листок. 1895. 1 января.

⁴⁶ Изложение лекций П.Н.Милокова сделано по: Волгарь. 1895. 4,5,6,8 января; Нижегородский листок. 1895. 5, 6, 8, 10 января; Отчет Общества... С.40-47. См. также: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3455. Л.1-3; РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.1; *Милоков П.Н.* Н.Ф.Анненский // Речь. 1912. 27 июля.

⁴⁷ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.4.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.4, 4 об.; Д.1124. Л.43 об.; Волгарь 1895. 6,8 января; Нижегородская жизнь // Саратовский дневник. 1895. 20 января; Нижегородский листок. 1895. 7 января; Отчет Общества... С.4; Рвед. 1895. 11 января; *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. М.-СПб.,1995. С.185.

⁴⁹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.92. Д.382. Л.63,64; Д.1532. Л.2; Оп.93. Д.251. Т.1. Л.3-3 об., 11-11 об.; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.843; НИОР РГБ. Ф.135. Разд.П. К.29. Д.72. Л.6-7; *Короленко В.Г.* Дневник 1893-1894. Т.П. С.337; *Милоков П.Н.* Н.Ф.Анненский // Речь. 1912. 27 июля; Нижегородский листок. 1894. 15, 17 декабря.

⁵⁰ ПФА РАН. Ф.137. Оп.8. Д.84. Л.1-2; *Кранихфельд В.П.* В.Я.Яковлев-Богучарский: (По материалам Департамента полиции, Московского охранного отделения и по личным воспоминаниям) // Былое. 1917. № 1 (23). С.252-253; *Шаховской Д.И.* Толстой и русское освободительное движение. С.316; *он же.* В годы перелома (Отрывки из воспоминаний) // Вестник сельского хозяйства. 1920. № 4. Стб.24. В «Воспоминаниях» Милокова эта встреча перепутана с собранием для борьбы с голодом (ср.: *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.180).

⁵¹ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.210. Л.158; Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.11-11 об.; Д.1124. Л.43-43 об.; РГИА. Ф.1405. Оп.539. Д.229. Л.1-2; *Короленко В.Г.* Дневник 1895 - 1898. Т.П // *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Посмертное изд. Т.1-42. Харьков, 1927. [Т.41]. С.107-108.

⁵² РГИА. Ф.733. Оп.194. Д.1597. Л.5-6.

⁵³ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С.182-184.

⁵⁴ РГИА. Ф.733. Оп.194. Д.1597. Л.13,29-31.

⁵⁵ РГИА. Ф.468. Оп.42. Д.1906. Л.30; Ф.733. Оп.150. Д.1169. Л.15; Оп.194. Д.1523. Л.48; ЦИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.4685. Л.1-1 об.; Ф.418. Оп. 226. Д.23. Л.4.

⁵⁶ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.90. Л.33-35; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.157; Ф.579. Оп.1. Д.5 а. Л.1-1 об.; НИОР РГБ. Ф.566. К.4. Д.3. Л.1-2 об.; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.86. Т.5. Л.119-119 об.; Ф.418. Оп.476. Д.22. Л.6 об.

Ходили слухи, что Милоков ездил в начале февраля 1895 г. в Петербург с повинной. Сам Милоков опровергал подобные слухи. Другим опровергаемым слухом в начале февраля 1895 г. стало известие, что Милокова выслали из Москвы (ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.34; Д.5692. Л.77). Но вскоре последний слух стал реальностью.

⁵⁷ ГАРФ. Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.157-158, 159 об.; РГИА. Ф.733. Оп.194. Д.1597. Л.50.

⁵⁸ ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.477. Л.1,2,6,7,13,20-22; Оп.15. Д.90. Л.36-37, 39-39 об., 53-53 об., 60,63 об.; Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.5, 16-21,25, 32-33 об.; Ф.124. Оп.4. Д.61. Л.1-1 об.; Ф.579. Оп.1. Д.3402. Л.1-2; НИОР РГБ. Ф.70. К.38. Д.118. Л.13-13 об.,15; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.11. Т.2. Л.1-6,12-15 об.; Д.86. Т.5. Л.120-123 об.; Ф.418. Оп.226. Д.23. Л.1; Оп.64. Д.39. Л.3; Ф.459. Оп.2. Д.4685. Л.12.

⁵⁹ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.210. Л.118; Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.13; РГИА. Ф.733. Оп.194. Д.1597. Л.44,47-48; *Киселевтер А.А.* На рубеже двух столетий. С.300-302.

⁶⁰ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.32 об.; РГИА. Ф.733. Оп.194. Д.1597. Л.50-51,62-63; ЦИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.4685. Л.9-15.

⁶¹ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.231. Д.170. Л.35 об.,43; ИО. 1895. Т.8. С.18,36,37,43,45; Отчет Комиссии по организации домашнего чтения, состоящей при Учебном отделе Общества распространения технических знаний за 1894 и 1895 годы. М., 1897. С.16; Программы домашнего чтения на 1894-1895 годы. М., 1894. С.120; Программы домашнего чтения на второй год систематического курса. М., 1896. С.XVI,234; Программы домашнего чтения на 3-й год систематического курса. М., 1897. С.XVI,218,220-231,237-238; Программы чтения для самообразования: Сб. содействия самообразованию /С приложением ст. Н.И.Кареева, В.И.Семевского, М.С.Корелина и И.М.Сеченова. СПб., 1895. С.26,28,34-37; Программа чтения для самообразования. 2-е изд. перераб. и доп. СПб., 1897. С.53-55,57,246; Notice... P.4.

⁶² *Демидов И.П.* П.Н.Милоков как учитель // ПНМ. С.155; *Короленко В.Г.* Дневник 1895-1898. Т.П. С.124.

⁶³ См., например: *Бердяев Н.А.* Русский духовный ренессанс начала XX в. // Зап. Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1992 - 1993. Т.25. С.13.

⁶⁴ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.90. Л.52-52 об., 54-55 об.; Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.35; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.842,844,847,857; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.86. Т.5. Л.123 об.; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.50,50 об.

⁶⁵ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.90. Л.58-58 об., 70-70 об.; Ф.102. 3-е д-во. Оп.87. Д.925. Л.3 об.; Оп.93. Д.251. Т.1. Л.6-7, 35-35 об.; Д.1124. Л.14; ОО. Оп.226. Д.347. Л.7; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.86. Т.5. Л.124-125 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.181.

Мысль подать Милокову адрес родилась после лекции, где он объявил о запрещении ему преподавать. По предложению Кавказского землячества адрес было решено заменить депутатией на дом, т.к. студенты боялись, что адрес попадает в руки полиции. Но, в конце концов, адрес был написан и вручен на вокзале. Н.П.Боголепов в своих записках упоминает о сборе денежных средств в пользу Милокова (См.: ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.32-32 об.; *Боголепов Н.П.* Указ. соч. С.55).

⁶⁶ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.6-7 об.; 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.259 об.; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2859. Л.47 об.; *Боголепов Н.П.* Указ. соч. С.53, 55; XIX и XX Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи, по государственным преступлениям за 1895 и 1896 гг. Б.м., б.г. С.235-236.

⁶⁷ P.N.Miliukov to M.M.Kovalevskii, May, 4, 1895 // M.M. Kovalevskii papers. ВА; Архив МГУ. Ф.213. Оп.1. Д.72. С.91; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.35-35 об.; НИОР РГБ. Ф.157. К.П. Д.83/2. Л.8 об.; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5692. Л.80 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф.599. Оп.1. Д.176. Л.2 об.; ЦИАМ. Ф.16. Оп.84. Д.86. Т.5. Л.124 об.-125 об.; Ф.2202. Оп.3. Д.1. Кн.2. Л.48 об.; *Боголепов Н.П.* Указ. соч. С.53, 59; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.181.

⁶⁸ Летучие листки, издаваемые Фондом Вольной русской прессы. 1895. 29 марта. № 18. С.5; *Тарасов К.* [Русапов Н.С.]. На рубеже двух царствований (Александр III - Николай II). [Женева, 1895]. С.44. Прим.; *Бурцев В.Л.* За сто лет (1800-1896): Сборник материалов по истории политического и общественного движения в России. В 2-х ч. Lnd., 1897. [Ч.2]. С.147 отд. паг. Помимо отдельного издания, работа Н.С.Русанова была напечатана в журнале «С родины и на родину» (1895. № 5), прилагавшемся к книге П.Л.Лаврова «Народники 1873-1878 года; 1,2)» (Женева, 1895).

⁶⁹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.7-7 об.

⁷⁰ ГАРФ. Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.3-4,6-7 об.,8-8 об.; Ф.5. Оп.4. Д.2851. Л.2; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.6 об., 37; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.20-21; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.184.

Рязанская губерния уже фигурировала не с самой лучшей стороны в биографии одного из членов семьи Милоковых. В 1828 г. дед будущего историка - П.А.Милоков — был обвинен в незаконных поборках с крестьян с.Петровского (Маливы тож) Егорьевского уезда, Рязанской губернии. К счастью для П.А.Милокова, была выяснена надуманность обвинения и подозрения с него были сняты (см.: РГИА. Ф.472. Оп.2. Д.809. Л.165-167).

⁷¹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.42-43,47-48 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф.599. Оп.1. Д.176. Л.2 об.

⁷² P.N.Miliukov to M.M.Kovalevskii, May, 4, 1895 // M.M.Kovalevskii papers. ВА; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.360. Л.9 об.-10; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.181. Об особенностях логики генерала Н.И.Петрова см.: П. Департамент полиции в 1892-1908 гг.: (Из воспоминаний чиновника) // Былое. 1917. № 5-6 (27-28). С.18-19.

⁷³ ГАРО. Ф.5. Оп.4. Д.2873. Л.8; Ф.1292. Оп.1. Д.29. Л.184, 187 и сл.; Д.58. Л.64; Д.77. Л.6-6 об., 35, 36; Ф.Р-5039. Оп.1. Д.281. Л.1,5-7 об.,14-15; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.4,21; Ф.162. К.2. Д.42. Л.1, 3 об.; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691. Л.120 об.

⁷⁴ А.А.Grunau to A.S.Miliukova, June, 5, 1900 // P.N.Miliukov papers. ВА; АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.5; Ф.518. Оп.7. Д.360. Л.9 об.; Оп.7. Д.332. Л.33; ГАРО. Ф.5. Оп.4. Д.2851. Л.18, 20, 23; Д.2873. Л.8 об.; Ф.639. Оп.23. Д.31. Л.70; Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.10-10 об., 12-12 об., 17, 35; Ф.Р-5039. Оп.1. Д.71. Л.1, 32; Ф.5. Оп.4. Д.2873. Л.8; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4146. Л.4; Оп.3. Д.266. Л.36; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.5-5 об.,15,20; Ф.358. К.159. Д.5. Л.64; ОРРК РНБ. Ф.455. Оп.1. Д.6. Л.25; Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.35; Д.5692. Л.80 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф.599. Оп.1. Д.176. Л.2-2 об.; *Винавер Р.Г.* Указ. соч. С.259; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.184; *он же.* Памяти Н.В.Растова // Речь. 1913. 24 января. Авторы благодарны И.Г.Хомяковой, любезно предоставившей в их распоряжение выписки из неопубликованных воспоминаний Н.А.Рубакина.

А.Е.Пресняков в одном из писем матери сообщал слух, что жену Милокова внесли в вагон без чувств (см.: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.39. Л.109).

⁷⁵ N.S.Korvin-Krukovskii to P.N.Miliukov, January, 19, 1900 // P.N.Miliukov papers. ВА; ГАРО. Ф.5. Оп.4. Д.2411. Л.6-6 об., 10 об., 13, 15; Ф.609. Оп. 6/д. Д.5. Л.2-4; Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.15-15 об.; Д.79. Л.203; *Бардин И.П.* Профессор Василий Петрович Ижевский // Труды по истории техники. М., 1954. Вып.V. С.69; *Федоров А.С.* Творцы науки о металле. М., 1980. С.129.

⁷⁶ ГАРФ. Ф.63. Оп.16. Д.349. Л.1, 16-16 об.; Ф.579. Оп.1. Д.5585. Л.1,4; Ф.102. 3-е д-во. Оп.91. Д.436. Л.69,179,237-239; ГАРО. Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.50-52; НИОР РГБ. Ф.358. К.159. Д.5. Л.57,63,64; ОРРК РНБ. Ф.455. Оп.1. Д.2. Л.3,5; Д.6. Л.3,4,16,17,40; Д.10. Л.47; *Лутохин Д.А.* Зарубежные пастыри //Вст. статья и публ. Ю.И.Комболина; Комментар. А.Л.Дмитриева и Ю.И.Комболина // Минувшее: исторический альманах. СПб., 1997. Вып.22. С.50; *Рубакин А.Н.* Над рекою времени. М., 1966. С.19; Рязанский листок. 1896. 24 ноября.

⁷⁷ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.115,116; ГАРО. Ф.1292. Оп.1. Д.58. Л.90.

⁷⁸ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3507. Л.1-2 об.; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.11. Л.15; Д.22. Л.5,6-7,12,16,18,18 об.,20; К.15. Д.46. Л.1; *Мачтет Г.А.* Чествование В.А.Гольцева // Саратовский дневник. 1895. 30 декабря; *М-н А. [Малеин А.И.]*. Рец. на: Иностранные университеты //Сост. под ред. Л.А.Богдановича. М., 1899. Вып.1. Университеты Англии и годы студенчества ее знаменитых людей. //ИВ. 1899. № 7. С.319; Периодические издания //РМ. 1894. № 6. С.327-328 отд. паг.; П.Н.Милоков // Русские ведомости, 1863-1913; Сб. ст. С.116 отд. паг.

⁷⁹ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.5 а—5 а об.; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.7.

Своим рязанским знакомым Милоков давал читать литографированное «Введение в курс русской истории». Так, эти лекции читал коллега Милокова по архивной комиссии А.И.Черепнин, через которого с ними ознакомился другой член комиссии, архимандрит Владимир, выражавший даже желание купить литографированный курс (см.: ГАРО. Ф.1373. Оп.1. Д.7. Л.12). Тот же Черепнин помог советами и рекомендациями Милокову в работе над вторым изданием 1-й части. Помимо этого, Черепнин давал читать историку черновые рукописи своих работ о русской денежной системе (*Малченко В.С.* Алексей Иванович Черепнин // РА. 1906. № 1. С.169; *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1896. Ч.1. С.1 отд. паг.; Справочный листок 3-го областного историко-археологического съезда в губ. гор. Владимире. 1906. № 8. С.57; Труды третьего историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире, 20-26 июня 1906 года. С приложением 49 таблиц рисунков. Владимир, 1909. С.89).

⁸⁰ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.5 а; ГАРО. Ф.639. Оп.2. Д.31. Л.4 об.-5,11 об.-12, 21 об.-22; РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.4 об.; *В.Т. [Тимирязев В.А.]*. Рец. на: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: Литературно-науч. сб. М., 1897 // ИВ. 1898. № 2. С.738; *Милоков П.Н.* Университетский курс Грановского // *Милоков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С.214-215; Новый благотворительный сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» // РВед. 1897. 8 октября.

Возможно, что рукопись лекций попала от М.М.Латышева к Милокову через врача Н.Латышева, родственнику первого. Несмотря на заверения Милокова о передаче лекций в Исторический музей, рукопись пропала. Исследовавший неопубликованные лекции Грановского историк М.Н.Коваленский в 1913 г. не смог найти ее в музее, а сотрудники оного утверждали, что рукопись к ним не поступала. Письмо Коваленского к Милокову с просьбой указать судьбу рукописи осталось без ответа (См.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4630. Л.1; *Коваленский М.Н.* Неизданные университетские курсы Грановского // ГМ. 1913. № 9. С.201-202).

⁸¹ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.5; ГАРО. Ф.4. Оп.47. ТХ1. Д.10075. Л.1,2,5; Ф.639. Оп.32. Д.15. Л.2,3; Ф.641. Оп.1. Д.7185. Л.1,5 об.-6; Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.50; НИОР РГБ. Ф.162. К.2. Д.42. Л.1; *Белокопский И.П.* В годы бесправия: (Дань времени. Часть II). М., 1930. С.91; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.185.

Свидетельство, приводимое В.Н.Шульгиным, со слов своего отца о том, что Милоков постоянно фальшивил, относится к числу недостоверных. Тем более, что Милокову приписывается игра на флейте (см.: ГАРО. Ф.Р-4429. Оп.1. Д.178. Л.13; Д.180. Л.2). Другое фантастическое свидетельство появилось еще при жизни Милокова. В журнале «Солнце России» сообщалось об инциденте на концерте рязанского симфонического оркестра (!), в котором принимал участие Милоков (!). На концерт пришел губернатор, и полицмейстер, желая проявить усердие, потребовал от Милокова покинуть сцену. Концерт прервался, т.к. первая скрипка (!) была отправлена под конвоем домой. Губернатору доложили о случившемся, и он разрешил вернуть Милокова. После этого концерт продолжился (см.: П.Н.Милоков // Солнце России. 1913. № 35 (186). С.4). Несмотря на явные несуразицы пересказ этой заметки появился в местной газете (см.: П.Н.Милоков в Рязани // Рязанская жизнь. 1913. 4 сентября).

⁸² АДП. ОРРК РНБ. Ф.482. Оп.1. Д.266. Л.1; АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.32. Л.16 об.; Оп.3. Д.261. Л.20; Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.5; ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.90. Л.85, 86-87 об.; Оп.16. Д.1550. Л.1-4,7 об.,11 об.-12 об.,29; Ф.102. ОО. Оп.226. Д.106. Л.1-12 об.; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.5 об.,18 об.; РГАЛИ. Ф.80. Оп.1. Д.152. Л.1 об.,6; Ф.640. Оп.1. Д.126. Л.1-2; *Вернадский В.И.* Письма Н.Е.Вернадского. 1893-1900. М., 1994. С.173,175,201,210. Кстатки, В.Д.Таптыкова писала Милокову и в Болгарию (см.: ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.73; Ф.505. Оп.1. Д.26. Л.45-45 об.,79).

⁸³ ГАРО. Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.51; *Кранихфельд В.П.* Указ. соч. С.252.

⁸⁴ АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1075. Л.4; ГАРО. Ф.5. Оп.4. Д.2873. Л.8-8 об.; Д.2896. Л.119-120, 123,131-132; ПФА РАН. Ф.45. Оп.2. Д.671. Л.1; РГАЛИ. Ф.80. Оп.1. Д.152. Л.1 об.,3-6; ЦИАМ. Ф.16. Оп.86. Д.1. Л.362-365 об.; Московские вести // РВед. 1896. 15 декабря; Отчет правления Общества вспомоществования нуждающихся воспитанникам рязанских гимназий и прогимназий за 1896/7 учебный год. Рязань, 1898. С.4,25-28; Публичная лекция проф. И.И.Янжула «В поисках за рынками» // РВед. 1896. 4 декабря; Рязанский листок. 1896. 21 декабря; 1897. 21 сентября; *Семенов М.* Письмо к редактору «Русских ведомостей» // РВед. 1896. 28 декабря.

⁸⁵ АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.261. Л.74,82; Д.1834. Л.34; Оп.7. Д.332. Л.33; Д.360. Л.11-13; ГАРО. Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.22-29; ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.153. Т.1. Л.3,5,6; Д.267. Л.200, 248; Ф.102. 3-е д-во. Оп.98. Д.156. Л.3-3 об.; 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.235 об.; ОО. Оп.227. Д.148. Л.1; ЦИАМ. Ф.418. Оп.514. Д.26. Л.1-5; *Вернадский В.И.* Письма Н.Е.Вернадской. 1893-1900. С.173,176, 179,193.

⁸⁶ АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.261. Л.74,82; Оп.7. Д.360. Л.12-13; ГАРФ. Ф.63. Оп.4. Д.30. Л.4; Оп.14. Д.95. Л.2, 12, 13, 20-21; Ф.102. 3-е д-во. Оп.87. Д.223. Л.82; Оп.93. Д.251. Т.1. Л.114, 117 а; Оп.96. Д.752. Л.1-2; ОО. Оп.226. Д.448. Л.1-2 об.; Оп.231. Д.1234. Л.3 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1 С.164; *он же.* Из истории русской интеллигенции. С.82.

В 1892 г. В.И.Семезовский пытался через Милокова выяснить судьбу рукописи своего пасынка Н.В.Водозова о Ш.Фурье, посланной в «Русскую мысль», а чуть позже — опубли-

ликованной в журнале. Во время одной из встреч в Петербурге Н.В.Водовозов обратил внимание Милокова на первые работы В.И.Ульянова (P.N.Milukov to V.I.Nicolaevsky, January, 5, 1928 // V.I.Nicolaevsky Collection. Box 794. File 13. HI; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5672. Л.11-11 об.; *Водовозов Н.В.* Фурье: (Опыт критического обзора его учения) // РМ. 1892. № 9. С.25-45 отд. паг.).

Осенью 1895 г. в «Олеизе» проживала также сестра М.И.Водовозовой, Е.И.Токмакова, но в жандармских документах нет сведений о контактах Милокова со своей бывшей ученицей. Сестры Токмаковы вели знакомства с оппозиционно настроенной молодежью. Более того, младшая сестра Елена была привлечена в 1894 г. к дознанию об антиправительственной пропаганде среди петербургских рабочих, и состояла с этого года под особым надзором полиции. Позже Е.И.Токмакова вышла замуж за известного экономиста и философа С.Н.Булгакова (См.: ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.119. Л.1 об.,5 об.,8,81,99).

⁸⁷ ГАРФ. Ф.63. Оп.15. Д.90. Л.83-83 об.; Ф.102. 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.88 об., 118 об., 134; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.109 об.; РГИА. Ф.878. Оп.1. Д.40. Л.76 об.; Ф.1405. Оп.521. Д.444. Л.261-262,277-278; *Боголенов Н.П.* Указ. соч. С.53; Летучие листки, издаваемые Фондом Вольной русской прессы. 1895. 15 сентября (н.с.). № 24. С.5; XIX и XX Обзоры... С.169.

Данная заметка в «Летучих листках» вызвала беспокойство А.М.Калмыковой, которой указание Милокова на Г.Бельтова (Г.В.Плеханова) и П.Б.Струве как на представителей крайнего направления показало себя безактностью и непростительным промахом. Она советовала Струве при возвращении в Россию не брать с собой ничего предосудительного (см.: РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.80. Л.28 об.).

⁸⁸ ГАРФ. Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.30-36 об., 38-42; ГАРФ. Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.95-99,102,106-109 об.,147 об.-149 об.,160-160 об.; РГИА. Ф.878. Оп.1. Д.29. Л.101; Д.40. Л.54-55; Ф.1405. Оп.521. Д.444. Л.278 об.-279; XIX и XX Обзоры... С.169-170; *Милоков П.Н.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 4. С.112.

«Обзор...» показал полную неосведомленность Московского ГЖУ в вопросе какую наказания меру и за что применило к Милокову МВД. Жандармы полагали, что Милоков выслан на три года за агитацию среди студентов по делу о петиции (См.: XIX и XX Обзоры... С.170).

⁸⁹ ГАРФ. Ф.505. Оп.1. Д.25. Л.15-15 об.; Ф.539. Оп.1. Д.3195. Л.63; Ф.579. Оп.1. Д.3663. Л.1; Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.54,64; ОО. Оп.232. Д.1383. Л.1-2,4-6,73; ДАС. Ф.994 к. Оп.2. Д.5. Л.54 об.; НИОР РГБ. Ф.70. К.38. Д.117. Л.3 об.,4,5 об.; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.84. Л.35 об.; *Афанасьев Г.Е.* К кончине графа С.Ю.Витте // Волны (СПб). 1915. № 3. Стб.97; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. Ч.1. С.126; 1931. Ч.2. С.2-3; Г.Е.Афанасьев // Русские ведомости, 1863-1913: Сб. ст. С.18 отд. паг. *Горина Л.В.* Марин Дринов - историк и общественный деятель. М., 1986. С.124; *Кауфман А.Е.* За кулисами университета-юбиляра: (Из воспоминаний и встреч) // ГМ. 1915. № 10. С.166-167; *Попов Г.Н.* Учен. д-р, д-р, д-р, д-р, д-р // Марин Дринов, 1836-1906: Библиографски указател и документално наследство. София, 1990. С.15.

⁹⁰ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.8-8 об.,55; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.1 об.; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.855.

⁹¹ ГАРФ. Ф.505. Оп.1. Д.27. Л.15; Д.31. Л.21,25 об.-26,39 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.111. Л.1-1об.; *Амфитеатров А.В.* Софийское житье-бытье: (Болгарские типы и картинки) // ИВ. 1896. Т.64. № 5. С.552; *он же.* Недавние люди. СПб., 1901. С.108; Исток (София). 1898. 11 ноября; *Ковалевский М.М.* Месяц в Сицилии // ВЕ. 1896. № 10. С.425,431.

⁹² ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.855-856,858,860; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.35; Д.5692. Л.87; Дневники (стенографически) на Осмото Обикновенно Народно Събрание. Втора редовна сессия. София, 1896. Кн.2. С.728.

⁹³ ГАРФ. Ф.579. Оп.3. Д.266. Л.33-33 об.

⁹⁴ ДАС. Ф.994 к. Оп.2. Д.7. Л.14 об.-15; ЦДА. Ф.177. Оп.1. Д.58. Л.1 об.; Дневники (стенографически) на Осмото Обикновенно Народно Събрание. Втора редовна сессия. Кн.2. С.47,59,728-730.

⁹⁵ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.360. Л.14; Д.1075. Л.4; Ф.639. Оп.1. Д.1370-1383. Л.7-7 об.; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.56; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.155; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3549. Л.1-2,5; Д.5692. Л.87,88 об.; Ф.760. Оп.1. Д.41. Л.14-20 об.; *Баскаков В.Н., Алексеев А.В. Е.П.Леткова* // Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь. М., 1994. Т.3. С.350-351; *Бокова В.М.* Баронесса Игалька // Лица. М.-СПб., 1994. Вып.4. С.121; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.53,181; *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т.69. С.26.

⁹⁶ ГАРФ. Ф.102. 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.426-427; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.153-154; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.851-852; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1477. Л.1-5 об.; Д.3548. Л.38; Д.3549. Л.3-4; РГИА. Ф.1405. Оп.539. Д.229. Л.3-3 об.,4 об.,16-21.

⁹⁷ ГАРФ. Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.155-161 об.

⁹⁸ ГАРФ. Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.55-56; Ф.5. Оп.4. Д.2851. Л.11-11 об., 14,15; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.75 об.; Т.2. Л.2-2 об.; 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.395 об.-398,480; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.152-152 об., 221-221 об.,223-224,245,247-248 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.4832. Л.1; РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.444. Л.277-281.

⁹⁹ ДАС. Ф.994 к. Оп.2. Д.6. Л.38; Д.294. Л.1-2,5-5 об.; ОПИ ГИМ. Ф.442. Оп.1. Д.51. Л.79,80,82 об.; Ф.448. Оп.1. Д.6. Л.29 об.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.2. Л.2-2 об.

В связи с этой подпиской произошел курьез. Департамент полиции ошибочно направил 12 ноября извещение о подчинении гласному надзору, на котором должен был расписаться Милоков, в Казань. И лишь когда сам Милоков 24 ноября обратился с прошением на имя министра внутренних дел, департамент обнаружил свою ошибку и 2 декабря скомандовал «отбой» казанскому губернатору, а рязанскому, Н.С.Брянчанинову, предложил взять с Милокова требуемую подписку. От казанского губернатора, однако, уже шло навстречу посланное им 30 ноября сообщение: «...По донесению казанского полицмейстера, названного Милокова по розыскам на жительстве в гор.Казани не оказалось». Благо, Милоков уже успел напомнить департаменту свой адрес, а то, пожалуй, его привлекли бы еще к ответственности за попытку «скрыться». В итоге подписка была отобрана у Милокова 13 декабря (Там же. Л.2-8,14,18). Это была не единственная оплошность Департамента полиции, связанная с Милоковым. Еще в телеграмме его директора от 23 февраля 1895 г. в Москву среди запрещенных для Милокова городов вместо Саратова был назван Харьков, и без того запретный как университетский город. С высылаемого Милокова была взята соответствующая подписка. Когда же Московское охранное отделение случайно выяснило ошибку, то оно запросило 21 марта 1895 г. у Департамента полиции подтверждения насчет Саратова. Департамент распорядился «объявить Милокову о Саратове» (см.: Там же. Т.1. Л.44-45).

¹⁰¹ ГАРФ. Ф.5. Оп.4. Д.2851. Л.26-28,33,35; Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.55-56; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.59-60 об.; Т.2. Л.2-2 об.,4-5,11-11 об.,16,20-21 об.,24-24 об.,26,27, 28; Ф.124. Оп.4. Д.59. Л.269-271; Ф.579. Оп.3. Д.266. Л.28 об.

¹⁰² АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.7; ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.95. Л.11 об.; Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.60,62-63 об.; Ф.Р-2798. Оп.1. Д.80. Д.60-60 об.; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.64; Оп.96. Д.47. Т.1. Л.5; Ф.505. Оп.1. Д.25. Л.15; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.851; НИОР РГБ. Ф.135. Разд.П. К.29. Д.72. Л.1-2; Ф.162. К.2. Д.42. Л.3-3 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.37; ПФА РАН. Ф.45. Оп.2. Д.671. Л.1; РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.4-5; Внутренние известия // РВед. 1897. 13 февраля; *Милоков П.Н.* Популярная лекция для народа в Вене // Там же. 22 февраля; Хроника // Новости и биржевая газета. 1897. 15 февраля; *Энгельмейер А.К.* Из Рязани // Русь. 1897. 12 апреля.

¹⁰³ ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.18 об., 25 об.,31; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.5 об. Посещаемость Милоковым заседаний выявлена по рукописным подлинникам протоколов заседаний комиссии (см.: ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.31), т.к. в печатном варианте не всегда учитывались те случаи, когда Милоков присутствовал на заседании и расписывался в конце журнала, но его фамилия не значилась в списках прибывших на собрание.

¹⁰⁴ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.5 а; ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.29. Л.194; Д.31. Л.36-36 об., 67 об.; Д.35. Л.34; Д.42. Л.26; Ф.1335. Оп.1. Д.2. Л.43-43 об.,147; Ф.1373. Оп.1. Д.7. Л.7,8; Д.8. Л.4 об.; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.843 об.,846,849; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.185; Протоколы заседаний архивной комиссии // ТРУАК. 1895. Т.Х. вып.3. Рязань, 1896. С.XX,XXI.

По просьбе рязанского историка И.В.Добролюбова Милоков доставал необходимые ему книги. Позже Добролюбов попытался через Милокова узнать биографические данные и список трудов ректора Московского университета математика П.А.Некрасова для словаря об уроженцах края. Судя по всему, Милоков в этом случае не помог провинциальному историку. В 1897 г. сам Некрасов прислал автобиографию и список трудов в ответ на официальное обращение комиссии (ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.37. Л.40-40 об.; Д.38. Л.82-82 об.; Д.41. Л.27; Д.42. Л.34; Ф.1373. Оп.1. Д.8. Л.4 об.).

¹⁰⁵ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.22. Л.320-321,430; Д.31. Л.82 об. — 83 об.; Ф.1373. Оп.1. Д.8. Л.2-2 об.; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1896 год. Рязань, 1897. С.26-29; Письма разных лиц, более или менее известных в области науки, литературы и общественной деятельности к А.В.Селиванову. Владимир, 1913. Ч.3. С.30; Протоколы заседаний архивной комиссии // ТРУАК. 1890. Т.V, № 1-2. Рязань, 1891. С.20-21; 1896. Т.XI, вып.1. Рязань, 1896. С.XI-XIII.

¹⁰⁶ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.87 об., 89 об., 90,99,107,108 об. —109,132 об.-133 об.; Д.38. Л.57, 161; *Добролюбов И.В.* Краткая опись документов Богословского монастыря XVII и XVIII ст. // ТРУАК. 1900. Т.XV, вып.1. Рязань, 1900. С.83-103; *Шумаков С.А.* Материалы для истории Рязанского края // Там же. 1897. Т.XII, вып.1. Рязань, 1897. С.74-92; Вып.2. Рязань, 1897. С.311-327.

В.Н.Сторожев был обязан Милокову еще одним поручением. На заседании комиссии 6 марта 1896 г. было зачитано письмо А.Я.Кожевникова, в котором он благодарил за предложение выслать черепа из раскопок в Неврологический музей, прося присылать лишь черепа хорошей сохранности и в ограниченном количестве. Тогда Милоков предложил остальные черепа для изучения переслать в Антропологический музей Д.Н.Анучину, указав на Сторожева как на лицо, которому можно доверить переговоры с Анучиным. Комиссия с подобным предложением согласилась (См.: ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.89-89 об.).

¹⁰⁷ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.22. Л.320; Опись дел Рязанского исторического архива. Платежные отписки с 1647-1725 г. // ТРУАК. 1898. Т.XIII, вып.2. Рязань, 1898. С.194-241; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1896 год. С.29-30; *Проходцов И.И.* А.Д.Повалишин. Род. 15 июля 1844 г. † 17 июля 1899 г. // ТРУАК. 1899. Т.XIV, вып.2. Рязань, 1900. С.307.

¹⁰⁸ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.83 об., 93 об.-94, 107 об.-108, 116-118, 167; Д.37. Л.17,45-45 об.; *Белокозский И.П.* В годы бесправия. С.91; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1908 год. Рязань, 1910. С.2; *Проходцов И.И.* Высочайше утвержденная Рязанская ученая архивная комиссия: Обзорение пятнадцатилетней деятельности комиссии. Рязань, 1899. С.40. Прим.30; *Селиванов А.В., Милоков П.Н.* Опись дел Рязанского исторического архива: Древние акты и грамоты // ТРУАК. 1898. Т.XIII, вып.1. Рязань, 1898. С.110-120; Протоколы заседаний архивной комиссии // Там же. 1896. Т.XI, вып.2. Рязань, 1897. С.XXXVII-XXXIX; 1907. Т.XXII, вып.2. Рязань, 1909. С.XXX; 1910. Т.XXIV, вып.1. Рязань, 1911. С.XXII-XXIV.

¹⁰⁹ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.94 об., 98; Д.37. Л.42; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.185; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1896 год. С.18; *Черепнин А.И.* Местная старина. Собрание древностей А.В.Антонова // ТРУАК. 1897. Т.XII, вып.1. Рязань, 1897. С.51.

¹¹⁰ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.107 об.; Ф.1292. Оп.1. Д.77. Л.47; Ф.1335. Оп.1. Д.2. Л.117 об.; НИОР РГБ. Ф.162. К.2. Д.42. Л.1; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1896 год. С.6-12; *Проходцов И.И.* Высочайше утвержденная... С.59. Прим.73; *Черепнин А.И.* Дневник раскопок курганов, произведенных в 1896 году членами Рязанской ученой архивной комиссии // ТРУАК. 1896. Т.XI, вып.2. Рязань, 1897. С.129-158.

Написав реферат, Милоков, как и другие участники раскопок, устранился от составления дневника и отчета, что пришлось делать одному Черепнину (См.: ГАРО. Ф.1335. Оп.1. Д.2. Л.117 об.-118).

¹¹¹ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.87 об., 108 об.-109, 131-132 об.; Д.37. Л.85; Ф.5. Оп.4. Д.2851. Л.8-10; ГАРФ. Ф.102. 7-е д-во. Оп.192. Д.30. Л.449-450; Ф.579. Оп.1. Д.3461. Л.1-1 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.39; АИЗ. М., 1896. Т.IV. № 9-10. С.342-343; *В.С. [Сторожев В.Н.] П.Н.Милоков* // ЭС. СПб., 1896. Т.XIX, полутом 37. С.319; Известия X археологического съезда в Риге. 1-15 августа 1896 г. Рига, 1896. С.3.60,97-98; *Малченко В.С.* Указ. соч. С.168; *Милоков П.Н.* Отчет о раскопках рязанских курганов летом 1896 года // Труды десятого археологического съезда в Риге. 1896 /Под ред. гр. П.С.Уваровой. М., 1899. Т.1. С.14-37; *он же.* О раскопках рязанских курганов летом 1896 года // ТРУАК. 1899. Т.XIV, вып.2. Рязань, 1900. С.224-250; *он же.* Письмо в редакцию // РВед. 1896. 15 октября; *[Спицын А.А.]* Рязанская губерния. Раскопки курганов Зарайского и Рязанского у. в 1896 г. // Зап. имп. Русского археологического общества. СПб., 1898. Т.X, вып.1-2. С.334-342; *Черепнин А.И.* Раскопки бронзовых курганов // АИЗ. 1898. № 1. С.17.

В процессе подготовки реферата Милокова к печати в «Трудах» съезда П.С.Уварова обратилась в РУАК с просьбой сделать фотографии с двух семилопастных серег, нарисованных в приложении к реферату историком, а также выслать во временное пользование раскрашенные сердоликовые бусы, найденные во время тех же раскопок в одном из курганов Зарайского уезда. Фотографии были быстро изготовлены и посланы Уваровой, а вот с бусами вышла заминка: то ли Милоков ошибся в реферате, то ли Уварова его не так поняла, но из сообщения А.И.Черепнина видно, что подобные бусы во время раскопок 1896 г. не находились (см.: ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.45. Л.38-38 об., 46).

Пересказ реферата и признание его значения появились в нескольких российских журналах, газетах и отдельных изданиях (См., например: Десятый археологический съезд в Риге // ЖМНП. 1896. № 12. С.65-66 отд. паг.; X-й археологический съезд в Риге // РВед. 1896. 24 августа; *Редин Е.К.* X-й археологический съезд в Риге. Харьков, 1897. С.26). С выходом в 1899 г. «Трудов» съезда во многих изданиях опять появились сообщения о реферате Милокова (см., например: Рец. на: Труды X археологического съезда в Риге. 1896 г. /Под ред. гр. П.С.Уваровой. М., 1899. Т.1 // РМ. 1899. № 7. С.251 отд. паг.; *Хах-ов А. [Хаханов А.С.]* Рец. на: Труды X археологического съезда в Риге. 1896 г. /Под ред. гр. П.С.Уваровой. М., 1899. Т.1 // РВед. 1899. 19 июля).

¹¹² ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.67 об., 84, 95 об., 99, 122, 135, 139, 152-152 об.; Д.38. Л.180; Д.43. Л.17 об.; Д.53. Л.3 об.; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1896 год. С.20; *Проходцов И.И.* Высочайше утвержденная... С.119-120.

После смерти В.С.Праотцева Милоков из Болгарии в частном письме к В.С.Малченко предложил комиссии почтить память скончавшегося члена составлением и публикацией его биографии. На заседании РУАК 25 марта 1898 г. Малченко предложил обработку материалов Праотцева и составление его биографии поручить Милокову. Собравшиеся согласились с предложением. Но оно так и осталось на бумаге (Рязанский листок. 1898. 30 апреля; Протоколы заседаний архивной комиссии // ТРУАК. 1898. Т.XIII, вып.2. Рязань, 1898. С.XIV-XV).

¹¹³ ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.167; *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство ... С.642-643; *он же.* Когда «заворные люди» стали государственными тяглецами? // ТРУАК. 1897. Т.XII, вып.1. Рязань, 1898. С.97-99; *он же.* Спорные вопросы... С.85-87.

После опубликования заметки Милокова о ней от Платонова в августе 1897 г. узнал М.А.Дьяконов, собиравшийся сдавать в печать статью на аналогичную тему. Дьяконов высоко оценивал предыдущие исследования Милокова и потому хотел сперва ознакомиться с данной работой. Между ним и А.И.Черепниным завязалась переписка, в результате чего Дьяконов получил выпуск «Трудов» комиссии с интересующим его сочинением. Но бандероль пришла слишком поздно, поэтому воспользоваться милоковскими материалами и наблюдениями Дьяконову не пришлось, он смог лишь дать на них сноску (см.: ГАРО. Ф.1373. Оп.1. Д.17. Л.18-20; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2860. Л.9; *Дьяконов М.А.* Заворные люди // ЖМНП. 1897. № 12. С.391-442 отд. паг.). В дальнейшем М.А.Дьяконов включил очерк о заворных людях в другую работу (см.: *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI-XVII вв.) // Летопись занятий Археографической комиссии за 1895-1899 годы. СПб., 1901. Вып.12. С.241-294 отд. паг.).

¹¹⁴ *Милоков П.Н.* Владельцы населенных мест в нескольких уездах Рязанской губернии по первой ревизии (1722 г.) // Алфавет на именныя книги пехотного Азовского полку, звания и имен с отчества и с прозвища нижепоказанных разных чинов людей, сколько за кем положено в клад мужского полу душ, за помещики и за разночинцы /С предисл. П.Н.Милокова. Рязань, 1897. С.I-VII.

«Алфавет» был найден в конце 1880-х гг. А.В.Селивановым в архиве губернского правления. Член РУАК И.Ф.Микулин сделал с подлинника (Научно-справочная библиотека ГАРО. Инв. № 12994) копию (ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.391) и подготовил «Алфавет» к изданию в 1890 г., но что-то помешало этому изданию. Работы в 1895 г. продолжил С.Д.Яхонтов. Печатание было начато в том же году, но, по-видимому, из-за финансовых трудностей смогло закончиться в 1897 г. (См.: Алфавет... С.I; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1890 год. Рязань, 1891. С.9-10; То же за 1895 год. Рязань, 1896. С.11).

¹¹⁵ См.: Рец. на: Алфавет на именныя книги пехотного Азовского полку... // РМ. 1897. № 7. С.309-310 отд. паг.; *Рудаков В.Е.* Археология и история в трудах губернских ученых

архивных комиссий // ИВ. 1901. № 12. С.1098; *Рудаков Д.Ф. [ошибка, надо: Рудаков В.Е.] Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий* // Там же. 1899. № 6. С.943-945,953; *Снегневский В.И.* Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. С.12 отд. паг.; *Чулков Н.П.* Труды ученых архивных комиссий // Древности: Труды Археологической комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1898. Т.1, вып.1. Стб.146.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.121 об., 135, 136, 147, 148, 165; Д. 38. Л.146.

¹¹⁷ Ryazanskaya uchenaya arhivnaya komissiya to P.N.Miliukov, May, 21, 1900 // P.N. Miliukov papers. ВА; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.41; ГАРФ. Ф.869. Оп.1. Д.31. Л.190; Д.44. Л.6,9,16; Д.48. Л.18-20; *Милоков П.Н.* Поправка // ТРУАК. 1897. Т.ХП, вып.2. Рязань, 1898. С.310; Протоколы заседаний архивной комиссии // Там же. 1900. Т.ХV, вып.3. Рязань, 1901. С.ХХV.

С переориентацией Милокова на общественно-политическую деятельность его контакты с РУАК прекращаются. Интерес к его личности возник лишь в 1905 году. Этот год был крайне тяжелым для комиссии. И причиной тому была отнюдь не политическая обстановка в стране. В марте из Рязани в Санкт-Петербург был переведен на другую службу товарищ председателя В.Н.Крейтон, правая рука А.И.Черепнина. В мае скончался один из активнейших членов комиссии И.В.Добролюбов. Потом из Твери пришло известие о самоубийстве 17 июня правителя дел комиссии В.А.Шефферлинга. Позже выяснилось, что он потратил почти все принадлежавшие комиссии деньги, около 12 тысяч рублей. Это сообщение подорвало силы председателя комиссии А.И.Черепнина, и 20 сентября он умер от разрыва сердца. Один из членов РУАК Н.А.Кутуков предложил избрать председателем П.Н.Милокова, указывая, что если этот известный историк и политический деятель станет во главе комиссии и будет печатать свои статьи и заметки в ее «Трудах», то издания РУАК сделаются известными не только в России, но и в Европе. Кутуков считал, что Милоков может руководить работой комиссии «извне» через товарища председателя (ГАРО. Ф.869. Оп.1. Д.137. Л.16,27-28). Но кандидатура Милокова даже не была поставлена на голосование, и следующим председателем комиссии был выбран С.Д.Яхонтов.

¹¹⁸ НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.1 об.,7,8,12 об.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф.579. Оп.3. Д.266. Л.36; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.852.

¹²⁰ A.A.Grunau to A.S.Miliukova, June, 5, 1900 // P.N.Miliukov papers. ВА; N.S.Korvin-Krukovskii to P.N.Miliukov, January, 19, 1900 // Ibid.; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.41; ГАРФ. Ф.609. Оп.105. Д.27. Л.7 об.-8; Ф.1368. Оп.1. Д.1200. Л.1-1 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4173. Л.1-1 об.; Д.4334. Л.1-4 об.; Д.5553. Л.1-2; Д.5669. Л.1-3 об.; Рязанский листок. 1898. 30 апреля; *Чаров Н. [Федорченко Л.С.]*. Из «Галереи портретов наших общественных деятелей». I. П.Н.Милоков // Рязанская жизнь. 1912. 5 июля.

¹²¹ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.7; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.70 6,73; Т.2. Л.33,34; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.851; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.1 об.; Ф.135. Разд.П. К.29. Д.72. Л.1-2; Ф.162. К.2. Д.42. Л.3-3 об.; Д.43. Л.2; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.37,39,41; Д.3751. Л.14; ПФА РАН. Ф.172. Оп.1. Д.198. Л.1.

¹²² АВПРИ. Ф.192. Оп.782. Д.539. Л.478; БИА НБКМ. Ф.35. Д.142. Л.1,22,24; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.64,66; Оп.316. Д.1. Ч.2. Лит.Б. Л.12,65; Ф.505. Оп.1. Д.25. Л.10-11; Д.31. Л.17-18; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.84. Л.35 об.; Българо-руски научни връзки XIX-XX век: Документи / Съст. Л.Костадинова, В.Флорова, Б.Димитрова. София, 1968. С.300,301; *Викторов В.* Деятельность А.Вейсмана на Балканах // РВед. 1911. 28 апреля; *Въжарова Ж.Н.* Русские учени и българските старини: Изследване, материали и документи. София, 1960. С.189; *Меньщиков Л.П.* Указ. соч. С.204. Прим.43; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.188-189.

¹²³ ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.853, 854 об.; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.96. Л.59 об.; *Амфитеатров А.В.* Памяти Г.М.Баламеца // МГ. 1908. № 5/6. С.488.

¹²⁴ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.188; *он же.* Иосиф, экзарх болгарский // Речь. 1915. 1 июля; *он же.* Масарик и Бенеш // СЗ. 1936. Т.ЛX. С.347; *он же.* Памяти А.П.Малинова // ПН. 1938. 24 марта.

¹²⁵ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.22 об.,40,45 об., 113; Д.618. Л.1 об.-2 об.; ГАРФ. Ф.505. Оп.1. Д.31. Л.39 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.1 об.,2 об.; Le 70-me anniversaire de M. Paul Milioukov // La Bulgarie (Sofia). 1929. 4 mars.

¹²⁶ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.91-91 об.,95; Ф.505. Оп.1. Д.28. Л.8-9; Д.31. Л.26; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.281. Л.5 об.; ПФА РАН. Ф.172. Оп.1. Д.198. Л.1; РГА СПИ. Ф.279. Оп.2. Д.265. Л.1; Объявления // РМ. 1897. № 4. С.3 отд. паг.; Жизнь Юга (Одесса). 1897. № 1,2; *Wiener L.* A Victim of Autocracy: Prof. Milyukov, Lowell Lecturer on «The Russian Crisis» // Boston Evening Transcript. 1904. November, 29.

¹²⁷ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.66,71,72, 106; ОО. Оп.227. Д.443. Л.68,69; Ф.505. Оп.1. Д.26. Л.3 об.,36,39-39 об.; Д.31. Л.6 об.,17 об.-18; Ф.10003. Оп.1. Carton 61. Reel 361. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Документ L; *Гольденберг Л.Б.* Воспоминания // КС. 1924. Кн.6(13). С.122; XIX и XX Обзоры... С.293; XXII и XXIII Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1898 и 1899 гг. СПб., 1902. С.170.

¹²⁸ АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.7-8; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3404,3405,3490; ДАС. Ф.994 к. Оп.2. Д.6. Л.52 об.-53,67-67 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.3; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.1 об.; Ф.135. Разд. П. К.29. Д.72. Л.3-4,5; РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.4; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.189; *он же.* Преглед на философско-историческите системи: (Увод) // БП. 1897. № 3. С.23-28; Отчет за вървежа на Висшето училище през 1896-1897 учебна година. София, 1898. С.8; Реч на Хр.Силянов // Павел Николаевич Милоков: По случай 70-годишния му юбилей. София, 1929. С.21; Реч на Васил Пасков // Там же. С.30; *Ризов Д.Х.* На гости у графа Л.Н.Толстой // Мисль (София). 1900. Кн.III и IV. С.166; *Шшиманов И.Д.* Русское прогрессивное общество и южнославянские демократии // РВед. 1913. 6 января; *Wiener L.* A Victim of Autocracy: Prof. Milyukov, Lowell Lecturer on «The Russian Crisis» // Boston Evening Transcript. 1904. November, 29.

¹²⁹ АВПРИ. Ф.146. Оп.495. Д.8437. Л.8; Ф.151. Оп.482. Д.1302. Л.176; Д.1304. Л.12-14; Д.2216. Л.1; Д.2317. Л.2-5,7-9 об.,11; Ф.192. Оп.527. Д.217. Л.6,53,55,56,64; Оп.782. Д.540. Л.63 об.; БИА НБКМ. Ф.13. Д.16. Л.51-52,54,120,129; ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.58. Л.21 об.,24; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3751. Л.14; ЦДА. Ф.176. Оп.1. Д.925. Л.57-58; Д.1130. Л.3-5; *Бобчев С.С.* Из книжнината и живота. I. В нашеско // БС. 1897. Кн.V. С.540-541; Глас Македонски (София). 1897. 22 апреля; *Д.Л. П.С.Боткин* // Возрождение. 1933. 15 июля; Знаме (София). 1897. 19 апреля; Кончина П.Д.Боткина (!) // Возрождение. 1933. 14 июля; *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894-1896. М., 1991. С.74; *Михайловский Г.Н.* Записки: из истории русского внешнеполитического ведомства, 1914-1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн.1. С.251,483-484; Кн.2. С.194; Отзыв. 1897. 15,17, 28 и 29 апреля; Смерть Ю.П.Бахметьева // Руль. 1928. 2 сентября.

¹³⁰ АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.1303. Л.16-17; Д.2317. Л.9-9 об.,11; Ф.159. Оп.749/1. Д.1101. Л.1,12; Ф.192. Оп.782. Д.23. Л.362-363; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.79 об.; НИОР РГБ. Ф.261. К.17. Д.4. Л.2; РГА СПИ. Ф.279. Оп.2. Д.265. Л.1; Алманах на Софийския университет св. Климент Охридски. Живописни и книгописни сведения за преподавателит: За петдесетгодишнината на университета, 1888-1939. София, 1940. С.45; *Величков К.П.* Дневник // *Величков К.П.* Съчинения в 5 тома. София, 1987. Т.3. С.245-246; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.190; Свобода (София). 1898. 26 января; *Стоилов К.С.* Дневник. София, 1996. Ч.II. С.329; *Wiener L.* A Victim of Autocracy: Prof. Milyukov, Lowell Lecturer on «The Russian Crisis» // Boston Evening Transcript. 1904. November, 29.

¹³¹ БИА НБКМ. Ф.13. Д.16. Л.226-230; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.79 об.; Ф.505. Оп.1. Д.25. Л.47; *Величков К.П.* Дневник. С.247-249.

¹³² АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.1303. Л.30-31 об.; Д.2317. Л.12-18,22; Ф.192. Оп.782. Д.23. Л.389-390; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Д.251. Т.1. Л.79; Т.2. Л.34-39 об.; Ф.505. Оп.1. Д.25. Л.44-47,50-50 об.; ПФА РАН. Ф.172. Оп.1. Д.198. Л.1; РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.6; *Величков К.П.* Дневник. С.248-249; *Ризов Д.Х.* Указ. соч. С.167. Правда, уже в феврале 1898 г. А.И.Будзилович в донесении в Департамент полиции высказал опасение, что активная деятельность Ю.П.Бахметева по изгнанию русских эмигрантов из страны может привести к нежелательным последствиям. Будзилович даже допускал, что Бахметев может потребовать от болгарского правительства «по свойственному ему упрямству и некоторой близорукости» высылки всех русских эмигрантов (см.: ГАРФ. Ф.505. Оп.1. Д.27. Л.5-5 об.).

¹³³ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.82-82 об.; Ф.505. Оп.1. Д.26. Л.60; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.973. Л.19,20; РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.6; Д.138. Л.8.

¹³⁴ Miliukov P.N. to A.V.Gol'stein, August, 30, 1897 // A.V.Gol'stein papers. ВА; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.2,112; Д.618. Л.1-2 об.; ГАРФ. Ф.505. Оп.1. Д.26. Л.49 об.; Ф.579. Оп.3. Д.266.

Л.13-14 об.,40 об.; Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.69,73-76; ОО. Оп.227. Д.443. Л.69; Ф.505. Оп.1. Д.25. Л.67; Д.26. Л.24; Ф.10003. Оп.1. Carton 61. Reel 361. Vox 198. File XVII-f. Folder 1. Документ А; ПФА РАН. Ф.172. Оп.1. Д.198. Л.2; РГАДА. Ф.184. Оп.1. Д.669. Л.1; РО ИРЛИ (ПД). Ф.217. № 28999. Л.1; Българо-руски научни връзки XIX-XX век. С.61; История полувековой дружбы /Публ. А.Сергеева и А.Тюрина // Минувшее: исторический альманах. М.–СПб., 1995. Вып.18. С.353; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.186-187,189; он же. Масарик и Бенеш. С.347-348; он же. Мои встречи с Масариком // ПН. 1937. 21 сентября; Полешич Т.С. Болгаро-украинские общественно-политические и культурные связи (1878-1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1986. С.94; Boyer P. П.Н.Милокову // ПН. 1939. 23 марта. Пока Милоков был в Париже в его доме проживал И.Н.Кашинцев со своей сожительницей С.(С.).Иозефсон (см.: ГАРФ. Ф.505. Оп.1. Д.25. Л.59; Д.27. Л.8).

¹³⁵ Miliukov P.N. to A.V.Gol'stein, n.d. // A.V.Gol'stein papers. ВА; АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.1304. Л.90 об.-91; ДАС. Ф.994 к. Оп.2. Д.6. Л.72 об.,79 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.5,10; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.853-854; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.40,41.

¹³⁶ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.106-106 об.; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.863-863 об.; ЦДА. Ф.176. Оп.21. Д.805. Л.17-19; Отзив. 1897. 29 и 30 декабря.

¹³⁷ Miliukov P.N. to A.V.Gol'stein, n.d. // A.V.Gol'stein papers. ВА; АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.2317. Л.19-22 об.; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.45-45 об.; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.87 об.; Ф.505. Оп.1. Д.27. Л.2-3 об.; ДАС. Ф.994. Оп.2. Д.6. Л.81 об.-83; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.854,866 об.; РГАЛИ. Ф.640. Оп.1. Д.126. Л.3-4; РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.6.

В письме Н.Е.Вернадской от 20 марта 1898 г. А.С.Петрункевич под впечатлением от ареста В.В.Водовозова в Киеве высказывала пожелание, чтобы Милоков оставался за границей, т.к. ничего хорошего его в России не ждет (см.: АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.360. Л.18 об.).

¹³⁸ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.251. Т.1. Л.87; България (София). 1898. 24 июля; Из архива на Константин Иречек: Преписка с българи. Документи за обществено-политическата и културна история на България от 1871 до 1914 година /Подбрал и подготвил за печат П.Миятев. София, 1953. [Т.1]. С.322; Мир (София). 1898. 17 января; Отзив. 1898. 12 и 13 января; Свобода. 1898. 16, 26, 30 января.

¹³⁹ Miliukov P.N. to A.V.Gol'stein, n.d. // A.V.Gol'stein papers. ВА; АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.4758. Л.259-259 об.,262-263; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.45-45 об.; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.92,97-99,105-106 об.; Ф.505. Оп.1. Д.27. Л.3,9; Д.28. Л.11-12,16-17,24-25; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.4,5; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.854 об.,861-864,865-866 об.; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.44. Л.51 об., 54 об.,57 об.,58; Д.96. Л.59; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.192.

¹⁴⁰ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.3; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3462. Л.1-3; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.44. Л.57 об.; АИЗ. 1898. Т.VI. № 11-12. С.392-393; Л.М. Новейшие археологические открытия в Малой Азии // РВед. 1898. 30 октября; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.196; Мшак (Тифлис). 1898. 18 сентября (на армянском языке).

¹⁴¹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.99,100; ОО. Оп.227. Д.443. Л.69,69 об.; Ф.505. Оп.1. Д.27. Л.16; Д.28. Л.25; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.192-199.

¹⁴² ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.99; ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д.558. Л.866 об.; Милоков П.Н. Из поездки в Македонию. Европейская дипломатия и македонский вопрос // ВЕ. 1899. № 5. С.52; он же. Письма из Македонии // РВед. 1898. 11 августа; он же. Христианские древности Западной Македонии: по материалам, собранным Русским Археологическим Институтом в течение летней экскурсии 1898 года // ИРАИК. София, 1899. Т.IV. Вып.1. С.21-152.

¹⁴³ АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.4758. Л.220-221 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4541. Л.1; ПФА РАН. Ф.116. Оп.1. Д.169 а. Л.1,18; Ф.127. Оп.1. Д.143 Л.6 об.; България. 1898. 24 июля; Милоков П.Н. Письма из Македонии // РВед. 1898. 11,20 августа; 2,4 сентября; 1899. 4,15 января; он же. Христианские древности Западной Македонии. С.23,33,36; Успенский Ф.И. Две исторические надписи. 1. Надпись на башне Артиваса. 2. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне // ИРАИК. София, 1898. Т.III. С.184,188-194.

¹⁴⁴ АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.1450. Л.84; Д.4758. Л.279-279 об.; Д.4759. Л.17; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.21-21 об.; ПФА РАН. Ф.116. Оп.1. Д.223. Л.2; Ф.127. Оп.1. Д.150. Л.2; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.194; он же. Письма из Македонии // РВед. 1898. 11, 20

августа, 2, 4 сентября, 7 декабря; 1899. 7 января; он же. Христианские древности Западной Македонии. С.21-152; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1898-м году // ИРАИК. София, 1899. Т.IV. Вып.3. С.122,149-150,155.

¹⁴⁵ АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.1450. Л.84; Д.4758. Л.279-279 об.,285-286; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.6419. Л.1; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.1427. Л.4; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.44. Л.59 об.; РГИА. Ф.757. Оп.1. Д.2. Л.40-43 об.; *** [Кычев В.И.]. Битолско, Преспа и Охрид (Пътни бележки) // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1891. Кн.IV. С.40; Милетич Л.Г. Към Самуиловия надпис от 993 година // ИРАИК. София, 1899. Т.IV, вып.1. С.14; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.197; он же. Письма из Македонии // РВед. 1899. 4,7, 15, 21, 28 января; 5, 13 февраля; 2, 27 марта; он же. Христианские древности Западной Македонии. С.36,40,41,74,79,83,86,97,107,109,120,126,127,132,134; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1898-м году. С.125-149; Стоилов А.П. В Трескавския манастир // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1900. Кн.XVI и XVII. С.492-495; Успенский Ф.И. Надпись царя Самуила // ИРАИК. София, 1899. Т.IV, вып.1. С.1,2,4.

¹⁴⁶ ПФА РАН. Ф.Разряд IV. Оп.1. Д.805; Ф.116. Оп.1. Д.126, Д.169 а; Оп.3. Д.2,27; РГИА. Ф.1041. Оп.1. Д.67,111-113; Милоков П.Н. Христианские древности Западной Македонии: по материалам, собранным Русским Археологическим Институтом в течение летней экскурсии 1898 года // ИРАИК. София, 1899. Т.IV, вып.1. С.21-152; Ростовец М.И. Надписи из Македонии // Там же. Вып.3. С.166-188; Успенский Ф.И. Две исторические надписи. 1. Надпись на башне Артиваса. 2. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне // Там же. 1898. Т.III. С.184-194; он же. Надпись царя Самуила // Там же. 1899. Т.IV, вып.1. С.1-4; он же. Охридская рукопись Иоанна Куроплата Скилицы // Там же. Вып.2. С.1-8.

¹⁴⁷ 5 этнографических карт Македонии с текстом П.Н.Милокова. СПб., 1900; А.И. Рец. на: 5 этнографических карт Македонии с текстом П.Н.Милокова. СПб., 1900 // БП. 1900. № 8. С.113-114; Корблев В.Н. Рец. на: 5 этнографических карт Македонии с текстом П.Н.Милокова. СПб., 1900 // ЖС. 1900. № 3. С.439-441; Флоринский Т.Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. Киев, 1901. Вып.VII. С.26-28; Wilkinson H.R. Maps and Politics: A Review of the Ethnographic Cartography of Macedonia. Liverpool, 1951. P.39,131.

¹⁴⁸ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.10-11; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.492. Л.5-6 об.; Д.968. Л.5-6; Д.1417. Л.9-9 об.; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.10 об.; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.96. Л.59-59 об.; Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской. 1893-1900. С.242; Държавен вѣстник (София). 1898. 29 сентября; Дневник (стенографически) на Деветото Обикновено Народно Събрание. Трета редовна сесия. София, 1899. Кн.IV. С.312-313.

¹⁴⁹ Исток. 1898. 4,7 августа; Народни права (София). 1898. 6 октября; Пръпорец (София). 1898. 8 августа. Несмотря на явные причины отставки, газета «България» продолжала недоумевать почему был уволен Милоков (см.: България. 1899. 5 февраля).

¹⁵⁰ АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.4758. Л.242-245 об.,278-278 об.; Д.4759. Л.5-5 об.,8-8 об.,17; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.21-21 об.; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.44. Л.59 об.-61; Д.96. Л.59,59 об.; Д.118. Л.17-18,21-24; Д.150. Л.2-5 об.; РГИА. Ф.757. Оп.1. Д.5. Л.1-4 об.; Д.6. Л.9 об.-10 об.,13,14; Д.20. Л.2; Ф.1073. Оп.1. Д.355. Л.40,42; Вължарова Ж.Н. Указ. соч. С.203; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1898-м году. С.122,150.

¹⁵¹ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.21 об.; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.104-110; НИОР РГБ. Ф.10. К.16. Д.4. Л.1,2; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.44. Л.59 об.; Д.96. Л.59,59 об.

¹⁵² АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.4759. Л.11; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.102; Ф.579. Оп.1. Д.3539, 3540, 3550; ПФА РАН. Ф.116. Оп.1. Д.169. Л.5,17 об.; РГИА. Ф.1073. Оп.1. Д.355. Л.48,50,51-54 об.; Исток. 1898. 7 октября; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.197,198; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1898-м году. С.122-123,150-152.

¹⁵³ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.21-21 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.5; НИОР РГБ. Ф.10. К.16. Д.4. Л.1; Ф.77. К.5. Д.22. Л.10 об.; Ф.135. Разд.II. К.29. Д.72. Л.6-7; Исток. 1898. 30 декабря.

¹⁵⁴ АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.4758. Л.288; ОРРК РНБ. Ф.608. Оп.1. Д.1360. Л.3 об.-4; ПФА РАН. Ф.116. Оп.1. Д.223. Л.1-2; Ф.127. Оп.1. Д.6. Л.14; Д.44. Л.61 об.-62; Д.96. Л.87-88;

Българо-руски научни връзки XIX-XX век. С.330; *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.198-200; *он же.* О моем «архиве» // ПН. 1932. 11 сентября; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1898-м году. С.155; Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 /Под ред. гр. П.С.Уваровой и С.С.Слуцкого. М., 1902. Т.II. Отд.3. С.99.

РАИК решил воспользоваться отсутствием контроля со стороны турецких чиновников за раскопками, и половина добытых находок не была отослана в Оттоманский музей, как это предписывало султанское ирадэ. Данное обстоятельство не укрылось от турок, и в марте 1899 г. они через русского посла И.А.Зиновьева потребовали исполнения формальностей. В свое оправдание Успенский писал, что это были пробные раскопки. Позднее время и суровый климат не позволили провести их в необходимом объеме, поэтому институт и не счел нужным придерживаться условий ирадэ. Зато находки следующих раскопок будут поделены поровну, заверял он. Но турки были непреклонны, и в начале 1900 г. материалы македонских раскопок 1898 г. были поделены между РАИК и Оттоманским музеем. По сведениям Милюкова, часть находок, оставшаяся у РАИК, исчезла при разгроме института в годы первой мировой войны (АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.4759. Л.9-12,14-16,18-29; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.147. Л.4-15; *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.199).

¹⁵⁵ АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.11; Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.40 об.; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.98; НИОР РГБ. Ф.135. Разд.II. К.29. Д.72. Л.6,8,11-16; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.96. Л.59; РГАЛИ. Ф.80. Оп.1. Д.152. Л.2; *В. [Кънчев В.И.]*. Рец. на: Български преглед. Г.У, кн. IX-X // България. 1899. 1 октября; *[Кънчев В.И.]*. Руската академическа експедиция в Македония // България. 1900. 23 ноября; Македонският въпрос в странство // Реформи (София). 1899. 24 июня; 31 июля; *Милюков П.Н.* Из поездки в Македонию. Европейская дипломатия и македонский вопрос // ВЕ. 1899. № 5. С.52-83; № 6. С.425-456; *он же.* Сербо-болгарские отношения по македонскому вопросу // Сборник журнала «Русское богатство» /Под ред. Н.К.Михайловского и В.Г.Короленко. СПб., 1899. С.238-291 отд. паг.; Пръглед на нашия и чужди период. печать // БС. 1899. № 6. С.584; Руската съвест // Реформи. 1899. 7 октября; *Русский [Кулаковский П.А.]*. ?]. Иностранные известия. София, 28 сентября // РВед. 1900. 6 октября; *Станоевски Ц.* Како ја видоа Македонија: (Руски публикации за Македонија. 1828-1913). Скопје, 1978. С.24-26.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.2. Л.43-43 об.; Ф.505. Оп.1. Д.31. Л.3; ДАС. Ф.994 к. Оп.2. Д.7. Л.57; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.12; Д.969. Л.1-2; НИОР РГБ. Ф.135. Разд.II. К.29. Д.72. Л.22-23; *Вернадский В.И.* Письма Н.Е.Вернадской. 1893-1900. С.263; Из архива на Константин Иречек. С.336.

¹⁵⁷ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.21-21 об.,36-37 об.,40,41; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.2. Л.44; ОО. Оп.226. Д.106. Л.13; Ф.505. Оп.1. Д.31. Л.50 об.,52; НИОР РГБ. Ф.77. К.23. Д.42. Л.1; Ф.135. Разд.II. К.29. Д.72. Л.22-23; РО ИРЛИ (ПД). Ф.293. Оп.1. Д.912. Л.1; *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.186; *он же.* Предисловие // *Шиллер И.Ф.* Два Пикколомини. С.У; Нов Отзив (София). 1899. 24 и 25 июля; Реформи (София). 1899. 31 июля.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.6. Ч.53. Л.220 а об.-220 б об.; Ф.505. Оп.1. Д.31. Л.63 об.; Ф.579. Оп.1. Д.5970. Л.1-1об.; Д.6418. Л.1-5 об.; Д.6440. Л.1-3 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.473. Л.1,5,9,11; Д.583. Л.2; Д.602. Л.1-1 об.; Д.651. Л.3-4об.; Д.968. Л.10-10 об.,33-35,38; Д.970. Л.1-6 об.,7 об.-9 об.,11-18; Д.971. Л.2-3 об.,6.

¹⁵⁹ P.N.Miliukov to C.R.Crane, April, 25, 1902 // C.R.Crane papers. ВА; АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.474. Л.10; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.69-69 об.; Ф.505. Оп.1. Д.26. Л.36,77-78; Д.28. Л.3,39-39 об.; Д.31. Л.41-41 об.; Ф.579. Оп.1. Д.6414. Л.2-5 об.; Ф.10003. Оп.1. Carton 61. Reel 361. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Документ В; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.608. Л.1; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.10-10 об.; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.37-37 об.,41; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.44. Л.63 об.; РГАДА. Ф.184. Оп.1. Д.669. Л.1; РГАЛИ. Ф.80. Оп.1. Д.152. Л.2; Ф.640. Оп.1. Д.126. Л.3; Афронт П.Н.Милюкову // Вестник Союза русского народа. 1912. 8 апреля; *В.Н.З. [Златарски В.Н.]*. Рец. на: Милюков П.Н. Христианские древности Западной Македонии: по материалам, собранным Русским Археологическим Институтом в течение летней экскурсии 1898 года. София, 1899 // БП. 1900. № 8. С.111-112; XIX и XX Обзоры... С.143,286; *Иловайский Д.И.* Историко-критические заметки: Еще о поборниках отживших теорий // РА. 1900. № 1. С.145; История на българското изобразително изкуство. София, 1976. Т.1. С.73; *Кондаков Н.П.* Македония: Археологическое путешествие. СПб., 1909. С.230,232,233,242 и др.; *Миронова М.Г.* Изучение истории Болга-

рии Русским Археологическим институтом в Константинополе. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С.131-139; *Миятев К.* Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С.238. Прим.118; 242. Прим.67; Протоколы Славянской комиссии // Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т.IV, вып.1. С.53 отд. паг.; М., 1911. Т.V. С.14-15 отд. паг.; *[Пытин А.Н.]*. Рец. на: П.Н.Милюков. Главные течения русской исторической мысли. 2-е изд. М., 1898 // ВЕ. 1898. № 10. С.837; *Е. [Ежов Д.К.]*. Рец. на: Известия Русского Археологического института в Константинополе. София, 1899. Т.IV, вып.1 // ИВ. 1900. № 2. С.799.